

Т В О Й   К Р У Г О З О Р

М. В. ГУМИЛЕВСКАЯ

ГДЕ МОРОЗ, А ГДЕ ЖАРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

ПРОСВЕЩЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т В О Й   К Р У Г О З О Р

М. В. ГУМИЛЕВСКАЯ

ГДЕ МОРОЗ, А ГДЕ ЖАРА

ИЛЛЮСТРАЦИИ Ю. С. СМЕТАНИНОЙ

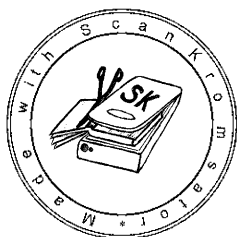
М О С К В А

« П Р О С В Е Щ Е Н И Е »

2 0 0 7

УДК 087.5: 91
ББК 84(2)
Г94

Серия «Твой кругозор» основана в 2007 году

Scan AAW

Гумилевская М. В.

Г94

Где мороз, а где жара : [для сред. шк. возраста] /
М. В. Гумилевская; ил. Ю. С. Сметаниной. — М. : Просвещение,
2007. — 176 с. : ил. — (Твой кругозор). — ISBN 978-5-09-017960-7.

Книга замечательной детской писательницы Марты Гумилевской рассказывает о самых холодных и самых жарких местах на Земном шаре. Читателей ждут тайны тропических лесов Африки, полная драматизма история покорения Арктики и Антарктиды, выдающиеся географические исследования и открытия.

УДК 087.5: 91
ББК 84(2)

ISBN 978-5-09-017960-7

© Издательство «Просвещение»,
оформление, дизайн серии, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГДЕ МОРОЗ...	7
ДРЕЙФ ВО ЛЬДАХ	9
СТАНЦИЯ «СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС-1»	20
ЦАРЬ АРКТИЧЕСКИХ ПУСТЫНЬ	25
«СЕМЬ ОСТРОВОВ»	28
КРАЙ ОЛЕНЕВОДОВ И ОХОТНИКОВ	35
ГДЕ КУКУШКИ КУКУЮТ ПО НОЧАМ	40
ПЛЕННИКИ МАЛОГО БРУНА, ИЛИ ЧЕТВЕРО НА ШПИЦБЕРГЕНЕ	43
ЗАГАДКИ АРКТИКИ	58
ОСТРОВ ОГНЯ И ЛЬДА	66

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

...А ГДЕ ЖАРА	73
КОЛЬЦО ЭКВАТОРА	75
ЭКВАТОРИАЛЬНЫЕ ДЕБРИ АФРИКИ	77
ДЕТИ ЛЕСА	81
НАШ БЛИЗКИЙ РОДСТВЕННИК	88

МАЛЕНЬКИЕ ХИЩНИКИ ТРОПИЧЕСКИХ ЛЕСОВ	100
СОН В ЛУННУЮ НОЧЬ	107
«ЛЕТАЮЩИЕ ДРАГОЦЕННОСТИ»	112
НА БЕРЕГУ МАКЛЯ	116
Часть третья	
СНОВА МОРОЗ!	131
ДВОЮРОДНЫЕ СЕСТРЫ	133
МУЗА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ	135
ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА СКОТТА	140
МОЛЧАЛИВЫЙ МАТЕРИК	156
«ОАЗИСЫ» АНТАРКТИДЫ	163
АБОРИГЕНЫ АНТАРКТИДЫ	165
ДРЕЙФУЮЩИЕ МАТЕРИКИ	172

ГДЕ МОРОЗ...

Если бы вы в середине XIX века спросили: «А что там, на Северном полюсе?» — вам, пожалуй, никто не дал бы вразумительного ответа. Потому что никто там не бывал. Хотя многие и пытались. Но льды, ветры, морозы не пускали смелых путешественников в суровые владения Снежной королевы. Корабли тонули, раздавленные льдами, путешественники погибали: оставшись под открытым небом, они замерзали, они голодали, и хорошо, если кому-то все же удавалось вернуться домой, хотя и побежденному злой стихией.

Но вот однажды возле берегов Гренландии нашли вмержшие в лед несколько предметов с американского корабля «Жаннета», который намеревался дойти до полюса. «Жаннета» была раздавлена льдами возле Новосибирских островов, большая часть экипажа вместе с отважным капитаном Де-Лонгом погибла.

Было это в 1881 году.

«Жаннета» погибла на востоке. А останки ее нашли через три года на другом конце Полярного бассейна. Значит, их принесло сюда вместе со льдом течениями и ветрами. О дрейфе льдов через бассейн Центральной Арктики ученые догадывались и раньше. Случай с «Жаннетой», как и сибирский плавник, который часто на-

ходили у берегов Гренландии, еще раз подтвердил эти догадки. Мало того, он подсказал молодому норвежскому путешественнику Фритьофу Нансену очень важную мысль. В те годы Нансен уже был известен как смелый полярник, гордость маленькой Норвегии. Он первым пересек ледяной щит, сковывающий громадный остров Гренландию. Никто до него не отваживался на это.

Теперь Нансен придумал нечто совершенно необыкновенное. Он решил построить крепкое судно, дать ему вмерзнуть в льды и вместе с ними совершить путешествие через околорасположенное пространство, а может — кто знает? — пройти и через полюс. Нансен придумал форму судна: округлую, напоминающую расколотый надвое кокосовый орех, с крепкими обводами. При такой конструкции льды не раздавят корабль, они будут выжимать его наверх.

От Норвегии предстояло пройти к Новосибирским островам и оттуда уже начать дрейф. Какими путями идут льды, никто не знал. Возможно, и в самом деле они держатся северней и тогда пересекут точку полюса, знаменитое «место, вокруг которого все вертится». Но даже если этого не случится, все равно околорасположенное пространство совсем не изучено, и Нансену предстоит рассказать, какова его природа, изучить особенности воздушных и водных течений, измерить глубину океана и многое другое.

Ураганом протестов встретили многие ученые план Нансена дрейфовать вместе со льдами. Этот молодой человек — безумец, кричали они, его мысль нелепа, план безнадежен, а само плавание — самоубийство!

Пробиться через такую бурю протестов было, пожалуй, не легче, чем через полярные льды. Однако Нансена уважали в его отечестве, им гордились, ему верили. И вопреки всем воплям правительств маленькой небогатой Норвегии пошло ему навстречу. Экспедицию разрешили, деньги дали, судно построили. Его создал один из лучших кораблестроителей Норвегии — Колин Арчер, и 25 октября 1892 года оно было спущено на воду.

«Тысячи людей собрались вокруг верфи Колина Арчера, — рассказывает один из тех, кто присутствовал при этом событии. — Тысячи людей вскарабкались на окружающие горы. На подмости, устроенные около носа корабля, поднимается Фритьоф Нансен с женой. Она подходит к носу корабля, сильным ударом разбивает о него бутылку шампанского и говорит громким, ясным го-

лосом: «Фрам — имя ему». В ту же минуту на флагштоке взвивается флаг с именем корабля — белые буквы на красном поле. Быстро обрубают все канаты и подпорки, и большое, тяжелое судно начинает скользить по наклону сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Минута, когда «Фрам», приветствуемый салютами орудий и криками «ура», спустился на воду, захватила всех своей торжественностью».

«Фрам» — славное имя, в переводе оно означает «Вперед». Он и шел всегда вперед. Старик Арчер крепко сколотил его!

В июле 1893 года «Фрам» вышел в плавание. У Нансена были молодые, сильные помощники, настоящие потомки викингов — старинных мореплавателей Севера. Экипаж невелик — всего двенадцать человек. Сам строитель, Колин Арчер, стал у руля и вывел корабль в открытое море. Прощальные рукопожатия... Арчер, братья Нансена сошли в лодку... И «Фрам» тяжело поплыл вперед!

«Невыразимо грустно было провожать эти последние родные лица, уносимые маленьким суденышком по широкой синей глади, — вспоминает Нансен. — Мне показалось даже, что по красивому лицу старика Арчера, стоявшего выпрямившись в лодке и кричавшего «виват» «Фраму» и нам, покатила слеза. Ведь и ему этот корабль дорог. Я знаю, он в нем уверен. Мы отдали Арчеру первый салют из пушек «Фрама» — высшая почесть, какую мы могли ему оказать.

Полный ход вперед. И вот в тихий, ясный день, в час, когда вечернее солнце озаряло землю, «Фрам» направился в синее море, чтобы получить свое первое крещение в его широкой зыби».

Экспедиция направлялась через Карское море, вечно забитое льдами, ей предстояло миновать мыс Челюскина и пройти вдоль берегов Сибири к Новосибирским островам.

«Фрам» настойчиво пробивался вперед, но иногда он задерживался, сталкиваясь с такими препятствиями, как «мертвая вода».

«Мы почти не двигались с места, — вспоминает Нансен, — благодаря мертвой воде. Судно точно увлекало за собой весь поверхностный слой моря. Мы имели случай заняться исследованием этого явления более тщательно, чем желали. Кажется, оно происходит исключительно там, где слой пресной воды лежит на соленой и увлекается кораблем... Различие в свойствах обоих слоев здесь так значительно, что мы черпали верхний слой для питья,

а нижний настолько солон, что не годился даже для котлов... Мы поворачивали в разные стороны, кружили, но как только останавливали машину, так словно что-то тянуло корабль назад».

В конце концов это испытание преодолели. Но впереди ждало другое: мыс Челюскина. Обогнуть его было далеко не просто.

Вечером Нансен сидел в наблюдательной бочке, на верху мачты, и не сводил глаз с горизонта.

«Низменная, пустынная земля. Солнце давно село за морем, но вечернее небо грезило еще золотом и ярью.

Высоко над водой было уединенно и тихо. На бледнеющем небе ярко и печально мерцала звезда, одна-единственная, над самым мысом Челюскина. По мере того как мы шли дальше, мыс все отчетливей выдвигался на востоке, а звезда передвигалась вместе с нами, все время озаряя путь. Я не в силах был оторвать от нее взгляд. Она словно притягивала к себе, утешала, навевала спокойствие. Не моя ли это звезда? Не богиня ли это родного очага посылает улыбку, следит за нами? Много мыслей пронеслось в голове, пока «Фрам» в унылом ночном сумраке стремился к самому северному мысу Старого Света.

Под утро мы очутились напротив него. Повернули прямо к земле. И как раз при смене вахты, когда склянки пробили четыре, мы подняли судовой флаг и послали тремя пушечными зарядами громовой салют над морем. В тот же миг брызнули лучи солнца... Преграда, грозившая зимовкой у этого берега, раздалась. Путь был открыт».

22 сентября «Фрам» благополучно пристал к большой льдине на севере от Новосибирских островов, вмерз в нее, как и предполагалось, и вместе с ней начал свой трансарктический рейс. Судно великолепно выдерживало сжатия, легко выскальзывало кверху, хотя и было очень тяжело нагружено углем.

«Лед теснится и громоздится вокруг нас, — вспоминает Нансен, — ледяные глыбы поднимаются в целые стены, они напрягают все силы, чтобы стереть «Фрам» в порошок. Шум постепенно нарастает и становится подобным звуку всех труб органа. Корабль трясется и дрожит, поднимаясь то толчками, то потихоньку. Но мы сидим в наших уютных каютах совершенно спокойно, даже не выходим наверх посмотреть на хаос... Приятно сознавать, что судно крепкое, другое уж давно было бы раздавлено».

Путешественники жили спокойно, много работали, делали многочисленные наблюдения и чувствовали себя совершенно как дома. Стол у них был прекрасный, вот только пива не хватило, но все сошлись на том, что это даже не худо, ведь от пива полнеют! А весы неумолимо показывали, что полярные путешественники прибывают в весе. Заменяли его лимонным напитком и радовались!

Жили с такими удобствами, о которых в те времена путешественники, отправлявшиеся в плавание на далекий север, и не мечтали.

Ветряки при подходящем ветре заряжали аккумуляторы, так что обитатели «Фрама» пользовались электрическим освещением и лишь иногда, когда подолгу не бывало «мельничного ветра», — керосиновыми лампами.

Исследованиями под открытым небом занимались при любом морозе, даже свыше 40 градусов, хотя раньше считалось, что при такой температуре это невозможно.

Все было хорошо. Правда, иной раз сильная тоска охватывала по родным лицам, по жаркому лету, по зеленой траве и весело журчащим ручейкам... Но тут уже ничего не поделаешь. И все говорили, что они счастливы, живут без хлопот, без забот, делают свое интересное дело — чего же больше желать?

А Нансен? Был ли счастлив и он? Говорил — да. Но почему же у него на лбу между бровями залегла такая глубокая складка? Почему он часами мог сидеть у себя в уютной каюте, в кресле перед письменным столом, заваленным всякими графиками и различными картами, погруженный в глубокое раздумье? От этих раздумий ему вовсе не было весело. В чем же дело? Почему?

Как ни странно может показаться на первый взгляд, но причиной тому были очень важные, очень интересные открытия, сделанные экспедицией.

Раньше утверждали, что Ледовитый океан мелкий, что течения, которые увлекают льды с сибирским плавником, образуются пресными водами громадных сибирских рек.

А что оказалось на самом деле?

На самом деле измерения показали, что Ледовитый океан очень глубок. Лот — прибор для измерения глубин, пеньковый трос с грузом на конце, — никак не мог достигнуть дна. Товарищи

Нансена шутили, что возле земной оси в земном шаре дырка, вот они и не могут нащупать дно.

Эти измерения дали еще один неожиданный результат. Оказалось, что верхний слой воды океана холоднее нижнего, того, что лежит на глубине от 200 до 600 метров. А еще ниже — снова холодный.

Этот более теплый промежуточный слой, раздумывал Нансен, пожалуй, не что иное, как ответвление Гольфстрима, который начинается во Флориде, у берегов Америки. Так оно и оказалось, и теперь мы называем его теплым Северо-Атлантическим течением.

Замечательные, крупные открытия! Они должны бы радовать сердце исследователя. Но тут примешивалось нечто такое, что омрачало радость. Свои расчеты дрейфа «Фрама» Нансен строил на том, что Ледовитый океан мелкий, что льды увлекают на запад воды сибирских рек. Теперь же, при такой глубине океана, на течения не приходится рассчитывать. Теперь вся надежда на ветер. А он не всегда бывает попутным.

И Нансен записал в своем дневнике:

«Воскресенье, 18 февраля 1894 года. Скучная история. По-прежнему дует северный ветер. В сентябре пребывали на 79° северной широты, а теперь — на 80° . Как выговаривается, так и пишется: один градус за пять месяцев. Если «Фрам» и дальше будет двигаться с такой скоростью, то на полюс попадем через 45 или, скажем, через 50 месяцев, а через 90 или 100 достигнем 80° северной широты по ту сторону полюса с вероятным расчетом выбраться через один или два месяца из льда и вернуться на родину. В лучшем случае будем дома только через 8 лет, не раньше».

Тут было от чего приуныть.

Однако случалось и нечто утешительное. И тоже странное. Четыре дня дул северный ветер и отнес «Фрам» всего на 3° к югу. А слабые южные ветры за одни сутки передвинули корабль на 9° к северу. Разве это не удивительно? Нет, нет, что ни говорите, а не может обманывать ни тот же сибирский плавник, ни вещи с «Жаннеты». Значит, ошибка в расчетах не так уж велика.

Но вот к полюсу, по-видимому, все же не пройти, несет их южнее. И тут снова задача: как быть? Правда, дрейф «Фрама» с самого начала не был рассчитан на полюс, и не так уж это важно, в конце концов, пройдут они через точку, «вокруг которой

все вертится», или нет! По сути дела, размышляет Нансен, полюс — это вопрос тщеславия. Пустяк по сравнению с тем, что они делают и что надеются сделать. И все же ученый должен был признаться, что «настолько глуп», что охотно пошел бы на полюс пешком, на собаках.

Чем дальше, тем больше Нансен думает о санном походе и наконец приходит к мысли, что должен, обязан пройти как можно дальше к северу. В этом он видит свой долг. И вырисовывается четкий план: он пойдет на собаках с одним спутником этой весной, когда «Фрам» будет примерно километрах в 700—750 от полюса. В спутники он решил пригласить лейтенанта Иогансена. Они сойдут с корабля числа 20 февраля следующего года. Если все будет благополучно и путь окажется сносным, за 50 дней они достигнут заветной точки. Обратное пойдут лучше всего сразу на Шпицберген. Возможно, попадут и к Земле Франца-Иосифа, где должна была работать английская экспедиция. Разумеется, встретиться с ней — дело маловероятное, но с архипелага Земли Франца-Иосифа доберутся же они до Шпицбергена! А там часто ходят промысловые суда.

Нансен поделился своими планами с товарищами, и при полном всеобщем одобрении начинается оживленная подготовка к полюсному походу.

20 февраля 1895 года четыре тяжело нагруженные нарты с 28 собаками отправляются в путь.

Накануне — торжественный обед. Теплые слова напутствий и пожеланий. Все понимают, что санная экспедиция — дело нешуточное, оно может стоить жизни. Но мужественные люди не хотят думать об этом, они верят в свои силы. И все-таки у остающихся слезы навертываются на глаза. Пятеро товарищей во главе с капитаном Свердрупом, который остается заместителем Нансена, идут провожать Нансена и Иогансена. «Фрам» сияет огнями — это салют в честь отважных! Свердруп приказал, чтобы некоторое время, пока «Фрам» остается в пределах видимости, на нем горел фонарь как путеводная звезда. Мало ли что может случиться! Может, придется повернуть обратно, и тогда огонек будет приветливо манить путников, приглашая к себе.

Но возвращаться на «Фрам» пришлось неожиданно быстро, еще до того, как разлучились с провожающими: перегруженные

нарты не выдержали тяжести, у одной из них сломались поперечные перекладыны.

Решили распределить всю поклажу не на четырех, а на шести нартах. Так и сделали. И тоже скоро вернулись: оставшись вдвоем, Нансен и Иогансен измучились, перетаскивая вместе с собаками шесть нарт через постоянные бугры. Так далеко не уйдешь! Решили взять всего три нарты, соответственно убавив продовольствие, а следовательно, и время пребывания в пути. Ведь у них не было твердых и непреложных намерений попасть на полюс. Их задача — пройти как можно севернее, вот и все!

Только 14 марта экспедиция окончательно покинула «Фрам».

Путь оказался ужасным. Торосы, бугры, полыньи, которые нужно по возможности обходить. Собаки выбивались из сил, приходилось им помогать, а это и богатырям не под силу. Морозы — 40 градусов, а то и сильнее. Когда лед ровный — и такое случилось! — собаки летели, как птицы, — путники на лыжах еле за ними поспевали. Одежда становилась влажной от пота, а сушить ее приходилось теплом собственного тела, в спальном мешке. Лежать в таком компрессе не слишком-то приятно. Руки коченели от мороза, когда приходилось делать записи, перелистывать страницы таблиц. В это время примус уютно шумел, варилась еда, и усталые путники, наевшись, засыпали мертвым сном.

Обычно Нансен шел впереди, отыскивая среди льдов дорогу, умные собаки быстро научились следовать за ним. С каждым днем силы у бедняжек убывали. Иногда нужно было сразу всем рвануть с места, чтобы преодолеть бугор, но никакие окрики не действовали, и тогда приходилось колотить собак палками.

Нансен с ужасом вспоминает об этом:

«...Когда подумаешь об этих великолепных животных, которые верно и безропотно служили нам, пока хватало сил, не получая за это ни награды или ласки... когда вспоминаешь их расставание с жизнью там, на Севере, в ледяной пустыне, бывшей свидетельницей их верной службы, невольно казнишься угрызениями совести».

Между тем путь становился все труднее. Случалось проваливаться вместе с нартами и собаками под молодой лед, обманчиво прикрытый снегом. Чего стоило потом вытаскивать их наверх, страшное дело! А тут еще случилась беда: остановились часы. От уста-

лости притупилось внимание, путники забыли их завести. Нансену стоило немалых трудов поставить часы хотя бы примерно по гринвичскому времени, без которого невозможно точно определиться. А нужно не примерное — точное время! Что делать? Посоветовавшись, Нансен и Иогансен благоразумно решили, что не стоит больше тратить драгоценное время, слишком дорого обходится каждый шаг. До полюса оставалось четыреста девятнадцать километров. Вряд ли они выдержат.

И они повернули обратно, к югу, к ближайшей земле. Приключений — мелких, досадных, усложняющих каждый шаг, — было без счета. Продовольствие подходило к концу. Длинно было бы рассказывать, как путешественникам удалось ступить наконец на твердую землю. Какую? Этого они и сами не знали. Постепенно угасала надежда добраться вовремя до Шпицбергена, и пришлось странникам зимовать на каком-то неведомом острове. Уже давно они жили охотой, запасали на зиму мясо и жир медведей и тюленей. Построили избушку, похожую на нору, и в ней зимовали. Голодать не пришлось, болеть — тоже. Но они страдали от грязи и от выжидательного безделья. Зимовка вдвоем, в первобытной пещере, при тусклом пламени тюленьего жира — дело невеселое. Приходилось со всем мириться, терпеливо ожидая конца полярной ночи. При первой же возможности путники двинулись дальше.

Как-то раз, было это 17 июня 1896 года, Нансен вылез утром из палатки и занялся обычным приготовлением завтрака. Пока еда варилась на примусе, Нансен взобрался на соседний бугор и огляделся вокруг. Было тепло. Дул легкий ветерок, воздух дрожал от птичьего гомона, который доносился с птичьего базара. И вдруг Нансену показалось, что среди общего шума и гама слышится собачий лай. Он окликнул Иогансена, и они вместе стали прислушиваться. Да, как будто лают собаки. Но... Может, это кажется? Хотя... на Земле Франца-Иосифа должна работать английская экспедиция. А там, разумеется, были и собаки. Но вся штука в том, что путешественники так и не знали, где они находятся. Кроме того, казалось невозможным встретиться с экспедицией где-то на краю света, среди снежной пустыни. И все же после завтрака, захватив с собой лыжи, бинокль и ружье, наказав Иогансену следить за каяками, чтобы они не уплыли — а один раз случилось и такое, еле поймали, — Нансен отправился на

разведку. Довольно скоро он увидел следы на снегу. Песцы? Вряд ли: у них следы меньше. И снова собачий лай! Право же, Нансен слышал его совершенно отчетливо. А затем и людские голоса. Голоса чужих людей. Он не слышал их почти три года! С тех пор, как сел на «Фрам».

Чем дальше, тем удивительней: из-за поворота вышел человек с собакой. Человек окликнул пса, Нансен различил английскую речь.

«Мы постепенно приближались друг к другу, — вспоминает Нансен. — Я замахал шапкой, человек сделал то же. Потом мы протянули друг другу руки. С одной стороны — цивилизованный европеец в клетчатом английском костюме, в резиновых сапогах, тщательно выбритый и причесанный, благоухающий душистым мылом, запах которого доносился издалека до острого обоняния дикаря. С другой — дикарь, одетый в грязные лохмотья, с длинными, всклокоченными волосами и щетинистой бородой, с лицом настолько почерневшим, что естественного белого цвета нельзя было различить под толстым слоем ворвани и сажи. Ни один из нас не знал, кто был другой и откуда пришел».

— Чертовски рад вас видеть! — говорит незнакомец в клетчатом костюме.

Нансену показалось, что он похож на Джексона, английского полярного исследователя. Ведь именно он должен был работать на Земле Франца-Иосифа.

— Благодарю вас, я тоже, — отвечал дикарь.

— Сколько вас? — спросил незнакомец.

— Нас двое, — отвечал Нансен. — Один там, у кромки льда.

И они пошли дальше, разговаривая так, как будто в их встрече не было ничего необыкновенного. Почему они сразу не представились друг другу, непонятно. Наверное, просто были ошеломлены. Но вдруг незнакомец в клетчатом костюме остановился, пристально взгляделся в своего таинственного собеседника и быстро спросил:

— Да вы не Нансен ли?

— Да, я самый, — улыбнулся Нансен.

— Клянусь, я страшно рад вас видеть! — горячо воскликнул незнакомец в клетчатом костюме.

И тут же выяснилось, что он действительно Джексон, что его экспедиция зимовала очень близко от Нансена — по арктическим

меркам, разумеется, — и что он сейчас же попросит кого-нибудь из своих товарищей пойти за Иогансеном.

На этом все беды и все приключения Нансена и Иогансена окончились. Какое это было наслаждение — смыть с себя копоть и ворвань, подстричься, надеть чистое белье и костюмы, любезно выделенные Джексеном из своих запасов! А каким роскошным был обед! А сколько приветственных криков «ура» раздавалось под сумрачными небесами Земли Франца-Иосифа в честь неожиданных, замечательных гостей!

Из разговора выяснилось, что Джексон считал «Фрам» раздавленным льдами и всех спутников Нансена погибшими. Он деликатно не решался расспрашивать своего гостя. Но как-то случайно выяснились обстоятельства санного похода к полюсу, и тогда общий взрыв восторга всех членов экспедиции Джексона, приветственные «ура» и тосты раздались с новой силой.

В августе 1896 года Нансен и Иогансен были доставлены в Норвегию на судне Джексона.

А вскоре подоспел и сам «Фрам». Доблестный корабль выдержал «испытания на сжатие», люди были веселы и здоровы и привезли с собой огромный материал, открывающий тайны околополюсного пространства.

Нансен и его товарищи привезли с собой богатейший материал. Огромное «белое пятно» было стерто с карты Центральной Арктики.

Но полюса пока еще никому не удалось достигнуть. И начались, как тогда говорили, «международные скачки к полюсу».

Через год после Нансена известный шведский инженер Соломон Андрэ с двумя спутниками решились открыть полюс с воздуха. Они летели на воздушном шаре (самолетов тогда не было), имея на борту для связи почтовых голубей (радио тоже не было). Свой воздушный шар Андрэ назвал «Орлом».

«Ничто не сломит наши крылья», — сказал отважный аэронавт, но, увы, через три дня смелые путешественники вынуждены были опуститься на лед, а еще через три месяца погибли. Только тридцать три года спустя тела их были найдены и похоронены в Швеции со всеми почестями, какие подобают героям.

После двадцати трех лет труда на далеком Севере, после трех неудавшихся попыток с помощью гренландских эскимосов и одного негра американец Роберт Пири достиг наконец цели. Главная заслуга его заключалась в том, что он великолепно задумал и блестяще выполнил план похода к полюсу. Он шел на собаках и доказал, что

собаки — лучший транспорт для арктических путешествий. Его сопровождали вспомогательные партии; каждая из них доходила до определенного места, строила для Пири снежный домик — иглу, оставляла там продовольствие и возвращалась обратно. У Пири было 40 собак — не 28, как у Нансена. Он не уставал так, как Нансен, потому что вспомогательные партии готовили для него все необходимое — жилье и продовольствие, а собакам давали, пока хватало, специальный собачий корм, а потом слабых убивали и кормили ими более сильных. Та самая вынужденная жестокость, о которой с такой горечью вспоминал Нансен. Когда последняя вспомогательная партия выполнила свою задачу, Пири остался один со своими помощниками — эскимосами и негром. Силы их не были растрачены, и полюса они достигли без особых приключений.

Это произошло в апреле 1909 года.

Пири пробыл на полюсе всего 30 часов. Много ли можно сделать за такой короткий срок? В общих чертах выяснилось, что суши на Северном полюсе нет, сделаны некоторые метеорологические наблюдения, вот, пожалуй, и все! И это немало на первый случай.

Однако нужны были ежедневные, кропотливые исследования. Именно об этом мечтал русский моряк Георгий Яковлевич Седов. Но он погиб в пути, даже не оторвавшись от острова Рудольфа на Земле Франца-Иосифа.

На пороге XX века русский адмирал Макаров создал замечательное судно новой конструкции: ледокол. Своей тяжестью ледокольный корабль должен был сокрушать льды. Но до полюса на нем все же невозможно было дойти.

Между тем появились дирижабли, уже летали самолеты. Первым перелетел через полюс американский летчик Бэрд.

Впоследствии он прославился своими исследованиями на крайнем юге, в Антарктиде.

Бэрд совершил свой перелет 9 мая 1926 года. И буквально вслед за ним, через два дня, знаменитый норвежский путешественник Роал Амундсен на дирижабле «Норге» тоже смог взглянуть с высоты небес на эту таинственную точку.

Воздушное пространство Арктики успешно завоевывали отважные советские летчики; в тридцатых годах они ставили блестящие рекорды беспосадочных перелетов в крайних северных широтах.

Но вот распространился слух о новой необычайной экспедиции. План ее ошеломлял. В экспедиции участвовали и летчики, и те исследователи, которые с помощью летчиков должны были высадиться на льдине, на полюсе, и дрейфовать вместе с ней. Этого еще никто никогда не пробовал сделать. Летчики выбрали с воздуха большую льдину и доставили туда снаряжение, продовольствие и самих зимовщиков.

Так началось исследование Северного Полярного бассейна на льдинах. Оно продолжается и по сию пору. Но начало, первый дрейф как-то особенно запечатлелся. Оно и понятно. Дело нешутливое. Речь идет об экспедиции станции «Северный полюс-1» во главе с И. Д. Папаниным. Его сопровождали радист Э. Т. Кренкель, астроном Е. К. Федоров, гидробиолог П. П. Ширшов. Эта маленькая группа вошла в историю под названием «папанинской четверки».

Вся страна с волнением следила за событиями в Центральной Арктике. Прославленные советские летчики совершали чудеса храбрости, садясь и взлетая со льдины. Имена летчиков М. В. Водопьянова, И. П. Мазурука, П. Г. Головина, В. С. Молокова, А. П. Алексеева все время звучали по радио, не сходили со страниц газет.

Приемники не выключались, всем хотелось знать, что происходит сейчас, сию минуту на далеком севере, газеты раскупались тотчас же, всем хотелось еще разок внимательно прочитать о приготовлении к необыкновенному дрейфу на льдине.

Работа шла на редкость слаженно, без аварий и приключений.

Наконец 6 июня 1937 года первая в мире станция «Северный полюс-1» была открыта!

Каждый мальчишка тех лет знал о снаряжении путешественников во всех подробностях. И о том, что палатка сделана по особому заказу, подбита самым теплым в мире гагачьим пухом. Гагачьим пухом была подбита и вся одежда. И радио, великое радио, связывало путешественников со всем миром! Теперь этим не поразишь, радио стало таким обычным делом. Мы не только слышим, но и видим космонавтов в их аппаратах в космосе или разгуливающих по Луне. Но нам, старшему поколению, это и сейчас удивительно. Радио и телевидение росло на наших глазах!

Лето было в самом разгаре. Льдина спокойно дрейфовала, экспедиция спокойно работала. Гидробиолог Ширшов выудил из

океана простейшие растения и простейших животных, с любопытством ученого рассматривал и классифицировал их. Простейшими питаются крупные морские обитатели, следовательно, океан на Северном полюсе вовсе не безжизненный.

К зимовщикам прилетали в гости чайки, чистики, пуночки. Кто бы мог подумать, что они так далеко залетают? Прибыла с дружеским визитом белая медведица со своим пушистым потомством — двумя медвежатами. Значит, и белый медведь не боится расстояний...

Но вот на льдине день ото дня жизнь стала осложняться, она делалась все более беспокойной. Лето! Дни стояли теплые, все время в небе ходило солнце, не скрываясь ни на минуту за горизонтом. И верхний слой льда стал подтаивать. Образовались лужи, вода подбиралась к самой палатке, к продовольственным складам, предусмотрительно устроенным в разных местах — мало ли что: в одном месте погибнет, в другом останется невредимым. Пришлось рыть каналы, отводить воду.

А между тем радио принесло зимовщикам радостную весть: вскоре должен был перелететь через Северный полюс самолет Москва—Северный полюс—Америка! На борту — наши прославленные летчики Чкалов, Байдуков, Беляков. Обитатели льдины с волнением ждали этого дня и даже принимали некоторое участие в приготовлениях к полету: все время передавали с дрейфующей льдины сводки погоды. Как зимовщикам хотелось увидеть в небе своих земляков! Может, они их заметят и помашут им крыльями. Но, увы, погода в тот день оказалась такая туманная, что пришлось удовольствоваться лишь шумом моторов где-то там, в вышине.

Через месяц этим же рейсом Москва—Северный полюс—Америка проследовал и другой самолет, с летчиками Громовым, Юмашевым, Данилиным, но к тому времени льдина уже далеко отошла от полюса, так что и шума моторов не довелось услышать.

Полярное лето подходило к концу. Угасал полярный день. 10 сентября впервые пришлось зажечь керосиновую лампу, зимовщики оделись потеплее, в зимние костюмы. Наконец солнце послало прощальный привет: наступила полярная ночь. В небе заиграло полярное сияние. В ясные дни появлялась на небе луна. В ее призрачном свете знакомые окрестности приобретали какой-то особенный, фантастический вид.

«Быстро несутся по светлому небу причудливые облака, — записывал в своем дневнике Ширшов. — Черными длинными языками вытягивались сугробы на застывшей белизне снега. Ребрами каких-то чудовищ выглядели мачты и воткнутые в снег лыжи».

От тепла керосиновой лампы начал таять лед на стенах палатки, и все же в ней было уютно. На дворе метет метель, но приходится выходить наружу, делать наблюдения. И так манит к себе огонек, что мерцает в иллюминаторе.

Тишина... Одиночество... Льдина двигается и двигается понемножку. Зимовщики делают свои ежедневные наблюдения, хотя пурга слепит глаза и тьма, крошечная тьма часто накрывает экспедицию. Все чаще становятся сжатия. Скорость движения нарастает. Края льдины погружаются в воду. Приходится необходимые вещи держать поближе к себе. Становится тревожно...

Скорость по-прежнему нарастает. Льдина уже просто несется, тринадцать километров в сутки — не шутка! И по пути она неуклонно уменьшается.

3 февраля впервые выглянуло солнце, как раз в это время морозец сковал льдину. Все повеселели. Старая палатка на гагачьем пуху порвалась, ее решили заменить снежным домиком — йглу. В новом домике было совсем сухо, и зимовщикам он показался сущим раем. Вот любопытно, как сама природа подсказывает людям лучший вид жилья. В Гренландии, где нет деревьев, эскимосы всегда строили йглу, иногда обширные и комфортабельные, этикие снежные дворцы, освещаемые жировыми лампами.

Через несколько дней зимовщики впервые увидели на горизонте горы. Гренландия! А еще немного спустя вахтенный Кренкель разбудил товарищей радостным возгласом: «Огонь! Огонь на горизонте!» То был спасительный мощный прожектор ледокольного парохода «Таймыр». Вместе с другим ледоколом, «Мурман», он давно уже покинул северный порт Мурманск, и оба они спешили на выручку к товарищам на дрейфующей льдине.

Полярная станция «Северный полюс-1», «СП-1», сделала свое замечательное дело.

С тех пор исследования высоких северных широт ведутся на дрейфующих льдинах. Люди теперь живут не в палатках, а в домиках со всеми удобствами, с лабораториями, с электрическим светом, так как ветряки заряжают аккумуляторы.

Один из членов царствующего дома северной арктической пустыни решил, что ему пора отправиться на охоту. В его царских закромах было пусто. Он сел на свою царственную яхту — на льдину — и отправился в плавание. Место, где сейчас вероятней всего он найдет больше дичи, ему было известно, и туда он держит курс!

Этот царь — белый медведь, огромный красивый зверь, его часто называют царем Арктики, потому что он здесь самый сильный, а раз так, то все ему подвластно. Он никого не боится, может быть, только человека с ружьем. Немало его собратьев пало жертвой этих странных существ, которые неизвестно зачем приходят в его владения и даже чувствуют себя в собственном его, медвежьем, царстве достаточно уверенно.

Царь арктической пустыни хорошо знает законы Арктики. Зимой и летом бродит он среди льдов и по ледяным островам, разыскивая добычу. Песцы? Нет, они, пожалуй, слишком для него малы. Другое дело — тюлень. Этот огромный зверь, если ветер дует не в его сторону, позволяет подойти к себе просто вплотную: он, бедняга, плохо видит. Нансен часто рассказывал, как тюлени подплывали к ним, когда они с Иогансеном стави-

ли палатку у воды, и «пялили на них глаза». Наверное, потому, что мало были знакомы с человеком. Другое дело морж. У моржа довольно неприятные длинные клыки; медведь, во всяком случае, старается не связываться с ним, а то еще нарвешься на беду, распорот тебе живот!

Шкура отлично греет белого медведя. Воды он не боится, вряд ли она его промочит до кожи — слишком густой и теплый у него мех и много жира. Путешествовать по своему царству медведь может куда хочет, главное — где больше поживы, корма. Ходит он пешком, плавает и на льдинах. Ни буря, ни ветер ему не страшны.

У белых медведиц жизнь немного иная, на них лежат серьезные обязанности матери семейства. На зиму они устраиваются где-нибудь прочно, на твердой земле, в хорошо замаскированной берлоге. В Арктике есть острова, которые шутя называют «родильными медвежьими домами». Больше всего их на Земле Франца-Иосифа, на острове Врангеля, Де-Лонга, на Северной Земле. В своем зимнем доме медведице тепло и спокойно, ее никто не потревожит. А в феврале появляются малыши — одно загляденье, какие они веселые, пушистые, ласковые.

Вначале медведица кормит их своим молоком. Самой-то приходится голодно, но что делать! Потом, в середине марта, она осторожно выводит пушистых озорников на волю; здесь для начала им можно дать поесть мох, вырыв его из-под снега. А в конце марта мать с детишками отправляется на дрейфующий лед, и тут начинается школа жизни, полная беспокойства и опасности. Всего страшнее встреча с человеком. Фритьоф Нансен не только первоклассный ученый и смелый человек, но и отличный писатель. У него много в дневнике мастерски написанных сценок охоты на белых медведей. Мне запомнилась, пожалуй, больше других одна охота на медведицу и медвежат. У путешественников на пути к Шпицбергену плохо стало с продовольствием, и они очень ждали, когда наконец появится возможность пустить в ход свою ловкость и умение.

Раннее утро. Иогансен и Нансен завтракали. Неподалеку лежали два оставшихся в живых от всей упряжки пса. Медведица учуяла поживу — она была здорово голодна! — и стала подкрадываться к собакам. Они залаяли. Нансен быстро обернулся и неподалеку увидел громадного зверя. Не теряя времени, путешественники

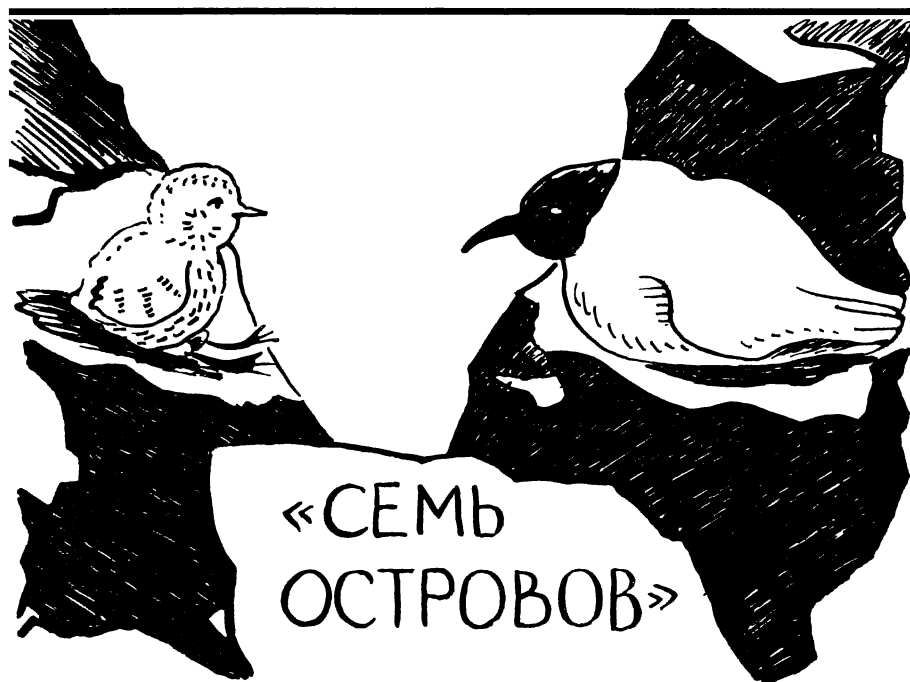
кинулись в палатку за ружьем. Первым выстрелом Нансен ранил медведицу. Зверь, круто повернувшись, побежал прочь. За ним вдогонку — Нансен, а за Нансеном — Иогансен. Это было великолепное состязание на скорость.

Вдруг путешественники увидели, как две головы с беспокойством выглядывают из-за тороса.

«То были двое медвежат, — вспоминает Нансен. — Они стояли на задних лапах и высматривали мать. Медведица шла к ним, пошатываясь и оставляя за собой кровавый след. Затем все трое, и мы за ними, побежали через полынью, и началась дикая погоня по торосам, полыньям, по ровному льду и по всякой чертовщине... Удивительная вещь охотничья горячка! Это все равно что поджечь порох. Там, где при обычных условиях путник пробирается с трудом, медленно и осторожно, проваливаясь по колено в снег, останавливаясь в раздумье, не решаясь переправиться или перепрыгнуть, он, охваченный охотничьей горячкой, несется сломя голову, как по ровному гладкому полю. Медведица была тяжело ранена и, волоча переднюю лапу, бежала не очень быстро, но все же бежала, и мы с трудом поспевали за ней. Медвежата с беспокойством прыгали около матери, большей частью забегая вперед, как бы маня ее за собой. Они не могли понять, что с ней случилось. Время от времени все трое вдруг оборачивались на меня, и я изо всех сил бежал за ними вдогонку. Наконец медведица, взобравшись на высокий холм, повернулась ко мне боком и... упала... Медвежата, когда она свалилась, участливо поспешили к ней. Прямо жаль было глядеть, как они обнюхивали ее, толкали и убегали в отчаянии, не зная, что делать...»

Такой трагический конец для медвежат бывает, разумеется, далеко не всегда. Большой частью из симпатичных пушистых зверушек вырастают громадные великолепные звери арктических пустынь. Они бродят по всему своему огромному пустынному царству, пересекают ту заветную точку, «вокруг которой все вертится», куда с таким тяжким трудом добирались отважные путешественники.

Для белого медведя ни мороз, ни ветер — ничего не страшно. Ему хорошо здесь, у себя дома, в своем утробном, холодном царстве. И нигде больше, ни в каком другом месте земного шара, его не встретишь. Да царю арктической пустыни и незачем перебираться в другие края. Он здесь хозяин, постоянный житель — абориген!

Маленький кайренок только-только вылупился из яйца. Он жалобно попискивал, такой слабый, такой крохотный, — песчинка в этом огромном, суровом, безжалостном мире! Лежал птенец прямо на голой скале, кайра не удосуживается построить себе хоть какое-нибудь мало-мальски приличное гнездо. Так уж у них принято, из поколения в поколение. Зато с самой ранней весенней поры кайры стараются захватить для себя более удобное местечко, какую-нибудь впадинку на карнизе, откуда не скатилось бы крупное пятнистое яйцо, по форме напоминающее грушу. Сколько из-за этого места было крику, сколько ссор! Мама-кайра подралась со своей соседкой, в драке они, сцепившись, так и полетели со скалы в воду.

И все же мама нашего кайренка победила, за нею осталось более удобное местечко, где и лежал сейчас ее драгоценный птенец.

Это было в начале июля, время, когда выводится на свет много крохотных кайрят. Малышей некоторое время еще обогревают родители, как будто продолжая насиживать яички, но недолго. Птенчики быстро обсыхают, и теперь они похожи на темный пушистый шарик. Блестят бусинки-глаза, и торчат не по росту большие ноги, в общем, все как полагается, и родители не могут на-

радоваться на своего детеныша. У кайр родительские обязанности несут вместе папа и мама: вместе насиживают, вместе обогревают, вместе воспитывают свое единственное дитя. В те короткие минуты, когда мама и папа, меняясь обязанностями, встречались около птенца, они о чем-то пересвистывались. Легко догадаться, что речь идет об их малыше, — о чем же еще могут говорить родители! Можно поручиться, что мама-кайра говорила, что их младенец — самый чудесный в мире, а папа-кайра хотя в душе и соглашался, но в ответ только деликатно напоминал, что ребенку пора поесть и что очередь мамы лететь за добычей. И мама-кайра, очень недовольная, улетала, думая по дороге, что все отцы одинаковы, все они не понимают, что такое чувства.

И кайренок рос. Ему было тепло и хорошо под родительским крылышком, еды вдоволь, только успевай рот открывать.

Время шло... Пушок стал сменяться перышками, кайренок прибавлял в весе, но ростом все еще был мал, куда меньше своих родителей. Крылышки совсем слабые, они его не смогли бы удерживать, вздумай он попробовать свои силы и подняться в воздух. А между тем приближался день, когда придется спуститься с высокой скалы на воду. Значит, что же — прыгать? Да. Родители это знают, и будущий прыжок беспокоит их. Птенец, разумеется, еще ничего не знает, но бессознательно и он беспокоится. Край скалы его пугает и притягивает. Как-то раз кайренок заглянул вниз и в ужас отпрянул! Мама-кайра в это время была рядом с ним и легонько подтолкнула малыша. Но кайренок так испугался, так закричал, что его долго пришлось успокаивать. Мама-кайра терпеливо насвистывала малышу, что напрасно он так пугается, что тут нет ничего страшного, что она и сама когда-то тоже боялась обрыва, а потом все-таки прыгнула вниз и очень счастлива. Так будет и с тобой, говорила она, и со всеми твоими сверстниками, вон их сколько на нашей скале! И она начала рассказывать, как хорошо в море, какой там простор, как весело качаться на волнах и в ясную погоду и в бурю. Не то что здесь, на тесной скале, где одна семья сидит едва ли не вплотную к другой. А в море, мечтательно повторяла она, чудо как хорошо! Она просто не дожидается того дня, когда кайренок совершит свой первый мужественный шаг, и тогда они все трое уплывут далеко-далеко в море.

Птенец слушал как завороженный и снова подходил к краю, и снова отскакивал от него, неуклюже перебирая большими, не по росту, ногами, а мать осторожно, легонько подталкивала его... И вот наконец он решился! Эх, была не была! Он подошел к самому краю карниза и, закрыв бусинки-глаза, бросился вниз. Быстро-быстро перебирал он своими кургузыми крылышками, сердце у него бешено колотилось, и лишь тогда, когда он коснулся воды, он закричал громко, отчаянно! А счастливые родители уже подплывали к нему. Они радостно насвистывали и увлекали малыша подальше от подножия скалы, от хищников, парящих над головой, от сильного прибоя, бьющего о камни. И семейство кайр — родители по бокам, а малыш посередине — уплывало все дальше и дальше в море. В этом году они сюда уже больше не вернуться. Сами-то родители, наверное, явятся будущей весной выводить новое потомство, а их дитя обзаведется семьей еще не скоро, не раньше чем года через три. Но знаете, что забавно? Через два года молодая птица прилетит к той скале, где родилась, — такие скалы называются птичьими базарами, там морские птицы обзаводятся своим потомством, — но первый раз прилетит он просто так. Он делает вид, будто насиживает яичко, а потом и выращивает птенца. Так молодые кайры присматриваются к старшим, набираются опыта!

Но это еще впереди. А сейчас всех троих ждет родная стихия, и там взрослые кайры продолжают воспитание малыша, который еще нуждается в опеке.

Счастливого пути!

...Это было на птичьем базаре нашего самого северного заповедника «Семь островов». Это могло быть всюду, на любом птичьем базаре, на любом острове Арктики, где гнездятся другие морские птицы.

У «Семи островов», вытянувшихся цепочкой вдоль Мурманского берега за Полярным кругом, своя длинная история. Еще со времен царя Алексея Михайловича их называли «государевой заповедью», и охраняли ее царские стражники. Охраняли они, разумеется, не кайр, а совсем другую птицу — хищника кречета из семейства соколиных. В старину любимым царским развлечени-

ем была соколиная охота, охота с кречетом, а птица эта редкая, живет далеко на Севере, на малодоступных вершинах гор, поблизости от птичьих базаров. Поймать кречета дело трудное, и это еще увеличивало ее ценность. Старинная летопись рассказывает, что московскому царю с величайшей осторожностью, на особых санных с далекого Севера ежегодно доставляли кречетов двести. Часть их царь берег для себя, а часть дарил другим властелинам. Случалось, с помощью такого дара улаживались важные государственные дела! Вот как ценили кречетов. Вот почему царская стража охраняла эту ловчую птицу.

Ныне у заповедников совсем другие задачи: там изучают жизнь птиц, их повадки, нравы. Защищают от истребления промысловых птиц, таких, например, как гага.

Наблюдая за жизнью тех же кайр, ученые узнали любопытные подробности об их приспособлении к нелегкой жизни на птичьих базарах. Давно уже заметили, что яйцо кайры обладает удивительной особенностью не скатываться со скалы при неловком толчке. Представьте — оно не падает, а вертится на месте! Но не всякое яйцо, а только хорошо насиженное!

Так сама природа мудро бережет потомство. Ведь если одно яйцо — ненасиженное — скатилось, то у птицы остается время снести другое, даже третье — если уж так не повезет и второе яйцо тоже скатится. Тут, правда, остается опасность, что кайра не успеет вывести и спустить со скалы позднее потомство до холодов, и тогда все кончается печально: воспитание так и не удастся довести до конца. Малыша приходится бросать — таков суровый закон природы, — и тот, разумеется, погибает. Но родители самоотверженно борются за его жизнь и делают все, что в их силах.

К основным «Семи островам» старинного птичьего заповедника присоединены теперь и другие. Эти клочки суши отличаются друг от друга и климатом, и самим птичьим населением.

Самые благодатные острова — Айновы. Они расположены тоже за Полярным кругом, севернее древнерусского становища поморов — Печенги. Но все дело в том, что их омывает теплое Северо-Атлантическое течение, ответвление Гольфстрима, и этим все сказано: потому они зеленые, потому на них сравнительно

тепло, климат мягче. И птицы там живут по-другому, не на голых скалах.

На Айновых островах растут пышные травы, высокие, густые; там полярная ива не стелется по земле, а вымахивает в рост человека. Там весело плещется морской прибой, во время прилива волны набегают на полосу невысокого берега, а с отливом обнажают его, и рыбы там, и всякого другого корма вдоволь! Летом жизнь ключом кипит на Айновых островах, как, впрочем, и на всех других, где гнездятся тысячи горластых квартирантов. Но на Айновы острова птицы прилетают раньше, и птенцов выводят раньше, и взростеют малыши, естественно, раньше, и все потому, что климат здесь мягче, а значит, и жизнь легче. Что и говорить, теплое течение — от него идет вся благодать! Правда, под его ласковым влиянием находятся и основные острова заповедника, но они лежат подальше, к востоку, и там оно меньше чувствуется.

На Айновых островах, плоских, невысоких, птицы не ютятся где-то на голых скалах, а живут в гнездах — уютно, по-семейному. Нет высоких скал, нет и птиц-базарников вроде кайры. Зато велики колонии морской птицы — тупика. Здесь много торфа, а тупики его любят и роют в нем лапами и клювом норки, куда ведут длинные-длинные, едва ли не пятиметровые, коридоры. На невысоком обрывистом берегу видно много круглых отверстий, вроде бы иллюминаторов в несколько этажей, как на корабле. Это входы в жилище тупика, забавной птицы; ее называют еще и попугайчиком из-за веселого, смешного наряда. Вот как его описывают:

«Вообразите толстое круглое туловище с почти вертикальной посадкой на перепончатых лапах, толстую короткую шею и круглую голову с большим, высоким клювом, сплюсненным с боков, словно лезвие широкого ножа. Он весь в поперечно пробегающих рубчиках ярко-красного цвета, с желтым основанием... Общий вид тупика настолько оригинален и комичен, что трудно без смеха смотреть на эту птицу. Большой ярко раскрашенный клюв чрезвычайно напоминает нос клоуна; уже по форме и окраске он кажется маской... Весь наряд тупика ярко сверкает: удивительный клюв, голубоватые выросты и карминовые ободки у глаз, ярко-оранжевые ноги. Но вот прошло лето, и маска

спадают. Отваливаются желтые наросты у глаз, все краски тускнеют, ноги становятся тускло-желтыми, клюв — маленьким и низким, совсем не похожим на клюв попугая, от яркой окраски его ничего не осталось и в помине... Все его оригинальное убранство оказывается только временным костюмом для теплого и веселого лета».

Но вот тупик приготовил гнездо, снес свое единственное яичко, белое в крапинку, и теперь будет целый месяц прилежно насиживать его. А когда выведется птенец, у бедных родителей и минутки не остается свободной. Тут уж не до нарядов! Прожорливый птенец, ворча и негодуя, без конца требует рыбок, он дожидается родителей у входа в норку с открытым клювом. Впрочем, птенцы любой птицы прожорливы на диво! Маленький тупик только и делает, что заглатывает рыбок и при этом никогда не бывает сыт.

Но проходит и эта пора... А недель через пять-шесть птенец настолько вырастает, что покидает свое гнездо и выходит в море!

Много разных птиц гнездятся на Айновых островах, среди них самые примечательные — гаги: они знамениты своим необыкновенно теплым пухом. Им они устилают свои уютные гнездышки, разбросанные на южных склонах, среди густой, высокой травы.

Гага-отец — писанный красавец, гага-мама — скромная уточка. С конца июня в озерах, в тихих бухточках появляются первые выводки этих птиц. Гаги-птенычки не задерживаются в гнезде: только обсохнут — и тут же идут на воду, цепочкой плывут следом за мамой, которая учит их уму-разуму.

Гага — главное богатство, жемчужина птичьего царства «Семи островов». Пух убитой гаги теряет свои замечательные свойства, поэтому его очень осторожно собирают с гнезд, не причиняя вреда будущему потомству. Служители заповедника охраняют гнезда гаги от налетов любителей гагачьих яиц, таких разбойников, как ворона или орлан-белохвост. Те только и ждут, когда мама-гага сойдет с гнезда, чтобы перехватить кусочек чего-нибудь съестного, ведь она, бедняжка, одна, папа-гага в это время плавает в море, меняет свой наряд, линяет. Он явится домой в августе, во всем блеске своей красоты, когда его птенчики, крохотные, пушистые, уже будут плавать следом за мамой.

Гага — северянка, она всегда живет на Севере, круглый год; одета она тепло, корма вдоволь. Почему бы ей и не проводить зиму в незамерзающем Баренцевом море!

И наконец, третье место заповедника «Семь островов» — на юге Новой Земли. Там из зеленой воды торчат голые мрачные скалы, и бьется о них неумолчный прибой, и свинцовые облака клубятся над головой. Но в летний день воздух дрожит от гомона множества птиц, прилетевших на свой базар. Больше всего здесь селится неприхотливая кайра. Иной раз ей приходится откладывать яйца прямо на нерастаявший лед, и он тает постепенно, по мере того, как его нагревает птица. В конце концов образуется глубокая лунка, на дне ее, скале, лежит птенец, и представьте — на него ничего не действует: ни холод, ни лед, он вырастает в нормальную птицу, родительское тепло не дает ему замерзнуть.

Базар — временное пристанище морских птиц; они уйдут в море и забудут свое суровое детство на голых скалах.

Всюду в птичьем заповеднике «Семь островов» — и под теплым влиянием Северо-Атлантического течения на Айновых островах, и на суровой Новой Земле, да и на других арктических островах — шумят летом птичьи базары. Это жизнь! Она есть и здесь, в этом царстве льда и снега.

На северных окраинах нашей страны на тысячи километров раскинулась тундра. А за ней еще дальше на север уже шумят тяжелые волны северных морей.

Зимой вся тундра покрыта снегом. Под снегом прячутся холмы, и реки, и леса... Да, и леса, не удивляйтесь. Они очень странные, эти леса: такие низенькие, что вы рядом с ними почувствовали бы себя великанами. Самое высокое дерево вам едва доходило бы до пояса! И грибы в этом лесу чуть ли не выше самих деревьев. Потому что деревья здесь не растут ввышину, а стелются по земле. Земля оттаивает только сверху, деревья не могут глубоко пустить корни, а корни — опора дерева. В тундре первая же буря вырвала бы высокое дерево, у которого нет в земле настоящей опоры, да и мороз бы его погубил. А низенькие, стелющиеся леса зимой прячутся под толстым слоем снега. Они надежно защищены и от ветра, и от морозов.

Спит зимой под снегом тундра. А когда в конце мая — в июне приходит весна и солнце долго светит, тундра просыпается, стряхивает с себя снег, торопится вдоволь насладиться светом и теплом.

Всюду вода, звенят и поют ручейки, разливаются широкие озера. Снега растаяли, воды много, а деваться ей некуда: она не мо-

жет хорошенько впитаться в глубоко промерзшую землю. Вот она и разливается по поверхности, и земля становится жидкой, хлюпает. Поэтому в тундре никогда не ездят на колесах. Завязнешь сразу же, на месте. Там пользуются нартами — северными санями с длинными широкими полозьями. А кругом по-весеннему все зелено. Карликовые леса спешно наряжаются в свою крохотную листву, и по этой листве вы бы сразу поняли, что это родственники ивы и березы. Из земли торопится вылезти зеленая трава. Распускаются белые, желтые, фиолетовые цветы. У них мало времени, лето здесь короткое. Зато как красива в эти недолгие дни тундра, вся покрытая веселым ковром скромных растений Севера! Воздух полон жизнерадостным шумом. На разные голоса кричат и щебечут птицы.

Уже давно прилетела пуночка — полярный воробей. За ней потянулись стаи царственных лебедей, гуси, утки, гагары. Здесь их родина, здесь они появились на свет, здесь и сами когда-нибудь выведут птенцов. Они обучат их своим важным птичьим наукам, а осенью вместе соберутся большими стаями, и молодые птицы первый раз в своей жизни отправятся в теплые страны, где проведут всю зиму.

Не успеешь оглянуться, а осень тут как тут. В августе блекнет трава, вянут листья карликовых деревьев, нет уже пестрого ковра цветов. Скоро посыплется снег, завоет ветер, грянут первые морозы.

Для тех, кто всегда живет в тундре, суровая природа ее прекрасна во все времена года. А живут здесь самые северные народы нашей страны — ненцы, чукчи, эскимосы — оленеводы и охотники. Издавна они кочевали по тундре с оленьими стадами, весной и летом охотились на птиц, на морского зверя — на нерпу, на морского зайца; зимой ставили капканы на песцов. Но главное в их хозяйстве — это домашние олени.

И летом, и зимой пасутся в тундре огромные стада оленей. Они неприхотливы, эти животные с кроткими глазами и красивыми ветвистыми рогами. Любимый корм оленей — ягель, лишайник, он в изобилии растет в тундре. Летом оленеводы перегоняют свои стада на север. Там хоть и холодней, зато меньше комаров и мошек, гнуса, как говорят на севере. От гнуса нет житья ни людям, ни животным. Вот и уходят от него подальше, зимой

стада кочуют в места поюжнее, где снег более рыхлый и оленям легче его разгрести своими раздвоенными копытами, приспособленными добывать корм из-под снега.

Так и кочуют по тундре оленеводы со своими стадами. Живут они в островерхих чумах, похожих на шалаши. Чумы покрыты оленьими шкурами, которые натягиваются на длинные жерди. Зимой чумы покрыты двумя слоями шкур: один нижний — мехом внутрь, другой верхний — мехом наружу.

Вот ненецкий чум — входите, пожалуйста! Пол выложен досками, циновками из прутьев, а сверху застелен теплыми оленьими шкурами. Посреди, перед самым входом, стоит железная печка. На ней варят еду, кипятят чай. Сварится обед, и семья садится за низенькие столики, потому что сидят здесь не на стульях, а на оленьих шкурах, поджав под себя ноги.

Оленьи шкуры всюду. И жилье из оленьих шкур. И спят, и сидят на оленьих шкурах. И одежду шьют из оленьих шкур.

Вот бегают малыш-ненец, играет, стреляет из игрушечного ружья. Он любит эту забаву, глядишь — и научится хорошо стрелять, станет метким охотником, без промаха будет бить птицу на лету.

Холод ему не страшен. Он одет тепло. На нем шуба из оленьего меха с капюшоном, надевается она через голову. Сама шуба сшита мехом внутрь, а капюшон двойной: мех и внутри, и снаружи. Он плотно облегает голову, закрывает и лоб, и подбородок, так что видны только живые черные, чуть раскосые глаза да маленький, чуть приплюснутый нос. На малыше замшевые штанишки, меховые чулки мехом внутрь и мягкие сапоги — кисы — мехом наружу. Меховые варежки приторочены к рукам малицы, их уж не потеряешь, как, наверное, вы не раз теряли зимой свои варежки. Там мороз такой, что остаться без меховой варежки почти то же, что остаться совсем без руки: сейчас же отморозишь! Ну, а через такие меха, в какие одеты ненецкие дети — так же одеты и взрослые, — не проберется ни мороз, ни ветер.

А ветры здесь частые. Да какие сильные! По нескольку дней подряд «гремит пурга», и горе путнику, застигнутому в тундре непогодой. В очень сильный буран приходится останавливать оленью упряжку и ждать, чтобы и путника, и оленей — все засыпало сне-

гом. Под снегом и отсиживаются. А стихнет ураган — едут дальше. Вот как бывает в тундре.

Но выдаются и тихие дни. Удивительно красива тогда тундра, вся белая, сверкающая при свете луны или же солнца, когда кончается полярная ночь. А какое там северное сияние! Только в царстве полярной ночи можно увидеть эту игру света. Вспыхивают и гаснут и снова вспыхивают зеленые, голубые, оранжевые огни; они плывут в небе, свертываются и разворачиваются; а то дрожит высоко в воздухе легчайший серебристый занавес, и сквозь него просвечивает темное небо, усыпанное звездами.

Хорошо в такую тихую морозную ночь мчаться на оленьей упряжке. Олени бегут, откинув назад голову, увенчанную ветвистыми рогами, все в облаке серебристой пыли. А если запряжены белые олени — бывают и такие красавцы, — то они сливаются со снегом тундры, и тогда кажется, будто нарты волшебные — бегут сами по себе, да как быстро!

Казалось бы, как найти дорогу в поселок среди однообразной, ровной тундры? Но у оленевода зоркий глаз, и тундра вовсе не кажется ему однообразной. Для него здесь много разных примет, это ему помогает. А в ясные дни оленевода поведет Полярная звезда. Нет, он не собьется с пути! Да вот уже мелькают веселые огоньки поселка!

Раньше вместе с пастухами кочевала по тундре вся семья. Приходило время — осенью и весной — разбирали чум, складывали его на грузовые нарты вместе с остальными пожитками и переходили на новые места. Кочевали и старики, и малые дети. Дети росли неграмотными, школ для них не было. Не было в тундре и больниц, ни одного врача, бывало, не сыщешь в тундре. Заболел — лечить некому.

Пастухи и теперь кочуют со стадами по тундре, иначе нельзя. Но семья может оставаться в теплом бревенчатом доме, в поселке, где есть не только школа и больница, но и жаркая баня, и кино, и библиотека.

Зимой ребята живут чаще всего в школах-интернатах, только на каникулы приезжают в родной дом. Любят они вольный воздух тундры, ее просторы, ее суровую, но милую для них природу. Тоскуют, когда по окончании школы приходится ехать в большой город учиться. И с радостью возвращаются обратно в тунду.

ру, чтобы строить поселки, новые жилые дома, школы, библиотеки. Или же возвращаются они докторами, ветеринарами, учителями. А может, и летчиками.

Летают над тундрой летчики-ненцы. А старики, задрав голову, следят за серебристой птицей, послушной в руках их сыновей и внуков, и думают: давно ли детьми ездили они на нартах по тундре, а вот теперь вишь куда забрались! Высоко-высоко, туда, где так же, как и тысячи лет назад, сияет Полярная звезда — звезда оленеводов и охотников.

Знойный летний день. В разогретом солнцем сосновом бору светло и весело. Под ногами лежит белый ягель — олений мох, красивый, как ковер. Тут и там среди сосен встречаются березы. Деревья, открытые солнцу, далеко отстоят друг от друга, и потому крона у них поднимается прямо с земли.

Человек с ружьем за плечами идет по лесу. Охотник? Нет, скорей его можно назвать «охотником без ружья», хотя ружье на всякий случай и висит у него за плечами. Это ученый — натуралист, биолог, его дело не истреблять животных, а наблюдать за ними. В лесу он как у себя дома. Мягко ступая по ягелю, он видит, как по белому лишайнику разбежались во все стороны тропинки, и знает, кто их протоптал.

Вышел ученый сегодня из дому очень рано, а теперь уже десятый час вечера. Закуковала кукушка, и ученый вспомнил, как еще ребенком он всегда спрашивал у нее: «Кукушка, кукушка, сколько мне лет жить?» Про это он вспомнил, а почему так поздно кукует дневная птица, этому нисколько не удивился. Почему?

В лесу по-прежнему светло и весело. Вдруг совсем близко камнем упала на свою жертву дикая хищница — сова. И опять-таки

человек не удивился, почему она вылетела на охоту, когда так светло.

Сегодня у натуралиста на редкость удачный день — столько интересного удалось подсмотреть в лесу, на реке. Он видел, как бобреха, держа в зубах детеныша, переплывает с ним речку, — видно, «перевозит» его в новый домик. И он вспомнил про одного замечательного «кругосветного путешественника» — бобра, который несколько лет искал здесь по всему заповеднику подходящий участок для постройки своего дома. Теперь-то он, видно, прочно устроился в ручье под названием «Майяврийок», что в переводе значит «Ручей бобрового озера».

Но почему этому бобру-путешественнику пришлось так долго искать место для жилья? И почему днем вылетают на охоту совы? И кто протоптал тропинки в белом ковре красивого, нарядного светлого леса?

Ответ на это один: мы с вами на Кольском полуострове, к югу от озера Имандра, в Лапландском заповеднике. А там бывает полярный день. А там растут прекрасные леса, полные всякой дичи. Правда, это лишь остатки прежнего, не истребленного людьми леса, потому-то его и объявили заповедным. В холодные ветреные зимы спускаются из горной тундры дикие олени — только в этом заповеднике они и сохранились в диком виде. На всем Кольском полуострове олени протоптали тропинки в лесу, вернее — проели. В ненастье они спускаются с гор: в лесу и ягель есть, и защита от ветра. Заново пришлось расселяться и бобрам, потому что в старые времена промышленники безжалостно уничтожали животное с прекрасным дорогим мехом. Бобров привезли из Воронежского заповедника, и они здесь, на Кольском полуострове, почувствовали себя совсем как дома.

А самое интересное то, что вся природа Лапландского заповедника со множеством разных птиц и зверей отлично чувствует себя за Полярным кругом. Все здесь цветет и зеленеет, и семейство бобров с каждым годом увеличивается, и натуралистам, которые живут там и наблюдают за поведением животных в природных условиях, летом сплошное раздолье: несколько месяцев стоит полярный день!

А теплынь-то какая! Бывает иной раз так жарко, как летом в Москве. Вот вам и Заполярье! Зато осень здесь ранняя: сен-

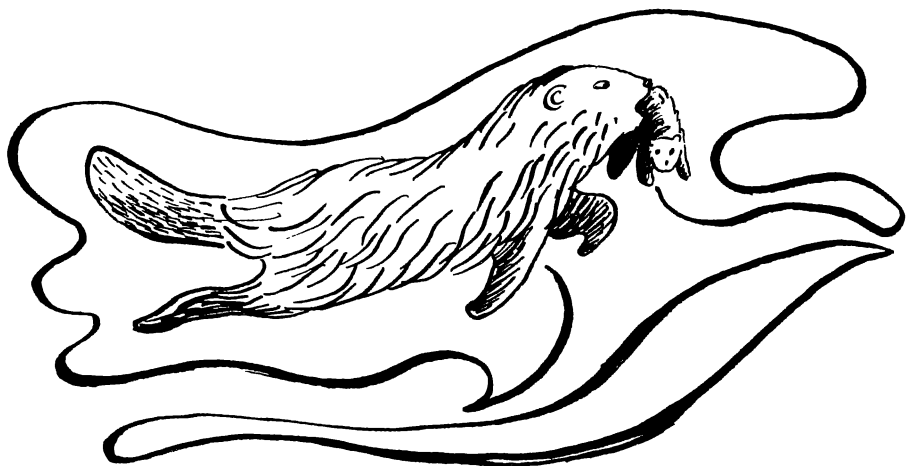
тябрь. А в ноябре уже стоит настоящая зима. В декабре наступает полярная ночь, но все же солнце показывается от десяти утра до двух пополудни. В это время белочки и другие зверушки осторожно выходят из своих теплых гнезд, чтобы покориться.

Зима здесь не слишком холодная; может, немного холоднее нашей, подмосковной. Худо, если налетит ветер с Атлантики и принесет с собой холодные дожди, тогда скапливается много воды поверх льда на реках и озерах, снег оседает и образуются проталинки, а по вечерам вспыхивают зарницы. Но ветер поворачивает, и снова все замерзает. Зима берет свои права.

Самое худшее время года здесь — весна. Она часто опаздывает, а если и придет вовремя, то, словно спохватившись — ах, мол, что я наделала! — уступает место зиме, так что снегу наматывает целые сугробы. Хуже всего наст — тонкая корка льда на снегу, — от него больше всего страдают лоси. Под их тяжестью лед проваливается, и осколки ранят ноги животных.

Но кончается и неверная, холодная весна, приходит наконец лето. Птицы на все лады распевают свои песенки, кукушка, перепулав день и ночь, кукует и кукует, тихо плещутся синие озера, а в речных струях серебрится форель.

Вот вам и Заполярный круг! А вы говорите!

Морянка! Морянка! Из конца в конец поморского села пронеслось это долгожданное слово: морянка! Ветер с моря, попутный для поморских ладей, которые возвращаются с промысла. Осенью 1743 года что-то долго не было попутного ветра, и родные измучились, ожидая своих кормильцев. И вдруг радость: задула морянка.

Наконец-то! Стало быть, готовься встречать «ветреных гостей» — так называли поморы тех, которых приносил попутный ветер.

Ребятишки веселой гурьбой мчатся к тесовой колокольне, вихрем взлетают по крутой лестнице на самый верх и всматриваются в речную даль из-под руки. И вот уже веселый хор ребячьих голосов разносится по всему селу: «Матушка-лодейка наша, деревенская, чап-чап-чебанит!» — значит: плывет. И все село бежит встречать долгожданных гостей на берег. И тянутся ладьи одна за другой, и жены со слезами радости причитают: «Красавцы вы наши небесные, не ждали вас, не гадали, а стало так, что по-вашему, а не по-нашему!»

Во многих дворах уже топят бани, хозяйки весело хлопочут в доме, возле печей. Промышленник, когда бы ни вернулся домой — днем ли, ночью ли, — первым делом идет в баню и дол-

го с наслаждением парится. А потом вся семья, от мала до велика, садится за стол, и пойдут разговоры да расспросы. Шутками, с самой ранней весны до поздней осени не видались, ничего друг о друге не слыхали! С улицы видно, как весело в тех счастливых семьях, где уже дождались своих кормильцев: все окна светятся!

Но темно в просторном доме кормщика Алексея Химкова. Весной ушел на промысел сам хозяин и старшего сына с собой взял, дома оставил жену с двумя младшими ребятишками. Беспокойно на сердце у жены кормщика. Проводила она своих далеко, на Шпицберген, китов промышлять. Почитай, все односельчане уже вернулись домой, а их все нет да нет. И промысел опасный, и путь осенний по морю не легок. Над головой мрачные тучи гуляют, день и без того короток стал, а тут он еще короче кажется. Случалось — и не раз, — погибали ладьи возле самого Архангельска, куда все на ярмарку торопятся, всякое бывало... «Время сейчас позднее, — размышляла жена кормщика, — да и ярмарка, поди, кончается, а моих-то все нет и нет...»

Темный осенний вечер. Младшие ребятишки давно крепко спят. А ей не спится. Бесшумно, как тень, ходит она взад и вперед по цветным половикам. Останавливается возле окна и долго-долго всматривается в темноту; на беспокойной реке качаются на приколе вернувшиеся ладьи. Осенний ветер гонит по земле сухие листья, ветер воет в трубе. А в доме тепло, чисто, уютно. Горит лампадка, огонек ее отражается в белых изразцах голландской печи. В кухне, за очагом, поет свою песенку сверчок. Все в доме начищено, прибрано, все готово к встрече «ветреных гостей».

Вдруг... или показалось? Нет, в самом деле, в сенях раздались чьи-то тяжелые шаги, звякнула щеколда, и через порог, сильно пригнувшись, переступил широкоплечий помор.

— Сумерничаешь, хозяйшюка, — сказал он. — Как, матушка, живешь, как детки?

— Спасибо, сосед, — ответила Химкова, а у самой сердце сжалось в предчувствии беды.

— Прости, матушка, с недоброй вестью я, — глухо сказал помор. — Пропала ладья хозяина твоего. Может, зазимовали... А может... Прости, матушка...

...В середине мая 1743 года, как только сошел лед, кормщик Алексей Химков «отворил», как говорят поморы, паруса и побежал к западным берегам Шпицбергена охотиться на китов. Воды там богаты этим чудовищем. «Золотыми россыпями Севера» называли китов богатые промышленники.

Погода стояла на редкость хорошая. Дул ровный попутный ветер — «поветерь» по-поморски, — судно весело «бежало парусом», море спокойное, тихое. Поморы — смелые, опытные мореходы. Они хорошо знают капризные, суровые воды Севера, почитают их, своих кормильцев. «Тихое море, — говорили они, — добрая мать, а в бурю злая мачеха». Из поколения в поколение от отца к сыну переходили поморские лоции — подробные описания морских и речных путей. Кормщики — народ грамотный, и море знали, и звезды, по каким надобно держать курс. Различные приметы указывали им, когда ветер переменится или буря надвигается и надобно заранее завести ладью в тихую бухту.

Первая неделя выдалась на удивление спокойная. Небо сияло бледной, чистой голубизной, солнце, проходя свой путь над горизонтом, щедро светило круглые сутки.

Матросы по двое стояли на вахте. Сам кормщик выходил наверх, сверял курс и, если на горизонте не было тревожных признаков перемены погоды, уходил в свою каюту, единственную на судне. Она была красиво отделана — богатый купец из города Мезени не жалел денег, судно строил добротнo и для кормщиков, которых он нанимал, как сейчас Алексея Химкова, старался все устроить получше. А вот матросы жили кое-как! Свободные от вахты большую часть времени проводили на палубе. Помещение в носовой части судна было слишком тесным для одиннадцати человек экипажа. Посреди каморки вдобавок еще стояла кирпичная печь, возле нее хлопотал повар — кок со своими котлами и поварешками.

Любимым развлечением поморов были сказки. Взрослые, сильные парни, бывалые мореходы, не раз смотревшие смерти в глаза, любили, как дети, слушать одно и то же по многу раз. И если среди моряков попадался сказочник — «баюнóк», как называли его поморы, то покоя ему не было, рта не закрывал. На ладье Химкова таким сказочником был молодой матрос Федя Веригин. И за те семь дней, что моряков баловала добрая погода, часто

слышался его напевный голос: «Давным-давно жил да был богатырь Аника. У этого Аники было суденко, и на судне-то Аника разъезжал по морю-окияну... Чего ездил он тамотки, кто его знат. Поди, уж не за добрым делом...» Так Федя начинал любимую поморскую сказку об Анике-богатыре. В запасе у него было много сказок: и о страшном змее, которого победил неизвестный герой, и про других добрых людей, смелых, сильных, благородных.

На восьмой день стало не до сказок. С утра кормщик заметил на горизонте темную точку. Беспokoйно кричали чайки, резвились тюлени. Плохие приметы. Быть буре!

Через несколько часов и впрямь еле приметная точка превратилась в темную грозовую тучу, она затянула небо. Заходили по морю грозные свинцовые валы, похолодало, появился лед. Сильный ветер занес суденышко к восточным берегам Шпицбергена, к Малому Бруну — острову, который теперь на картах называется Эджем. И там ладья крепко застряла среди льдов. Казалось, в этом году они уже не выпустят корабль. Как быть? Не лучше ли заблаговременно перебраться на остров и там перезимовать? И тут Химков вспомнил, что несколько лет назад мезенские купцы, задумав зимовать на Малом Бруне, повезли с собой бревна и все прочее для постройки избы. Сохранилась ли она? Если изба стоит и погода не улучшится, придется спасаться на берегу. Не ровен час, ладью раздавят льды...

И решил Химков отправиться на берег, разыскать эту избы. Вместе с ним вызвались идти матросы Федя Веригин, Степан Шаратов и сын кормщика Иван Химков.

До берега близко, не больше двух-трех километров, но какая дорога! Льды все время сталкиваются, море волнуется, ветер валит с ног. Моряки решили отправиться налегке. Они взяли с собой одно ружье с двенадцатью зарядами, двадцать фунтов муки, топор, нож, огниво с трутом, табак. Попрощались с товарищами, пообещали вернуться завтра к утру и отправились в путь-дорогу!

С трудом добрались до берега и пошли искать избы. И нашли. Она хорошо сохранилась, крепко сколотили ее мастера. Кое-где бревна разошлись, но это дело пустое, проконопатить избы мхом, и все тут! Потолок и стены в избе до самого окна были черные, прокопченные, печь топилась по-черному, без трубы, как в те да-

легкие времена бывало и в обычных русских деревнях. Только тот, кто побогаче, делал печь с трубой. А в банях всегда по-черному топили. Молодцы мезенцы, говорили матросы, и сам Химков соглашался с ними — крепко избу сколотили, век будет стоять.

Моряки закусили чем бог послал и завалились спать. А ветер все ревел, и кормщик с беспокойством прислушивался к нему. Как там, на ладе, в такую бурную ночь без него управляют... Рано утром разбудил он матросов, и они пошли на корабль.

Когда моряки вышли к берегу, они остолбенели от неожиданности и ужаса: до самого горизонта расстилалась свободная от льдов вода, и нигде никаких признаков лады. За ночь лед сломало, унесло, а вместе с ним и корабль. Хорошо, если он цел и люди живы... Тогда они непременно вернутся, поморы никогда не оставят в беде друг друга, да и корабль никто водить без кормщика не сможет. А если бедняги погибли? Помилуй бог! Химков стал горько упрекать себя, что оставил судно. Уж лучше бы послал он одних матросов, а сам был на месте. Этой вины он себе не простит... Да и сами они как будут жить? Запасов никаких нет, одеты легко... Как пережить здесь зиму, если ладя не вернется?

Но поморы народ стойкий, отважный, находчивый. Помереть дело не хитрое, решили они. Куда хитрей остаться в живых. И принялись за работу. С чего начать? Первым делом надо поесть, подкрепиться. На острове водятся олени. И ружье у них есть. С двенадцатью зарядами. Двенадцать раз ружье может выстрелить. А это уже кое-что. И отправились поморы на охоту. Самым метким стрелком считался у них Степа Шарапов. Ему и дали ружье.

— Смотри не промахнись, — говорил кормщик Алексей Химков. — Помни, у нас всего двенадцать зарядов.

— Не говори под руку! — нахмурился Степа. — Авось как-нибудь. Будет вам олень...

И действительно, Степан метким выстрелом уложил первого оленя. Мясо ели сырым, варить-то не на чем — ни дерева, ни кустика! Надо думать, может, тут найдутся прибитые волнами деревья, остатки деревянных судов, другими словами — плавник. Но пока его нет, да и полезно есть сырое мясо, макая его в теплую кровь. Это верное средство против цинги. Химков бывал у самоедов (так называли в те времена ненцев) и видел, как они это

делали. Все ели с удовольствием, уж очень проголодались. Только Федя Веригин не мог преодолеть отвращения, особенно нестерпимо было ему пить теплую кровь.

— Ох, Федя, гляди, захворашь! — покачал головой Алексей Химков.

— Да я бы всей душой, — с тоской сказал Федя. — Не могу... Так всего и выворачивает. Буду собирать травку, тут есть она — ложечная, я знаю, она супротив цинги помогает. Авось бог милует, не захвораю...

Северное лето короткое. Нужно готовиться к зиме. Ладья, видно, пропала, ждать помощи неоткуда... Надо избу отеплять, да и об одежде позаботиться. Ведь раздеты они, для такой зимы нужно что-то потеплей холстинной рубахи... За что ни возьмись — ничего-то у них нету. Но постепенно прикапчивали они мясо и шкуры. На охоте ни одного выстрела не сделали зряшного. Особенно метко стрелял Степан Шарапов. Ну, а кончатся заряды, тогда что? И топлива пока нет. Да что там загадывать! Надо дело делать. И они конопатили избу, ходили на охоту, осматривали остров, его берега. Успокоенное море тихо плескалось у их ног, на небе клубились облака. Моряки наткнулись на лежбище тюленей. Животные грелись на солнце, у самой воды. Маленькие тюленята резвились в море возле матерей; они так забавно кувыркались, ныряли и вновь выскакивали из воды, что смотреть на них было сплошным удовольствием. Где тюлени, там и белые медведи. Это поморы знали. Белые зверюги заходили далеко на Север, на льдинах совершали свои путешествия, как на корабле. И вскоре поморы убедились, что и по острову они бродят. Одно из них убил кормщик. Хорошо, что остался последний заряд.

На отвесных скалах, обрывающихся прямо в море, шумел птичий базар; часть птенцов уже вывелась, и родители озабоченно летали взад-вперед, таскали своим деткам рыбу. Степа Шарапов полез на скалы за яйцами. Птицы со страшным криком тучей поднялись в небо, кружили над скалами, над головой Степы, и он поспешил убраться оттуда, «пока жив», смеялся он. А потревоженные птицы еще долго летали, долго кричали, не могли успокоиться.

И вот как-то раз в одну из таких прогулок к дальнему берегу моряки, к великой своей радости, наткнулись на плавник. Сре-

ди плавника они нашли много полезных вещей: самая ценная находка — это доска с большим морским крюком и гвоздями. Находили они обрывки канатов, пеньку. Все это было для них дороже золота. В умелых руках они превратятся в нужные для спасения жизни вещи. Каждый день моряки таскали к избе плавник, рубили его, раскладывали для просушки. Случались совсем теплые дни — градусов 10—15 тепла, июль самый хороший месяц. Распустились цветы, радостно было смотреть на них. Они начинают заранее набирать жизненные силы, чтобы встретить зиму уже спелыми семенами. К тому времени, когда снег растает, они готовы быстро распуститься и понежиться на холодном северном солнце.

Кормщик сразу же, после того как они застряли на острове, позаботился о календаре, чтобы не потерять счет дням. С помощью старинного морского инструмента, простейшего угломера, он высчитывал сутки и делал зарубки на одной из стен избы. Так он следил за течением времени; сообразно с этим моряки распределяли свои работы по подготовке к зиме.

Как ни экономно пользовались моряки пулями, как ни точен был каждый выстрел, но двенадцать зарядов есть двенадцать зарядов. От этого никуда не денешься. А с голыми руками на охоту не пойдешь.

Ваня Химков, сын кормщика, как-то нашел среди плавника удивительный корень, ну почти готовый лук — так здорово он был изогнут. Вот только не хватало ему тетивы да стрел. Ну, тетиву можно смастерить из медвежьих или оленьих жил. И стрелу сделать нетрудно, дерево подходящее, если поискать — можно найти. Топор и нож для обработки, к счастью, есть, хорошо, что с ладьи тогда захватили. Нужно было наконечник сделать железный для стрел, а вот это уже не так просто. Железо-то найдется, опять же среди плавника, но надо выковать наконечники, а для этого требуется целая кузница: молот и наковальня.

Кузница?.. Что ж, можно соорудить, сказал изобретательный Федя Веригин. Для наковальни любой большой камень подойдет. И ребята вкатили в избу громадный валун. А молот? Не годится ли для такого дела вон тот морской крюк, что они давно нашли в плавнике? И вот моряки изобретательно превратили тяжелый крюк в молот, Федя соорудил из оленьих рогов щипцы, затопил

печь, и... пошла работа! Глотая едкий дым, моряки в углях раскалили куски железа и принялись выковывать наконечники для стрел и рогатин, «чтобы на медведя белого ходить», — весело говорили они.

Появилась кузница — наладились и другие работы. Все тот же Федя Веригин выковал иглы и шилья, ведь пора подумать о меховой одежде, о теплых сапогах. Оленьих шкур накопилось достаточно.

И принялись ребята обрабатывать шкуры.

Они их хорошенько вымачивали в пресной воде — на острове много было ручейков, — а потом долго мяли в руках, пока шкуры не обсохли. Затем смазали их оленьим жиром и снова мяли. Этому учил товарищей Химков-старший, он видел, как самоеды обрабатывали шкуры. Химков велел смазывать их, и не раз, оленьим жиром и снова мять. Получились в конце концов такие мягкие шкуры, что любо-дорого. И приятно было, что они сделали их такими хорошими сами, своими руками. Теперь моряки превратились в портных, и шубы у них получились отличные, с капюшонами; надевались они через голову, как полагается, к рукавам пришили варежки, сделали теплые меховые сапоги. Вместо ниток употребляли жилы животных.

В трудах и заботах время проходило незаметно. Глядишь, и подошла зима, а с ней и полярная ночь. Погода ветренная, нависли густые туманы, не видно ни луны, ни звезд. Снег шел часто, но он не покрывал землю равномерно, а скапливался то тут, то там. Часть земли оголялась, вот почему на не укрытой снегом земле ничего не росло. И только там, где всю зиму лежали сугробы, под снегом прорастали цветы, готовились к чудесному летнему цветению.

Пасмурно. Мрачно. Пустынно. Не очень-то подходящее место для житья этот Малый Брун. Но даже здесь все преобразается, когда рассеивается туман, небо очищается от темных туч. Брызнет солнце своими холодными лучами, и снег заискрится, засверкает на вершинах гор, на длинных языках медленно сползающих в море ледников. Не раз поморы слышали, как с гулким шумом обрывались громадные глыбы льда и падали в воду. Покачиваясь, они отправлялись в дальнее плавание по воле ветров и течений.

Сделали зимовщики еще одну очень важную для себя вещь, о которой давно думали, но не знали, с какого бока приступить: светильник. Ох, как он нужен! В длинную полярную ночь без света не проживешь. А для светильника нужна чаша. В нее можно налить растопленный жир, бросить фитиль из пеньки, из кусочка морского каната, и все! Просто сказать, да трудно сделать. Из чего слепить чашу? Долго искали, пока не набрали в середине острова на горную породу, с виду похожую на жирную глину. Из нее получится хорошая чаша.

Слепили. Наполнили жиром, положили фитиль. Очень хорошо! Горит язычок пламени, радует душу. Только заметили зимовщики, что стенки чаши пропускают жир. А это никуда не годится! Почесали парни затылки и стали соображать: как с бедой справиться? И вдруг у Феди мелькнула счастливая мысль.

— Есть у нас, поди, еще мука-от? — спросил он.

— Ну, осталось малость, — удивленно ответил Химков-старший. — А на что она тебе?

— А вот на что, — весело сказал Федя. — Мы чашу вылепим, высушим ее на воздухе, а потом и окунем ее в жир. Жир-то разогреем, заправим его мукой, и пусть чаша покипит малость. Благо котел есть. Стало быть, есть в чем и кипятить!

И впрямь получился хороший светильник. Вот уж голова у парня — золото! Чего только не придумает!

Днем ходили на охоту, собирали плавник, приносили в избу снег, чтобы превратить его в воду, а вечера коротали возле светильника. И начинались мирные беседы. Иной раз Федя сказки рассказывал, а то все вместе вспоминали родное село, родной дом...

— А нас ведь небось похоронили, — как-то раз задумчиво сказал кормщик.

И все живо представили себе, как их дома ждали, как горевали, как потом все село хоронило их. Звонил печально колокол, и люди шли со свечками отпевать пропавших без вести моряков. И зимовщикам стало как-то не по себе. В избушке воцарилось тягостное молчание.

— Ну, что приуныли? — вдруг раздался бодрый голос Степы Шапапова. Он не умел долго грустить, парень веселый, всегда в селе был главным коноводом. — Может, и похоронили. Стало быть,

долго жить будем, такое уж поверье! Лучше, Федя, расскажи-ка нам сказку об Анике-богатыре. Что-то давненько я ее не слыхал, аж позабыл!

На дворе стоял декабрь. Календарь Алексея Химкова сказал, что не за горами и самые веселые праздники — Святки.

Полагается, чтобы в это время года был мороз и снег, а здесь, на Шпицбергене, вдруг наступила оттепель с дождем и туманами. Это подул западный ветер с океана, решили моряки, он всегда праздники портит. Хорошо, что к самому Рождеству, к концу месяца, погода стала по-настоящему зимней, с сильными морозами.

После целого дня на холоде зимовщики собирались вместе к вечеру и наперебой вспоминали дом, друзей, праздничное веселье в родном селе.

— Дома всегда хорошо, — мрачно вздохнул Химков-старший, — а уж в эти дни только холостые парни да девушки хороводятся. У кого семья, тому не до хороводов.

— Это ты, батя, верно говоришь — у вас, семейных, другая жизнь. На посиделки в свое время отходились... А помнишь, Федя, как мы в тот раз девушек напугали, особенно Наташу, красавицу?

— Помню, как же, — грустно ответил Федя. — Теперь-то я ее не увижу боле... А девка хороша собой — коса у нее толстая да длинная и лицом румяная да белая...

И зимовщики стали вспоминать подробности святочных дней. Каждый вечер, бывало, девушки собирались на посиделки в чьей-нибудь избе, где попросторней. Один день — в одной, на следующий — в другой, так все село и обойдут. У каждой с собой какая-нибудь работа, вышивание или еще что, и свечку с собой прихватит. Так уж принято. Все веселые, нарядные, в сарафанах, вышитых бисером, с широкими белыми рукавами, схваченными лентами, в бисерных повязках на голове, стройные, сероглазые красавицы с длинными косами, как у Наташи, о которой вспоминал Федя. Ему эта девушка очень нравилась, но теперь что говорить... Даже если они вернуться, все равно не видать ему красавицы, почитай, просватали ее...

Хороши девушки Поморья, загляденье! Сидят они на посиделках — кто вышивает, кто прядет и с подружками болтает.

Но веселье еще все впереди, и девушки ждут не дождутся заветного троекратного стука в окно. И стук этот раздается, и вваливается с мороза толпа молодых парней с шутками да прибаутками, с веселым смехом. Иногда приходят парни ряжеными, кто во что горазд, в меховых шубах наизнанку, ровно медведи, на себя не похожи. Девушки начинают отгадывать, и пойдет веселье, шутки, смех. Балагур и коновод всегда среди парней найдется, он и веселит всех. В избе становится душно, пламя свечек колеблется и светит тускло, и вдруг кто-то кричит: «Сполохи! Сполохи играют, пошли на улицу смотреть сполохи!»

И молодежь со смехом, весело толкаясь, отыскивает свои шубейки, и скоро изба пустеет. На улице светло как днем, в пору книжки читать. Это играют огни северного сияния. В небе дрожат белые легкие занавесы, они колеблются, разворачиваются во всю ширину неба и свертываются, вот и посыпались огни — красные, зеленые, желтые; они бегут друг за другом, соединяются, рассыпаются, исчезают и снова появляются. И лица девушек, их глаза становятся в этом волшебном сиянии таинственно прекрасными.

Далеко за полночь затягивается гулянье, «вечерина», как говорят поморы. Продолжается она снова в избе — с танцами, играми, только под утро молодежь расходится по домам. А там нужно кое-что поделать — воду принести, дрова из лесу. Парни запрягают лошадку, укутываются потеплее и заваливаются в сани. Лошадь сама идет, знает куда, а парень засыпает крепким, здоровым сном. Он успевает выспаться и по дороге к лесу, и обратно. А вечером опять гулянье, опять веселые бессонные ночи, до самой Масленицы. Тут уж конец. Пора за ум братья. Начинается подготовка к весеннему промыслу...

Все это вспоминается теперь зимовщикам, отрезанным от всего мира на своем уединенном острове. Кажется — давно все это было! И будет ли еще когда-нибудь?.. Или вот так просидят здесь, на этом проклятом острове, до самой смерти. Берега Малого Бруна редко посещают корабли промышленников. Эх, кабы кто знал, что они здесь живут как пленники, томятся, да еще надо Бога благодарить, что живут в тепле и в сытости. Загрустили моряки, замолчали, и, как всегда, Степа Шарапов расшевелил всех. Он сказал, что пока человек жив, он должен наде-

яться. И стал рассказывать что-то веселое. И грусть рассеялась, словно дым от только что протопленной печки, только остался горький привкус.

По вычислениям кормщика, скоро должно появиться солнце. И действительно, в один прекрасный день Химков-младший прибежал в избу с криком:

— Солнце, ребята! Солнце!

Над вершинами гор поднялся огненный столб, заря, и только через несколько дней выплыло и само светило во всем своем великолепии. Первое появление солнца после длинной полярной ночи — большой праздник северян, великий и древний, как мир! Радовались наши поморы, пленники необитаемой суровой пустыни, и почему-то считали, что время теперь потечет быстрее, а там, глядишь, и корабль появится. Каждый так думал про себя, а вслух произнести боялся, чтобы не спугнуть счастье... День все заметней удлинялся. Впереди весна, лето и... возможно, спасение...

Химковы — отец и сын, да и Степа Шарапов чувствовали себя здоровыми, сильными как никогда. Ваня Химков часто охотился на оленей с луком и стрелами, он сам стал таким же быстроногим, как и эти благородные животные. Каждый раз трое ели сырое мясо и запивали теплой кровью. Только Федя Веригин так и не смог преодолеть отвращение. За зиму он заметно побледнел, ослабел, стал вялым. Ложечная трава, правда, росла на острове, но было ее мало, на зиму не могло никак хватить. «Ничего, — говорил Федя, — вот настанет лето, я и поправлюсь, опять траву начну собирать». Химков-старший только головой качал... Жаль парня, а что с ним сделаешь?

В воздухе уже чувствовалась весна. На скалах шумел птичий базар. Степа Шарапов лазил туда за яйцами. Потеплело. Начал таять снег, и побежали прозрачные ручейки. Пользуясь каждым теплым днем, из оттаявшей сверху почвы вылезла на свет божий травка, и вскоре стали распускаться полярные цветы. Веригин часами бродил по острову, отыскивал свою травку. За лето он стал поправляться, повеселел. С наслаждением грелись моряки на летнем солнце, сбросив меховые шубы. Они установили дежурства, и каждый день то один, то другой стерег, не появится ли в голубой морской дали заветный парус. Но горизонт оставался пус-

тынным. Море ходило тяжелыми свинцовыми волнами, тихо набегало на берег. Моржи и тюлени заняли свои обычные места. Матросы наблюдали, как вожак моржового стада стерег свою огромную семью. Он лежал у самого края воды и при малейшем подозрительном запахе с шумом плюхался в воду, а за ним и все остальные.

Кормщик прикончил рогатиной одного за другим трех медведей! И теперь ко множеству оленьих и песцовых шкурок прибавились еще и медвежьи.

Но миновало короткое лето. Давно отцвели цветы, вся ложечная трава, которую видели на острове, была собрана. Опустел птичий базар. Моржи и тюлени ушли куда-то, и остались на острове одни-одинешеньки четыре моряка.

Так миновало долгих шесть лет.

Жизнь шла до ужаса однообразно, без событий и приключений. Жили люди, правда, в тепле и сытости. Казалось бы, и жаловаться грех. Но как они тосковали! А главное — большая беда их ждала: плох стал совсем Федя Веригин. Силы его с каждым годом убывали. За лето он немного поправлялся, а в зиму шестого года после тяжелых мучений скончался.

Умер товарищ, умер «баюнóк». Кто теперь будет рассказывать чудесные сказки? А как они скрашивали тяжелое однообразие зимних вечеров!

В скорбном молчании товарищи вырыли ему могилу в сильно промерзшей земле, завалили ее тяжелыми камнями, чтобы звери не потревожили последний покой Феди...

На память о нем остались искусно сделанные иголки и шилья; они хранились в шкатулке из моржовой кости, которую тоже вырезали умелые руки Феди.

...Седьмой раз встретили поморы весну. Седьмой раз увидели они птичий базар, и, спугивая птиц, Степа лазил на скалы за вкусными птичьими яйцами. Седьмой раз при них распускались цветы, а ложечную траву не для кого было больше собирать... Бухта очистилась от льда, на берегу появились стада тюленей и моржей.

И вот однажды — это было 15 августа 1749 года — Ваня Химков сидел на берегу и смотрел в морскую даль. Он уже ничего не ждал и ни на что не надеялся... Решил, что пора, пожалуй, ухо-

дить в избу, поднялся во весь рост, потянулся и... замер. Парус!.. На фоне голубой дымки, освещенной солнцем, ясно вырисовывался белый парус!

Не помня себя, с громким криком: «Парус, парус!» Степан побежал к избе. Он схватил рогатину и оленью шкуру, побежал обратно к берегу, изредка выкрикивая: «Парус, парус!» Кормщик и Степа Шарапов услышали крик, забрались на горку, где всегда был наготове хворост, и зажгли костер на самом видном месте.

Ваня прибежал к ним, стал размахивать рогатиной с оленьей шкурой. Костер ярко пылал, столб пламени и дыма поднимался к небу. Зимовщики не отрывали глаз от заветного паруса, паруса-спасителя!

Невозможно передать радость, охватившую моряков, когда они увидели, что сигналы их замечены. Ладья направлялась к берегу.

Судьба сжалилась над ними, не дала им помереть здесь. А они-то перестали ждать... Нет, видно, правда: пока человек жив, нужно надеяться!

...Трудно жилось эти годы жене кормщика Химкова. Мужа и сына она окончательно похоронила в сердце своем. Ждать, надеяться на счастливый случай давно перестала. Жила с двумя младшими детьми, сына собиралась на будущий год отдавать в зуйки — корабельные мальчишки, чтобы с детства приучался к морскому делу, как его отец и старший брат.

Осень 1749 года баловала теплыми, ясными днями просто на удивление! И морянка в тот год рано задула, и ребятишки, как всегда, забравшись на колокольню, возвещали, что «матушка-лодейка чап-чап-чебанит», и все село выбегало навстречу «ветренным гостям».

Не выходила одна Химкова. Тяжело ей всегда было в эти дни. Она возилась возле печи, когда услышала в сенях чьи-то тяжелые шаги. «Кого это бог несет?» — равнодушно, спокойно подумала она. Звякнула щеколда, и через порог, низко пригнувшись, переступил широкоплечий, загорелый помор.

— Здравствуй, матушка-хозяйюшка! — весело сказал он. — Как жива-здорова? Как детки?

Химкова удивленно посмотрела на него.

По всему было видно, что он только что приплыл на своей ладье. Почему же он сразу, не заходя домой, явился к ней, нарушив все обычаи? Что-нибудь случилось?

— С благополучным возвращением, соседушка, — приветливо сказала Химкова и пристально посмотрела на помора. Взгляд ее стал выжидательным, беспокойным...

Но сосед не ждал вопросов. Он подошел к ней, ласково обнял за плечи и сказал:

— Ну, матушка, не все же мне дурные вести тебе приносить! Можно иной раз и порадовать. Бросай все дела, собирайся в Архангельск — мужа да сына встречать! Горопись. Ни о чем не расспрашивай. Потом все узнаешь. Да детей с собой возьми. Объявились, бродяги, вот ведь дела! Всякое на свете бывает, особенно в нашей поморской жизни!

Яков Санников выпряг собак, накормил их и теперь мог позаботиться о самом себе. В избушке, построенной им когда-то из плавника, без окон и печей, зато с большим очагом, который греет, пока топится, лежали аккуратно сложенные дрова. Их принес тот, кто был здесь последним. Так уж водится у полярных путешественников. Они не покинут свой приют без того, чтобы не подумать о тех, кого занесет сюда судьба после них; оставят дровишек, если возможно — провиант и даже табачок! Так диктует неписаное священное правило путешественников, высокое чувство товарищества, взаимной помощи...

Санников растопил очаг, повесил над огнем котелок с похлебкой и чайник. После длинного перехода, который он только что проделал к северному берегу острова Новая Сибирь, он порядком устал, проголодался и теперь с удовольствием предвкушал заслуженный отдых.

Опытный промышленник, Санников последнее время был проводником в экспедиции Матвея Матвеевича Геденштрома, посланного на эти малоисследованные острова Новосибирского архипелага, и в скором времени он сам должен был сюда прибыть. Санников ждал его и кое-что собирался подготовить к его приходу.

Пока похлебка весело булькала над огнем, Санников вышел во двор разгрузить нарты. День стоял на редкость тихий, ясный, а ведь еще только вчера мела поземка и небо застилало темно-лиловые тучи. Капризна природа Арктики, никогда не знаешь, что случится через час: засветит ли солнце или поднимется вьюга! Но Санников был привычен к этим шалостям Арктики и не променял бы тревоги своей свободной, хотя и нелегкой жизни на спокойное сидение дома. Да и заработки у промышленника неплохие. А с чем сравнишь радость, что испытывает усталый путник, завидев продыmlенную насквозь избушку, где — он знал — его ждет заслуженный отдых, веселый огонь очага!

Грозна и сурова Арктика, но бывает она и невыразимо прекрасной вот в такие тихие, ясные дни, как нынче. Санников глубоко вдохнул целительную чистоту полярного воздуха и задержал свой взгляд на голубой дымке далекого горизонта. Но что это? Санников вздрогнул... Никогда раньше он этого не видел. А сейчас так четко вырисовываются вдаль очертания какой-то гористой земли. Может, это ему кажется? Он стал всматриваться пристальней. Нет, это не облака... Он видит землю. Неведомую землю. Это открытие глубоко взволновало промышленника. Еще бы! Не каждый день люди открывают новую землю. Это событие величайшей важности, все равно, есть ли на ней что-либо примечательное либо это просто клочок суши, покрытый льдом и снегом.

Наскоро поев и даже не отдохнув, Санников поспешил в путь. На глазок он определил, что земля лежит не дальше чем за 50—60 километров отсюда. Какую же новость он преподнесет начальнику экспедиции!

Но, увы, ему удалось пройти всего километров двадцать пять, как дорогу перерезала обширная полынья. Обойти ее он не смог и вернулся обратно.

Вскоре на Новую Сибирь пришел и сам Геденштром. Сообщение Санникова его живо заинтересовало. Да, действительно, он и сам видит в северо-восточной части горизонта какие-то горы. Не попытать ли еще разок счастья? Но и его остановила полынья.

Геденштром вернулся и занялся делами экспедиции.

Было это летом 1810 года.

На следующий год Яков Санников, продолжая работать у Геденштрома, побывал на другом острове — Котельном. И оттуда

он снова увидел какую-то далекую землю, только теперь она лежала западнее первой. Санников решил, что, возможно, где-то на севере находится обширная земля и он с разных точек видит ее разные стороны. А Геденштром считал вполне вероятным, что там протянулась целая цепочка островков, которая доходит до самого «матерого берега Северо-Западной Америки». Так же как и в прошлом году, дорогу к этой земле преграждала обширная полынья, и Геденштром, не рассчитывая добраться до нее, все же положил ее на карту как некую предполагаемую «Землю Санникова».

...Прошло десять лет.

На Новосибирских островах работала другая экспедиция, под руководством лейтенанта П. Ф. Анжу. Анжу тщетно осматривал горизонт. Нет! Никакой гористой земли он не видит. Все же он попытался пройти по направлению к ней, но путь оказался слишком трудным, да и стоит ли тратить столько сил, времени, рисковать, быть может, жизнью, если, в сущности, на горизонте он ничего не видит? Возможно, его предшественники ошибались. Ведь ошибся же недавно он сам, приняв нагромождение торосов за какую-то неведомую землю!

Никакой Земли Санникова нет, решил Анжу, и стер ее с карты.

На долгие годы про Землю Санникова позабыли. Но одно неожиданное событие потревожило память о ней. Тот остров, что Санников увидел первым с берегов Новой Сибири, оказался вовсе не миражем и не нагромождением торосов. Его обнаружила, на нее ступила экспедиция несчастного Де-Лонга, который на своей «Жаннете» пытался пробиться к Северному полюсу. Корабль, как вы уже знаете, был раздавлен льдами, экипажу пришлось пробираться пешком к югу, и по дороге моряки наскочили на неизвестную им землю, которую они назвали островом Беннета. По справедливости, острову следовало присвоить имя Санникова, ибо он первый увидел его, но, возможно, моряки «Жаннеты» этого не знали.

Раз обнаружился один из замеченных когда-то островов Санникова, возможно, найдется и другой! А тут как раз полярный исследователь геолог Эдуард Васильевич Толль, работавший на Новосибирских островах, заметил на горизонте «контуры четырех гор, которые на востоке соединяются с низменной землей».

О Земле Санникова заговорили снова!

Вернувшись в Петербург, Эдуард Васильевич Толль настолько убежденно доказывал существование Земли Санникова, что и ученые мужи из Петербургской Академии наук решили организовать новую экспедицию. В задачи ее, кроме различных исследований в малоизученной Арктике, входили также поиски предполагаемой Земли Санникова.

Еще до того как Толль вышел в эту новую экспедицию, Фритъоф Нансен в сентябре 1893 года на «Фраме» находился как раз севернее Новосибирских островов. Не раз он замечал признаки неизвестной земли. Об этом говорило и направление движения льдов, и частые появления вблизи «Фрама» белых медведей, песцов, и стаи птиц, летевших откуда-то с севера. Однако из-за тумана, который постоянно держался надо льдом, ничего нельзя было рассмотреть.

«...На следующий день прояснилось, — записывает Нансен, — но земли не видно. Мы находились значительно северней того места, где, по мнению Толля, должен был лежать южный берег Земли Санникова. По всей вероятности, эта земля — лишь небольшой остров.

...Если все пойдет хорошо, мы должны прийти к Земле Санникова, на которую еще не ступала нога человека...

...Не будь столь позднее время, я бы охотнее всего, повернув на восток, прошел бы до острова Санникова или дальше, до острова Беннета, чтобы взглянуть, каковы там условия, но теперь слишком поздно».

И экспедиция Нансена пошла своим путем.

А что касается Толля, то его экспедиция на судне «Заря» в 1900 году попала в исключительно неудачную ледовую обстановку. С запозданием на целый год Толль смог подойти к Новосибирским островам, еще через год он только предпринял санный поход к острову Беннета, чтобы оттуда разведать путь к Земле Санникова. За его группой через некоторое время должно было прийти судно «Заря». Но капитан после неудачной попытки преодолеть тяжелые льды решил не испытывать более судьбу и отправился в безопасную бухту Тикси, предоставив путешественникам самим как угодно выбираться с уединенного, лежащего в труднодоступной части Арктики острова Беннета.

Однако «Зарю» это не спасло. Корабль был раздавлен льдами в бухте Тикси...

Что же касается группы Толля, то она пропала без вести. Когда же на остров Беннета спустя некоторое время все же подошло спасательное судно, там была обнаружена построенная Толлем избушка из плавника и записка Толля, адресованная президенту Академии наук в С.-Петербурге. С обстоятельностью ученого Толль рассказывал, как его группе удалось, несмотря на чрезвычайные трудности, достигнуть острова Беннета, затем следовало описание самого острова и то, как они охотились на белых медведей, питались их мясом, а из шкур шили обувь и одежду. Затем группа отправилась к югу, имея в запасе провизии дней на двадцать. «Все здоровы, — лаконически заканчивает Толль. — Остров Беннета 26.X—8.XI. 1902 г.».

Вот все, что известно о Толле и его товарищах. Нет сомнений в том, что они погибли. Еще одна жертва Арктики! Вечная память отважным...

...Снова потекли годы. Землю Санникова буквально перечеркнули: по тому месту, где бы она должна находиться, прошли в 1913 году русские ледокольные пароходы «Таймыр» и «Вайгач», а позднее — «Седов» и «Садко». Полярные летчики, летая в той части Арктики, также ничего не обнаружили с воздуха. Итак, можно считать раз и навсегда установленным, что Земли Санникова нет и никогда не было. Но прежде чем делать такой вывод, поговорим о другой дразнящей земле.

История ее началась в 1764 году, и она известна под названием предполагаемой Земли Андреева. Судьбы Земли Санникова и Земли Андреева очень схожи. В те далекие годы, в середине XVIII века, один из полярных следопытов, сержант Степан Андреев, заметил как-то раз к северу от устья реки Колымы в «великой отдаленности» громадный остров, куда и направился на собаках. Но, не доезжая до него, верст за двадцать, увидел он «свежие следы превосходного числа на оленях и в санях неизвестных народов, и, будучи малолюдны, возвратились на Колыму. Больше о сей земле, или великом острове, нет никаких сведений».

Исчез остров, на который вели «свежие следы превосходного числа на оленях и в санях», исчез остров, который так ясно видел опытный полярник! Исчез, словно его, как некогда легендарную Атлантиду, поглотило море!

Его искали. Искали долго. Искали на санях, по льду. Искали на кораблях. И если при этом не видели самой земли, то признаки ее обнаруживали. Так, в дневнике русского путешественника Сарычева, плававшего в полярных областях между берегами Азии и Америки, есть такая красноречивая запись: «Мнение о существовании матерой земли на севере подтверждает бывший 22 июня юго-западный ветер, который дул с жестокостью двое суток. Силою его, конечно, должно унести лед далеко к северу, если б тому ничто не препятствовало; вместо того на другой же день увидели мы все море, покрытое льдом. Капитан Шмалев сказывал мне, что он слышал от чукоч о матерой земле, лежащей к северу, не в дальнем расстоянии от Шалагского носа, что она обитаема и что шалагские чукчи зимнею порой в одни сутки переезжают туда по льду на оленях».

Однако позднее известный полярный путешественник Ф.П. Врангель говорил, что «наши неоднократные и в разных направлениях предпринятые поездки на север по льду, кажется, доказывают, что в удободостигаемых от азиатского берега расстояниях нет на Ледовитом море никакой земли».

Занимала умы людей и еще одна загадка подобного рода. Это Земля Джиллиса, как значилась она когда-то на наших картах и которую усмотрел в начале XVIII века некий зверопромышленник Джиллис севернее Шпицбергена. Усмотреть-то усмотрел, а добраться до нее тоже не смог.

Видел ее много позднее и адмирал С.О. Макаров, плывая на своем ледоколе «Ермак» в 1899 году севернее Шпицбергена. Он говорил, что где-то вдаль вырисовывался крутой берег. Он хотел к нему подойти, но надо же быть такой беде — накануне судно получило небольшое повреждение, и адмиралу Макарову со спутниками оставалось только следить издали за неким берегом. При тихой погоде и безоблачном небе этот таинственный остров постепенно менял свои очертания, удалялся и наконец скрылся из глаз.

«Видели ли мы действительно землю? — спрашивает себя Макаров. — Думаю, что да, но поручиться за это невозможно».

А между тем время отсчитывало годы, часы и секунды, все с тем же легким звоном ссылая их в вечность.

Появился мощнейший ледокол «Красин». Он как будто бы сказал последнее и решающее слово относительно Земли Джиллиса,

потому что прошел как раз по тому месту, где бы должна находиться эта загадочная земли. Но, как ни странно, а спор и об этой, и о других предполагаемых землях все же не прекращался. Эти удивительные блуждающие, как призраки, земли, полные загадок и непостижимой таинственности, и были и не были, и в этом заключается самое поразительное.

И вот что говорят о них сегодня полярные исследователи.

Да, острова эти были. Больше того — они и сейчас есть. Но только это особые острова, о которых раньше и не подозревали. Это ледяные острова, медленно дрейфующие по своим особым путям, возникающие согласно своим, еще не до конца разгаданным законам.

...В марте 1941 года советские летчики вылетели в очередной рейс над пустынными арктическими льдами. Когда самолет находился к северу от устья реки Колымы, летчики заметили под крылом нечто весьма похожее на обычную тундру. Ясно видны были русла рек, застывшие озера. Эта тундра посреди полярного моря была обширна, покрыта снегом, пустынна и мертва. Все это так, но откуда она здесь взялась? Согласно картам, земли тут не должно быть. Летчики засекли ее координаты и вскоре выяснили удивительную вещь: странная тундра не стоит на месте, как полагается всякой земле, а движется, хотя и очень медленно. Она дрейфует к северу. Позвольте, подумали летчики, уж не есть ли это та самая Земля Андреева, которая столько лет морочила головы полярным исследователям! И летчики назвали этот открытый ими ледяной остров Землей Андреева.

Так вот оно что! Вот какие загадки таились в этом зачарованном царстве льда, снега и туманов!

Оказалось, что таких ледяных островов несколько. Хотя у каждого из них своя история, но все они между собой так или иначе схожи.

Самый большой (пока!) ледяной остров был открыт в 1948 году в Центральной Арктике. У него всхолмленная поверхность, есть долины и овраги, из-под снега торчат скалы — нагромождение валунов. Ну чем не остров! Да и размер его немаленький — 700 квадратных километров.

В свое время адмирал Макаров, между прочим, говорил, что издали, кроме загадочного острова Джиллиса, видел еще четыре ос-

трова. Когда подошли к ним поближе, то оказалось, что это ледяные горы, покрытые валунами. В этом, собственно, и заключалась разгадка Земли Джиллиса. Она была не землей, а ледяной горой, издали настолько похожей на настоящий остров, что легко вводила в заблуждение даже опытных исследователей. Эти гигантские ледяные горы медленно дрейфовали под действием ветра и течения, они шли из Полярного бассейна в Атлантический океан, и адмирал Макаров в то время находился как раз на их генеральной трассе. Именно в тот год и в то время они шли в очень большом количестве.

Ледяные острова похожи на айсберги, но это не одно и то же. Айсберги откалываются от сползающих в море ледников и уходят в неведомое плавание по воле ветра и волн. Они образуются и у Земли Франца-Иосифа, и у Северной Земли, и у берегов Гренландии. Но они никогда не заходят в восточные моря Арктики, к берегам Чукотки, именно туда, где видели Землю Санникова и Землю Андреева.

Ледяные острова — это шельфовые ледники Канады и ледяного пояса Земли Элсмira. Они образуются только из шельфового льда, а шельф — это грандиозный пласт континентального льда, окраина, припай, затопленный морем. Шельфовый ледник лежит на прибрежном мелководье, это остаток последнего оледенения.

В один прекрасный день громада откалывается, начинает жить самостоятельной жизнью, медленно дрейфуя среди льдов Центрального Полярного бассейна, в восточной части его. Эти ледяные острова имеют свою сложную и не до конца выясненную историю. В их толще обнаруживают остатки растений, пыльцу; как-то раз нашли лежавший в замороженном виде кусочек мха, и, когда ученый положил его в воду, этот тысячелетний мох зацвел, зазеленел! Разве это не чудо?!

Ледяные острова проходят своими сложными путями в самых неприступных областях Центральной Арктики. Вот почему они так долго дразнили отважных исследователей, прикидываясь обычными островами.

Под влиянием постоянных приливов и отливов, под сильным давлением морского льда припай все уменьшается и уменьшается.

Возможно, эти остатки оледенения скоро совсем исчезнут, и будут старые истории загадочных островов.

Было это тысячу лет назад... В один из летних дней к большому острову Северной Атлантики, под самым Полярным кругом, приближались два корабля. Одного взгляда было достаточно, чтобы признать в них ладьи викингов, норманнов — северных людей, пиратов и торговцев. Все говорило об этом: и сама форма судна, необычная для того времени, обтекаемая, с острым носом, украшенная высоко поднятой над водой головой дракона с разверстой пастью; и надутый ветром парус, тоже с изображением дракона. Ладьи неслись легко, стремительно. Не только ветер, но и сильные руки гребцов подгоняли их.

Они бежали к острову, открытому не так давно другими викингами. Там зимовал Гардар Сварарсон, швед по рождению. Он обошел вокруг неизвестной земли и установил, что это остров.

Другой викинг, норвежец Флоки Вильгердарсон, тоже побывал здесь. В тот год зима стояла на редкость суровая, все фиорды были забиты льдами, и Флоки назвал остров Исландией, что в переводе значит «Ледяной».

Плавал к Исландии и норвежский викинг Ингольв Арнарсон. Он был вождем племени, морским конунгом, как говорили тогда. Земля эта показалась ему вовсе не такой суровой. Напротив,

он считал ее вполне пригодной для жизни. Там были зеленые пастбища для скота, реки, полные всякой рыбы, а лес для построек рос от самых гор до воды.

После долгих размышлений Ингольв и его сводный брат Хьерлейв решили переселиться насовсем на этот остров, вместе с женами и детьми, со своими дружинниками и их семьями. Это случилось, когда король Харальд Прекрасноволосый после долгой междоусобной войны покорил наконец морских конунгов и объединил Норвегию под своей властью.

И вот сводные братья подходили к Исландии. Свежий ветер подгонял корабли. Четко вырисовывались контуры голов драконов на носу и длинные, извивающиеся священные змеи на парусах. А в туманной дымке уже угадывались белые шапки гор Исландии. Не пора ли бросать в воду три священных столба? Ингольв взял их с собой из дому. Они всегда стояли у него на самом почетном месте. С глубоким уважением Ингольв относился ко всем языческим обрядам и всегда их соблюдал. Перед отплытием в Исландию он принес обильную жертву главному богу своего народа — Одину. Его всегда изображали в окружении священных воронов. Легенда говорит, что вороны указали Флоки путь к Исландии. Он выпустил их со своей ладьи, и они полетели к ближайшему острову. Это и была Исландия. Теперь Ингольв ждал, что священные столбы, брошенные в океан, прибьются непременно к той части берега, где удобнее всего будет жить первопоселенцам.

Высокий, мощный, опершись на копьё, стоял Ингольв на носу своей ладьи. Его обветренное лицо моряка было сурово. Остроконечный шлем прикрывал косматую гриву светлых волос, кольчуга облекала его широкую грудь, на плечи был наброшен короткий плащ. Ингольв долго следил, как волны играют его священными столбами, то подбрасывая их на пенистый гребень, то увлекая куда-то в бездну. Как бы ни сложилась новая жизнь на острове, Ингольв не пожалеет, что покинул навсегда Норвегию. На родной земле ему тесно с Харальдом Прекрасноволосым. Здесь же, на пустынном острове, он будет по-прежнему свободен. А потомки его не будут знать другой родины, кроме Исландии.

...Корабли подошли к берегу. Перед ними открывался великолепный вид на огнедышащие горы, они курились вдалеке. В до-

линах густой пар клубился над многочисленными горячими источниками, и всюду разными красками — черными, бурыми, лиловыми, розовыми — играли ближние горы; они меняли цвет в зависимости от погоды и освещения.

Временно, пока не прибило священные столбы, Ингольв со своими дружинниками высадился на одном из мысов южного берега, а Хьерлейв поплыл дальше, на запад. Там и сегодня так же пустынно и дико, как и тысячу лет назад. Только мыс, где высадился Хьерлейв, перестал быть мысом: беспрестанная работа волн превратила его в островную гору, отстоящую километрах в трех от берега. Но и до сих пор места, где первоначально поселились викинги, носят имена первооткрывателей: мыс Ингольва и бывший мыс Хьерлейва.

Только через три года викинги нашли столбы Ингольва на юго-западном берегу, в бухте, постоянно окутанной парами. К тому времени Хьерлейв был уже мертв, он погиб от руки своего дружинника. Остался один Ингольв. Он заложил первое поселение в этой бухте, окутанной парами горячих источников, и назвал его «Рейкьявик», что значит «Дымящаяся бухта». Сотни лет спустя в память об этом благодарные потомки воздвигли Ингольву памятник на том месте города, где некогда стоял дом викинга. На постаменте возвышается бронзовый Ингольв в остроконечном шлеме и в кольчуге. Он опирается на копье — для викингов оно было символом свободы и независимости.

...Исландия — остров молодой, вулканический. Считается, что ему «всего» шестьдесят миллионов лет. Не так уж много с точки зрения геологов. Его поверхность формировалась в течение последнего миллиона лет, а лава — результат частых извержений вулканов, — та и вовсе младенец: ей не наберется и десяти тысяч лет. Но для нас с вами эти цифры кажутся внушительными, и мы имеем право сказать: в незапамятные времена Исландия выдвинулась из глубин океана, а заселили ее более тысячи лет назад.

Исландия — это вулканы, гейзеры — естественные фонтаны горячей воды, горячие источники, покрытые снегом горы. Отовсюду к морю сползают языки ледников. В глубине острова — скалистая пустыня; там никто никогда не селился, разве что привидения, призраки из любимых исландцами мифов и сказок.

Обитаемы лишь берега, изрезанные фиордами. Священные столбы Ингольва сделали правильный выбор: они указали первопоселенцам наиболее пригодные для жизни места — южный и юго-западный берег, омываемый теплым течением Ирмингера. Северные и северо-восточные берега более суровы, мимо проходит холодное течение и делает свое дело.

Когда-то в Исландии было много зелени — обширные зеленые луга, пленявшие викингов, леса. Теперь же леса исчезли совсем, сведены, меньше стало и зеленых лугов. Тундра. Торфяные болота. Кустарники, которые оказываются вовсе не кустарниками, а карликовыми деревьями — уродцами с искривленными стволами. По листочкам видно, что они родственники ивы, березы, рябины. Но и они радуют глаз осенью, когда краски так яркие и разнообразны: лиловый вереск, золото листочков карликовых деревьев, красные ягодники, темно-синие спокойные озера, по которым плавают стаи белоснежных царственных лебедей, величавых, с изящно изогнутыми длинными шеями. Воздух чист и прозрачен, и потому далекие горы кажутся совсем близкими. Всюду от самых ледников начинаются короткие чистые реки, полные рыбы. С гор низвергаются водопады; их много, как в Норвегии, в этой стране звенящей, шумящей воды. Водопады, кажется, созданы для того, чтобы богатое поэтическое воображение народа населяло их феями и другими сказочными существами, живущими под сенью легких, как вуаль, звучащих струй с радугой в брызгах воды.

В Исландии, этой Стране огнедышащих гор, часты стихийные бедствия — извержения вулканов. Они оставляют неизгладимые следы. Они выжигают луга, и вместо зелени появляются бесплодные поля лавы, иногда застывшей гладкими плитами, иногда всхолмленной, как окаменевшее в непогоду море.

Один из самых крупных вулканов — Гекла. Эта Гекла наделала немало бед. Во время ее сильных извержений обычно чистый воздух на много километров в окружности становится темным от густого дождя из пепла. Как-то раз сильные взрывы сорвали верхушку горы, и Гекла стала намного ниже. Вместе с огнем и дымом из кратера вылетали крупные камни, огненная лава расплавляла лед и снег, и с гор неслись грязные потоки воды, увлекая за собой камни и крупные валуны. Огненная лава, попадая в реку,

мигом превращала воду в пар. Оставалось сухое русло. Точно так же лава осушала и озера, которые встречала на своем пути. Она грозила залить равнину. Овцы, коровы, лошади часто погибали во время извержений, а если людям удавалось избежать той же участи, то впоследствии они умирали от голода и болезней.

Самые страшные извержения происходили не из гор, а из трещин, пересекающих остров. Вот как рассказывает об этом одна старинная книга:

«Эти трещины тянутся на несколько километров в длину, и на всем их протяжении выливается расплавленная огненная масса. Это целое море лавы, все поглощающей и уничтожающей на своем пути. Одно из самых страшных извержений этого рода произошло в 1783 году, когда проснулась от векового покоя огромная трещина в Южной Исландии. Это извержение длилось три месяца.

В тот год зима и весна отличались какой-то особой мягкостью. В конце мая вокруг зловещей трещины показался голубоватый туман. В начале июля произошло сильное землетрясение, и необъятный столб дыма, появившийся в северной части этой горной местности, стал двигаться к населенному югу. Посыпался пепел, на ледяных высях гор засверкала молния. В это же время одна из рек Исландии вышла из берегов и, заливая равнину горячей вонючей водой, полной вулканической пыли, исчезла. Стало ясно, что лавовый поток несется откуда-то с гор, из местности необитаемой, где никто никогда не бывал. Если извержение не прекратится, с ужасом думали люди, то лава достигнет моря, и люди, живущие здесь, на берегу, погибнут.

Вскоре лава ринулась в ложе высохшей реки и наполнила ее до берегов, а потом, выйдя из берегов, разлилась по всей низменной окрестности и, отворачивая перед собой, как скатерть, торфяную почву равнины, бросилась в большое озеро. Воды его мгновенно превратились в пар и с ужасным шипением и свистом уносились в воздух. А лава между тем продолжала свой путь и, падая по крутым скалистым обрывам, образовала пылающие лавопады. Грозное движение огненных масс продолжалось три месяца, и вся страшная катастрофа заключилась сильнейшим землетрясением. Погибла скудная растительность, залитая лавой, нечем было кормить скот, и население гибло от голода».

Так что про исландцев можно сказать, что они в самом точном смысле слова живут на вулкане. В Исландии не только действуют старые вулканы, но еще и рождаются новые, молодые. Совсем недавно внезапно появился новый вулкан, который исландцы назвали именем бога подземного жара — Суртеем. Рядом с ним возник еще один, маленький, и остроумные исландцы, веселясь, называли его малышом Ситлингуром. Газеты посвящали Суртею целые полосы, на место рождения нового вулкана прибывали любопытные репортеры, осматривали со всех сторон его и малыша Ситлингура. Правда, Ситлингур скоро исчез, зато его старший брат продолжал «трудиться не покладая рук».

А буквально год назад на одном из островов Исландии, где стоял город, началось сильнейшее извержение нового вулкана, погубившего и город, и порт. Остается радоваться, что людей все же удалось вовремя вывезти оттуда.

Вулканов на земном шаре в разных странах немало. Но в Исландии есть нечто особенное, что встречается лишь в четырех местах нашей планеты: на Камчатке, в Новой Зеландии, в Йеллоустонском парке Северной Америки и вот здесь, в Исландии. Причем впервые это чудо увидели люди именно в Исландии. Вы, наверное, уже догадались, что речь идет о гейзерах — фонтанах кипятка, которые действуют каждый по своему собственному расписанию, через определенное время. Самый знаменитый из них находится в нескольких десятках километров от главного города Исландии — Рейкьявика, и называют его Большим Гейзером. Отсюда и пошло название всех подобных горячих фонтанов — гейзер. Среди лавы и кипятка гейзеров в долину сползают с гор ледники. Вот уж воистину остров огня и льда. Подземный жар согревает почву, и среди льда и огня тут и там можно увидеть зеленеющие поля, ручейки.

Остров этот малонаселен, он и сегодня кажется таким же пустынным, каким был во времена первых поселенцев. На нем всего около 190 тысяч жителей, и обитаема лишь прибрежная полоса. А в глубине он, как прежде, необитаем. Долины разделяются бесплодными плоскогорьями, по-исландски их называют «хейди». Кое-где на перевалах стоят домики для путников, застигнутых непогодой или пугающей темнотой.

«Все в Исландии знают те или иные сказки о привидениях, — пишет М.И. Стеблин-Каменский. — Если, путешествуя по Исландии на машине с шофером-исландцем, спросить его как-нибудь с наступлением вечера, не приходилось ли ему в жизни встречать привидения... он непременно оживится и скажет, что если не он сам, то его товарищи-шоферы действительно встречались с призраками. И он начинает с исландским юмором рассказывать о пассажирах, которые вдруг исчезают из машин или снимают шляпу, а вместе с ней и голову или оказываются прозрачными... И вы будете ехать по пустынной местности, где только изредка увидите стадо овец, сгрудившихся на склоне горы и как будто совершенно неподвижных, или мохнатых лошадок, бродящих по лугу на свободе, или одинокий хутор в отдалении от дороги... Но возможно, что вы не увидите никаких признаков человеческого жилья и не встретите ни души. В вечернем освещении очертания гор станут призрачными. Всюду вокруг будет первозданная пустыня. И вы увидите, как в сумерках скалы начнут превращаться в ночных трёлей (сказочные существа. — М. Г.) или как два ворона бога Одина вдруг поднимутся с камня и полетят вслед за вами. И машина будет мчаться по черной гравийной дороге, и фары будут выхватывать из хаоса ночи камни, вереск, мох, и туман поползет отовсюду или начнет накрапывать дождь, и сквозь туман, дождь и мрак будет угадываться, как привидение, пустынное исландское плоскогорье, хейди...»

...а где жара

Самый теплый материк на нашей планете — Африка. Лучи солнца падают на нее лишь с небольшим наклоном, а дважды в год на экваторе в дни солнцестояний — 22 декабря и 22 июня — прямо, отвесно.

Всюду там тепло — от Александрии на севере до Кейптауна на юге, от берегов Атлантики до Индийского океана.

На юге и на севере хоть и не слишком заметно, но все же меняются времена года, даже где-нибудь в полупустыне Калахари иногда падает снежок, но тут же тает — уж очень теплая там земля. В Центральной Африке, по кольцу экватора, на великой африканской реке Конго, царит вечное лето. Температура воздуха почти не меняется, между самым холодным и самым теплым месяцем разница всего... в один градус! Так что там «погода одновременно и климат!».

Эта ровность температуры, постоянное обилие влаги — дожди и грозы бушуют почти ежедневно — и порождают роскошь экваториальных лесов. Там климат близок к тому, в котором некогда зародились предки современных растений и животных. Среди пальм, панданусов и смоковниц отлично чувствуют себя пришельцы из далеких геологических эпох, когда на всей нашей планете

было одинаково тепло: древовидные папоротники с их изящной кружевной листвой и гигантские хвощи.

Громаден лес Африки, теперь частью сведенный, но все еще очень большой, там сегодня есть много национальных парков, заповедников, где под охраной закона бродят в безопасности дикие животные. На них запрещена охота и запрещены расчистки для плантаций сахарного тростника, кофе, бананов, потому что для посевов выжигались леса, и после этого земля дает урожай всего лишь года два-три подряд. Потом бросают одну расчистку, переходят в другое место, снова выжигают лес для посевов, и снова урожай бывает не больше двух-трех лет подряд. Зелень понемногу сокращается, а этого ни в коем случае нельзя допускать: нет зелени — нет зверей, худо человеку. Поэтому в Африке очень серьезно заняты охраной леса.

Огромен экваториальный лес Африки. Еще грандиозней — сельва в долине реки Амазонки, где и сегодня еще остались «белые пятна» и в таинственной глубине живут неизвестные индейские племена, отгороженные от всего мира зеленой стеной непролазных зарослей. Но и в этих лесах прокладывается трансамазонское шоссе...

Есть «белые пятна» и в джунглях громадного острова Новая Гвинея. А вот тропические леса в Индонезии, особенно на Яве, сильно поредели. Они перестали быть девственными, слишком много живет здесь людей, природе пришлось потесниться.

Так по всей линии экватора, к северу и к югу от этой «разделительной» линии, опоясывающей земной шар, растут влажные тропические леса, где, как уже было сказано, «погода одновременно и климат!».

Не так давно, лет сто с небольшим назад, Центральная Африка была почти недоступна для иностранцев-путешественников. Издали, с борта корабля, она не производила особого впечатления. Ну тянется однообразно зеленая полоса по берегу океана и уходит куда-то вглубь, а что там внутри, почти никто из ученых не знал. Но стоило им ступить под сумрачные своды экваториального леса, как они тотчас же столкнулись с его пугающим великолепием.

Здесь все странно, необыкновенно. Над головой — сплошной шатер зеленой листвы. Листья никогда одновременно не раскрываются, не опадают: один лист только еще собирается развернуться, второй достиг наибольшей своей величины, третий уже падает, желтеет, так что зелени всегда много, свежей, густой...

Разобраться, какой лист на каком дереве растет, трудно, такая там теснота и путаница. Ясно только одно: почти не увидишь рядом двух деревьев одной и той же породы, как обычно бывает в наших лесах средней полосы.

Тропический лес многоэтажен. Солнцелюбивые деревья-великаны потому и вырастают такими высокими, с двенадцатиэтажный дом, что им нужно много солнца, вот они и тянутся кверху.

Их широкие плоские кроны напоминают зонтик, они купаются в океане солнечных лучей. Под их сенью прячутся не такие солнцелюбивые, излишек солнечного света им даже вреден. Еще ниже — еще более тенелюбивые. А те, кому нужно солнце, но сами они до него не могут добраться, действуют изобретательно: они обвиваются вокруг стволов мощных великанов и ползут по ним кверху. Ствол у таких деревьев тонкий, гибкий, он лишен листьев и цветов. Но это до тех пор, пока он не выберется на солнечный простор. Там он роскошно расцветает. Это лианы, они вьются по чужому стволу, перекидываются с дерева на дерево, то поднимаются, то ниспадают, образуя петли.

В разных этажах леса своя жизнь. Они заняты различными животными, невидимыми снизу. С одним ученым произошел такой забавный случай. Он шел по девственному лесу, с трудом прокладывая себе тропинку. Ему казалось, что он один, что вокруг нет ни одной живой души, и вдруг рядом кто-то будто чихнул. Ученый очень любезно, по привычке, сказал: «Будьте здоровы!» И что тут поднялось! Под чьим-то тяжелым телом затрещали сучья, кто-то испуганно завопил, и ученый увидел, как с криком, делая акробатические прыжки, цепляясь за ветки и лианы, убегала от него вверх большая темно-коричневая обезьяна.

Путешественника, попавшего впервые в экваториальный лес, поражает отсутствие цветов. Видны только орхидеи, великолепные, разных цветов и оттенков. Орхидея — растение-эпифит. Это значит, что она пристраивается к впадинам на стволе деревьев и пускает воздушные корни, улавливающие необходимые ей для жизни вещества. А другие цветы — их много, они великолепны! — не видны, они высоко навверху.

В тропическом лесу всегда сумрачно, солнечный свет не доходит донизу. Но вот сильная буря свалила великана или он сам упал от старости. Падая, огромное дерево увлекает за собой своих соседей, разрывает лианы, и в зеленом шатре образуется отверстие. В него проворно проскальзывает солнечный луч; он касается влажной, теплой земли, играет радостными, яркими бликами, и тогда, как по волшебству, из глубины торопливо вылезают зеленые ростки. Они теснятся, толкаются, растут наперегонки. Скорей, скорей вырваться на простор, туда, где много солнца, иначе погибнешь, захиреешь, пропадешь. И тот, кто посильней, поэнер-

гичней, опережает соседей и получает лучшее место под солнцем.

Обычно в тропическом лесу царит какая-то зловещая тишина. Ее нарушают голоса попугаев, крики обезьян, но они не вносят того радостного оживления, какое бывает в наших лесах средней полосы, особенно весной, когда поют, щебечут, шелкают на все лады птицы. Нет, в тропических лесах если и раздастся чей-то голос, то он только увеличивает чувство одиночества.

Это особенный мир, и путешествовать там, пожалуй, куда труднее, чем по далекому холодному Северу. Вот вам один пример. В XVIII веке понадобилось уточнить карты, без точных карт моряки не могли обойтись, а для этого необходимо было измерить длину дуги меридиана. Две экспедиции для этой цели отправились в разные концы земного шара: одна — на Север, в Лапландию, другая — в Южную Америку, в Перу. Лапландская экспедиция завершила свою работу в течение полутора лет, а в тропической Перу ученым пришлось потратить на это целых четыре года.

Конечно, тропические леса роскошны, великолепны, но, признаются путешественники, они лишены того очарования, которым полон наш милый, куда более скромный лес средней полосы. Зеленые поляны, мягкая душистая трава, лесные цветы. А зимний заснувший лес, лапы зеленых елей, искрящиеся белым пушистым снегом в ясный морозный денек, нарядные снегири и синички, дятлы в своих красных шапочках, тукающие по стволу, добывая себе личинки на обед. Потом вешние воды, журчащие ручейки, квакающие ранней весной лягушки...

Нет, нет, здесь все нам мило, дорого, все полно безмятежного покоя.

А тропический лес?

«Попробуйте положить руку на дерево или растянуться на земле, присесть на обломившийся сук, — рассказывает один из первых путешественников по африканскому лесу, американец Генри Стэнли, — и вы постигнете, какая сила деятельности, какая энергичная злоба и какая истребительная жадность вас окружает. Откройте записную книжку — тотчас на страницу садится дюжина бабочек, пчела вертится над вашей рукой, другие пчелы норуют ужалить вас в самый глаз, гудит перед ухом оса, перед носом снует громадный слепень, и целая стая муравьев ползет по вашим ногам, берегитесь! Передовые уже залезли на ноги, быстро взбираются наверх, того и гляди запустят свои острые челюсти в ваш затылок... О горе, горе!

И все-таки во всем этом бездна красоты! Только не следует ни лежать, ни сидеть на этой переполненной жизнью почве. Это не еловые перелески и не подчищенные рощи английских парков, а тропический мир: если хотите насладиться им, надо быть в постоянном движении».

И представьте, в сумрачном лесу Африки есть постоянные жители — люди, с которыми недавно только близко познакомились европейцы, хотя это одно из древнейших человеческих племен. Почитайте дальше, и вы узнаете кое-какие подробности их жизни.

В экваториальном лесу Конго знойный сумрак, духота. Где-то в зарослях притаился пятнистый леопард. Мирно пасутся на своих излюбленных местах лесные антилопы, бродят слоны, буйволы, дикие свиньи. Высоко-высоко, над кронами лесных великанов, с криками проносятся стаи птиц, а в ветвях с места на место прыгают обезьянки.

По едва приметной тропинке, среди лиан и колючего кустарника неслышно скользят темнокожие охотники. Они очень маленького роста, не выше школьника-пятиклассника, почти голые, только к широкому кожаному поясу прикреплены передники из больших кожистых листьев. На плечах охотники несут сети, сплетенные из лиан, в руках держат маленькие, как раз по росту, копья и небольшие луки с отравленными стрелами.

Сегодня вместе с мужчинами на охоту отправились и женщины. У иных за спиной удобно устроились дети, а спереди висят корзинки, сплетенные из листьев. В них женщины складывают коренья, орехи, грибы, плоды, собранные по пути. Тропический лес — голодный лес, здесь трудно достать пропитание, надо уметь распознавать, где можно найти съедобный клубень, дикие плоды или мед. Бесшумно, ловко вынимают женщины из старых дупел

соты — пчелы даже не замечают, как их грабят, — и аккуратно завертывают сладкую добычу в крепкие кожистые листья.

Удивительно, как смиренно сидят у матерей за плечами малыши. Уж так они воспитаны, знают, что на охоте нужно сидеть тихонько, а то вспугнешь дичь — и тогда всем придется ложиться спать голодными.

Но вот охотники остановились и стали раскидывать сети. Они соединяли их между собой, и получалась в конце концов одна сплошная длинная загородка. Теперь охотникам оставалось ждать условного сигнала от загонщиков. А загонщики — женщины. Как только они заприметят дичь, тотчас же подают знак — обычно это подражание крику какой-либо птицы.

И вот сигнал раздался. А вслед за ним тишина леса взрывается неистовым шумом. Женщины кричат, на бегу ударяют чем попало по стволам деревьев, и те гулко стонут.

Животные в испуге бегут подальше от этого гама и... попадают прямо в сети!

Кто же эти маленькие охотники с темно-бронзовой кожей, ростом не выше десятилетнего ребенка?

...Среди памятников Древнего Египта сохранились донесения одного из полководцев фараону Пепи. Полководец был в военном походе в стране Нубии, что лежала южнее границ Древнего Египетского царства. Он рассказывал в письме, сколько наградил золота, слоновой кости, страусовых перьев, драгоценного розового и черного дерева. Все это он везет в дар своему повелителю. Но ни золото, ни черное дерево не производят никакого впечатления на фараона Пепи, он в восторге от одного-единственного дара, который, по его мнению, стоит всех богатств, и он хочет увидеть его как можно скорей: это маленький темнокожий человек, карлик, живая игрушка, которая будет радовать и веселить сердце царя. Таких карликов иногда привозили из далеких походов, они высоко ценились при дворах фараонов как отличные артисты-комики и танцоры. А если вспомнить, что фараону Пепи в то время было всего восемь лет, то понятно, что более драгоценной добычи, чем карлик, он не мог себе представить. Из переписки фараона Пепи со своим полководцем мы впервые узнали о пигмеях, таинственных обитателях экваториального леса Африки.

О пигмеях слышали и в Древней Греции, только мало кому удалось видеть их, поэтому рассказывали о них разные сказки. Говорили, будто живут они не в хижинах, а в норах, как звери, будто они коварны и злы, будто предательски нападают на спящих людей и причиняют им всякие неприятности. Словом, встреча в лесу с этим народом опасна. Именно греки назвали их за маленький рост пигмеями, что значит в переводе «люди величиной с кулак». Так и сохранилось это название за всеми низкорослыми обитателями экваториальных лесов, к какому бы племени они ни принадлежали.

Рассказы древних греков о пигмеях мало похожи на правду, скорее они напоминают сказки о гномах, леших, домовых. Многие долго не верили, что есть на свете такой лесной народ. И только сто с лишним лет назад, когда путешественники стали встречать пигмеев в лесу, сомнения рассеялись. Да, такие люди существуют, только они не похожи на тех злобных карликов, о которых говорилось в сказках. Напротив, это веселый, добродушный народ. С незапамятных времен жили они в самом сердце девственного леса и так привыкли к его вечному сумраку, что не выносят солнца, у них начинают болеть глаза и случаются тепловые удары.

Многие путешественники рассказывают о пигмеях, и почти все — только хорошее. Они говорят, что «эти сказочные гномы девственных лесов» становились их друзьями, постоянными верными спутниками. Зачастую жизнь путешественников, их безопасность зависели исключительно от этих маленьких проводников, знающих лес, как родной дом, на которых можно было всегда спокойно положиться.

Истории этого народа не знает никто, есть только разные легенды. Вот одна из них. Жило-было на свете племя людей высокого роста, и был у них вождь по имени Вотто. И вздумалось этому Вотто покинуть свой народ и уйти в лес. А в лесу жизнь уединенная, людей нет, одни звери да птицы, и поговорить не с кем. Соскучился Вотто, и произнес он тогда заклинание. И сразу же раскрылись стволы деревьев, и из них вышло множество маленьких существ. И тогда Вотто спросил их: «Кто вы?» И они ответили: «Мы бину батва», то есть «Мы люди». И стал Вотто жить с людьми маленького роста в густом лесу. Это и есть предки пигмеев племени батва.

Пигмеи слились с лесом, только в лесу они себя чувствуют хорошо, спокойно. Никто так, как они, не умеет находить дорогу сре-

ди хаоса лиан и колючих кустарников: маленький рост позволяет им проходить свободно там, где высокому человеку ни за что не пробраться без большого, острого ножа, расчищая себе дорогу среди кустарников. Издавна у пигмеев налажены деловые отношения с их соседями, высокорослыми африканцами-земледельцами. Взамен мяса и слоновых бивней, добытых на охоте, пигмеи получают от своих соседей овощи и фрукты.

Главное занятие пигмеев — охота. Эти маленькие лесные люди охотятся не только на лесных антилоп, но и на сильных хищных леопардов и даже на слонов!

На одном месте они долго не живут, это кочевой народ. Как только в округе становится мало дичи или по каким-либо другим причинам, они собирают свои пожитки и уходят. Лес у них разумно поделен между разными племенами, и никто никогда не нарушал границ.

Перебираться пигмеям нетрудно. Вещей у них почти нет. Хижины они строят быстро и легко, и занимаются этим женщины. Делается это так. После того как выбрано место для деревни, его расчищают, и начинается строительство по древнейшему архитектурному проекту: на земле вычерчивается круг, по этому кругу втыкают с одной стороны свежие гибкие ветви, а свободные концы их укрепляют с противоположной стороны круга. Получается каркас из ветвей, теперь его остается накрыть большими крепкими листьями, и травой, чтобы хижина не протекала во время дождя. Правда, она все же протекает, но жить можно. Теперь надо обставить хижину; это тоже не очень-то сложно: приносят бревна, накрывают их листьями, и получается постель. Ну, пожалуй, и все. Кухонную утварь — горшки — пигмеи приносят с собой, так же как охотничьи принадлежности — копыя, луки, стрелы, ножи, да еще музыкальные инструменты — флейты и барабаны. Пигмеи — народ очень музыкальный и прекрасные танцоры. Платьев у них нет. Нарвут свежих листьев и прикрепят к поясу, как передник, вот и весь наряд. Или же соорудят передник из тапы — материи, которую делают сами из коры деревьев. Сначала кору вымачивают, а потом разбивают, утончают маленькими молоточками из слоновой кости или камнями.

Весь день пигмеи проводят на площадке, возле хижин. Женщины варят еду на кострах, мужчины готовят охотничье снаряжение, кто-то стучит молоточками — выделывают тапу, а детишки

беззаботно резвятся, бегают, лазают по деревьям, как обезьянки, метко стреляют из крошечных луков — готовятся к тому, чтобы стать охотниками. В последнее время, когда пигмеи часто встречаются с белыми, дети научились у них новой для себя игре — в скакалки, и она им очень понравилась.

К вечеру, когда пора ложиться спать, пигмеи залезают через маленькое отверстие внизу хижины внутрь, там уже разведен костер, чтобы спастись от сырости и от moskitov.

А утром все обитатели деревни снова выходят на площадку, и жизнь идет заведенным порядком. Здесь всегда оживленно, но особенно весело бывает после удачной охоты. Добычу делят поровну между всеми жителями деревни, и каждая семья готовит на своем очаге. Мясо режут кусками, нанизывают на палочки, палочки втыкают в землю возле огня, и женщины все время их поворачивают, чтобы мясо обжаривалось со всех сторон. Тут же на костре, завернутые в листья, пекутся бананы или какие-либо съедобные коренья — приправа к мясу. Дети помогают старшим: они посыпают мясо золой вместо соли. С солью у пигмеев плохо, и они очень радуются, когда их белые друзья приносят им соль. Они сосут ее, как леденцы.

Когда мясо готово, его раскладывают на свежие листья, заменяющие тарелки, каждому дается его порция, и вся деревня пирует. После еды — отдых, а к вечеру начинается веселье, игры, пение, танцы.

Так, отделенные от всего мира непроходимой стеной тропического леса, совсем недавно жили все племена пигмеев.

Но за последние десятки лет многое изменилось. Это можно видеть хотя бы на примере пигмеев племени батва, живущих в самом лесном сердце Африки — на границе Конго, Уганды и Руанды.

«Некогда батва, — рассказывает один путешественник по горному лесу, — жили по всей этой местности, но потом земледельческие племена свели леса, и они подались на запад, в горы. Немногие из них еще ютятся близ мест старых обиталищ, но другие оставили бродячую жизнь охотников и стали нищими или ремесленниками и делают на продажу глиняные трубки или миски».

Этот же путешественник очень живо описывает свою первую встречу с одним стариком пигмеем:

«Он (пигмей. — *М. Г.*) пришел к нам в гостиницу, хлопотал в ладоши, выбил ногами какое-то подобие чечетки и хрипло крикнул: «Э

зау сава сава сава!» Когда мы дали ему шиллинг, его широкое морщинистое лицо расплылось в улыбке, и он бросил монету в небольшую, плетенную из коры сумку, которую всегда носил через плечо. Это был нищий. Одежда его состояла из грязного полосатого одеяла, но держался он с достоинством. Он обладал превосходным актерским талантом, был прирожденным комиком, свои роли выполнял гротескно, с удовольствием высмеивая те стороны быта, которые окружающие его люди из племени банту (высокорослых африканцев. — *М. Г.*) воспринимали серьезно. Он был так мал, что казался гномом, истинное место которого — в таинственной лесной долине.

...Батва любили дразнить банту, наверное, потому, что последние относились к ним с пренебрежением. А батва оставались простодушно-веселыми, жизнерадостными, в отличие от всегда угрюмых банту. Может быть, трудная, но свободная жизнь охотников вырабатывает легкий, вольный характер, который теряют привязанные к одному месту земледельцы.

И даже теперь, когда многие пигмеи жили не так, как раньше, в своей привычной колее, с природой у них оставались свои особые отношения, они были как бы частью окружающего их леса. В лесу они себя чувствовали такими же хозяевами, как и дикие звери, на которых они охотятся. Ночью, когда экспедиция останавливалась на привал, пигмей-проводники спали по несколько часов, просыпались, смеялись чему-то и снова засыпали. Один раз кто-то из них заиграл на своем «ликембу» — плоском выдолбленном музыкальном инструменте... Это была странная, прозрачная мелодия, словно доносящаяся из других миров».

Когда пигмеям-проводникам предложили часть пути проехать на машине, они испугались. Они еще никогда не пользовались таким транспортом. Те, что помоложе, преодолели свой страх, а старик батва наотрез отказался садиться в машину. Он так и остался стоять на шоссе, гордо выпрямившись. Он не доверял враждебной ему цивилизации.

А цивилизация эта вторгается в лесные деревни пигмеев повсеместно. И пигмеи, кажется, уже привыкли, что к ним приходят какие-то люди со странными аппаратами, которые могут без конца повторять их движения, и это можно видеть потом сколько хочешь и слышать свой собственный голос, который тоже повторяет то, что было когда-то сказано.

Как-то раз один японский кинооператор, снимавший пигмейскую деревню, подарил старейшине на прощание маленький японский магнитофончик и пленку с записью его голоса. Старейшина с большим интересом нажимал блестящие кнопки и слушал себя. С удовольствием слушал он, да и вся деревня, музыку, тоже записанную на пленку и подаренную ему. Модные песенки, которые без конца звучат по радио, ему не нравились, но ораторию знаменитого австрийского композитора Гайдна он слушал внимательно. Непосредственные дети природы чутки ко всему прекрасному. Каждый у них — художник и артист. Они украшают прекрасной резьбой рога убитых ими на охоте животных или рисуют на коре просто и выразительно. Но особенно хорошо они танцуют. Жестами и мимикой они передают целые сцены из охотничьей жизни или же таинственные религиозные обряды.

...Глухая стена леса окружает пигмейские деревушки. Часть пигмеев еще сохраняет свои старые традиции и по-прежнему занимается охотой. После удачной охоты — как всегда, праздник. На площадке пылают костры, звучат тамтамы — барабаны, заливаются флейты, и молодежь танцует, напевая свои странные, но мелодичные песни. А в это время высоко в небе над их лесом пролетает великолепный лайнер — напоминание, что настали новые времена...

Человек один одарен дивной способностью осмысленной человеческой речи.

Томас Гексли

Как-то раз через дебри тропического леса Экваториальной Африки пробирался американский путешественник Поль дю Шайю в сопровождении носильщиков, проводников и охотников.

Было это в конце XIX века.

Караван с трудом прокладывал дорогу сквозь непролазную чащу и вышел к какому-то заброшенному селению, сплошь заросшему сахарным тростником. Дю Шайю с любопытством рассматривал развалины хижин, как вдруг до его слуха донесся приглушенный возглас:

— Горилла...

Путешественник вздрогнул и оглянулся...

— Где? — коротко бросил он.

— Смотри сюда, господин, — сказал африканец и показал вниз.

На земле тут и там валялись изжеванные кусочки сахарного тростника, они были совсем свежие. Гориллы тут завтракали, это ясно, и, похоже, ушли отсюда недавно. Путешественник в охотничь-

ем азарте решил преследовать животных и отправился со своими проводниками и носильщиками вперед. Вскоре обнаружили отпечатки огромных ступней гориллы. Судя по ним, животные шли на четвереньках, иногда присаживались, кормились и шли дальше.

«...Что я испытал, — с волнением вспоминает дю Шайю, — не поддается описанию. Итак, я увижу это чудище, свирепость, сила и хитрость которого давали обильную пищу сказкам и рассказам туземцев, животное, едва известное цивилизованному миру. Ни один белый никогда не охотился на него».

Охотники внимательно осмотрели оружие и пошли по следу. Внезапно совсем близко раздался рев, получеловеческий-полудикий, и дю Шайю увидел четырех молодых горилл, убегающих в чащу леса.

Странное ощущение возникло у путешественника. Ему показалось, что он собирается не охотиться, а просто совершить убийство, настолько животные эти походили на людей.

И все-таки дю Шайю решил возобновить преследование горилл. На следующее утро охотники быстро напали на след. Как и накануне, по лесу раскатился дикий рев, и перед дю Шайю предстала громадная горилла.

«Теперь она казалась мне исчадием ада, — вспоминает путешественник. — Чудовищное существо, полужверь-получеловек, мы видели таких на картинках старинных художников, изображающих подземное царство. Горилла сделала несколько шагов вперед, остановилась, еще приблизилась, опять остановилась, издала дикий рев и наконец замерла в десяти шагах от нас. И тут, когда она опять заревела, мы выстрелили».

Дю Шайю был первым, кто привез с собой из Африки шкуру гориллы. Но животное по-прежнему оставалось загадочным. Ученых-натуралистов очень интересовала эта обезьяна. Им хотелось бы наблюдать животное в естественной обстановке, однако свирепый характер гориллы препятствовал этому. Да и наблюдать ее в густом, знойном лесу тоже было нелегко.

Но со временем выяснилась интересная вещь. Оказывается, гориллы водятся не только на низменностях в западной части тропического леса — горилла береговая, как называли этот вид, — но и много восточнее, в горах государств Конго и Уганды. Там и жила «горилла горная».

И вот в начале XX века в горы стали приезжать ученые. Среди них был и знаменитый натуралист Карл Экли. Вначале он только охотился на обезьян, ему нужны были чучела для музеев естественной истории. Но вскоре горилла заинтересовала ученого настолько, что он решил оставить охоту и наблюдать животное в естественных условиях, не откладывая этого дела в долгий ящик. Природа Африки скудеет, исчезают или становятся очень редкими многие виды животных, отступают дождливые экваториальные леса, обширней становятся саванны.

Карл Экли поселился в горах, на чудесной лесной поляне, в местечке Кабара. Оттуда открывался великолепный вид на горы Рувензори, на цепочку вулканов Вирунга. Вокруг поляны рос лес, и в нем водились гориллы. Карл Экли настойчиво рекомендовал властям основать заповедники, или, как их называют в Африке, национальные парки, где животные и лес были бы под охраной закона.

К голосу Экли прислушались, и когда он в двадцатых годах XX века снова приехал в Экваториальную Африку изучать горилл, там уже было несколько заповедников, национальных парков среди великолепных гор и озер.

Экли снова поселился в горах, в безлюдном месте, в Кабаре. Но, к сожалению, жизнь его вскоре оборвалась, и его похоронили здесь же, на его любимой зеленой поляне, под сенью тропических деревьев...

В конце пятидесятих годов в Африку приехала маленькая экспедиция: солидный американский ученый доктор Джонат Эмлен, или Док, как его называли друзья, и его ученик — молодой биолог Джордж Шаллер, помощник Дока.

Док и Шаллер поднялись на зеленую поляну Кабары, где среди травы мелькали разноцветные луговые цветы. Ученые долго стояли возле могилы Карла Экли, вспоминая жизнь и труды этого замечательного художника и натуралиста, «лучшего друга горилл», как его называли. Вокруг — лес, и в нем — гориллы. Интересно, удастся ли наблюдать этих животных или свирепый нрав обезьян помешает этой важной работе?

На следующее утро Док и Шаллер поднялись рано и отправились на свою первую прогулку в лес. Они решили идти в раз-

ные стороны, так можно рассчитывать на встречу с обезьянами.

«Радостно бродить в одиночку по незнакомому лесу, — вспоминает Шаллер. — Все ново, таинственно, слух и зрение как-то особенно обострены. Я знал, что на этих склонах водятся леопарды, а тропы буйволов пересекают всю местность. И те и другие животные пользуются дурной славой — от них можно ожидать чего угодно. Поэтому я был настороже. Любое животное подпускает к себе чужого на какое-то определенное расстояние, прежде чем оно обратится в бегство или начнет защищаться. Нужно знать повадки всех обитателей леса. Пока человек не изучил их, пока он не знаком со звуками, запахами и формами, окружающими его, он находится в некоторой опасности. Но опасность, если она понята, только увеличивает удовольствие, когда идешь по следам диких зверей».

В первый день ученым не повезло. Но уже на второй Шаллер обнаружил группу обезьян. Внезапно раздался страшный рев гориллы, и одновременно с этим Шаллер увидел на пригорке огромное животное, самца с серебристой спиной, рядом с ним сидел подросток, а поодаль — три упитанные самки с одним детенышем.

Самец с серебристой спиной заметил Шаллера... Обезьяна встала на свои короткие, кривые ноги, внимательно поглядела на чужого и стала ходить взад-вперед. Потом остановилась, стала колотить себя руками по груди и снова заревела. Шаллер стоял неподвижно. Обезьяна смолкла, снова начала ходить взад-вперед, потом села.

«Это был великолепный экземпляр могучего телосложения, с черным лицом, глубоко посаженными глазами; он производил впечатление достоинства, сдержанной мощи и, казалось, был уверен в своем великолепии».

Но вот самец перестал реветь. Все маленькое стадо разбрелось в разные стороны. Животные кормились. Шаллер вздохнул с облегчением и продолжал наблюдать, пока обеспокоенный Док не окликнул его. При звуке человеческого голоса гориллы мигом скрылись.

На следующее утро ученые опять пришли на то же место и снова встретили ту же группу обезьян. Самец с серебристой спиной, за-

метив чужих, заревел и стал колотить себя в грудь руками. Остальные животные оставались совершенно спокойными. У одной самки на руках был крохотный горилленок, наверное новорожденный, совсем еще мокренький. Самец с серебристой спиной перестал реветь, подошел к малышу. Самка тотчас подвинулась, освободив место вожаку рядом. Самец сел, протянул руку и стал ласкать малыша. Шаллер и Док «восхищенно наблюдали эту семейную сцену».

«Может быть, правы некоторые натуралисты, которые утверждали, что гориллы никогда не нападают, что это сдержанные животные, — делились своими соображениями Док и Шаллер. — Ведь вот же не нападают они на нас. Хотя, возможно, это случайность; может быть, просто день выдался у горилл особенный — появление нового члена семьи...»

Но и в последующие несколько дней, пока ученые ходили в лес и встречались с обезьянами, животные равнодушно относились к их появлению и даже как будто попривыкли к ним. Они спокойно кормились, отдыхали.

Потом ученые встретили другую группу горилл. Шаллер шел мимо кустов и вдруг увидел чью-то черную руку, срывавшую ветку лианы. Док и Шаллер осторожно, стараясь не шуметь, залезли на дерево и увидели горилл. Животные их пока не замечали. Одна самка с детенышем на руках подошла совсем близко и спокойно уселась под деревом. Детеныш увидел людей первым, пристально уставился на них, но тревогу не поднимал. Тут и самка случайно взглянула в их сторону. Ее спокойный взгляд стал тревожным, она подхватила детеныша и с пронзительным криком метнулась в заросли. Самец, рассказывает Шаллер, ответил ей ревом, оглядываясь по сторонам. Стадо собралось вокруг него...

«К нашему облегчению, головы обезьян, одна за другой, повернулись к нам, и на их лицах выражение тревоги сменилось любопытством. Они вытягивали шеи, чтобы получше рассмотреть нас, а двое подростков даже взобрались на деревья. Один озорной подросток ударил себя в грудь и тут же проворно нырнул в заросли, поглядывая на нас сквозь завесу листвы, чтобы убедиться, какое это производит впечатление.

Постепенно животные разбрелись по своим делам, а одна самка вышла из тени, улеглась на солнце, как бы отдыхая, вытянула свои кривые ноги, безвольно опустила руки.

У нее было старое доброе лицо, изборожденное морщинами. Греясь на утреннем солнышке, она казалась совершенно спокойной и безмятежной».

...Пробыв неделю в Кабаре, ученые спустились вниз, в гостиницу, где они остановились. А оттуда отправились в длительное путешествие по тропическому лесу. Теперь им предстояло наблюдать жизнь береговых горилл. Этим обезьян можно было встретить на покинутых расчистках, где много свежей, подрастающей зелени. Ведь гориллы — вегетарианцы. Они питаются только растениями. По остаткам их обедов, завтраков и ужинов ученые выяснили меню горилл. Они ели молодые побеги бамбука, дикий сельдерей, корни огуречника, разные овощи, сахарный тростник, фрукты. Для них еды кругом было много. Оба вида горилл — береговые и горные — так между собой похожи, что даже специалисты с трудом их различают. И те и другие ловко сооружают себе гнезда, главным образом на деревьях, а иногда и прямо на земле. Они пригибают ветки бамбука, скрепляют их, и получается нечто вроде удобного пружинного матраца. Шаллер признавался, что ему не раз хотелось полежать, покачаться в этих пружинистых гнездах.

Как-то раз молодой ученый подсмотрел забавную сценку. Гориллы шли гуськом и вдруг остановились: путь преграждала речка. Тогда они стали дружно валить древовидные папоротники и устроили из них нечто вроде моста. По этому мосту они и переправились на другой берег. Видели ученые и другую картину. Речка была слишком широкая, и построить мост через нее гориллам оказалось не под силу. Они спокойно свернули и пошли дальше по другой дороге.

Через полгода, когда Док, как было условлено заранее, уехал, Шаллер решил вновь поселиться в Кабаре.

И вот ученый снова на зеленой лужайке. Здесь ему с женой Кей предстоит пробыть долго. Они поселились в домике из тёса, длинном и неуютном. Пока Кей вместе со слугой-африканцем устраивалась в жилище, Шаллер отправился в лес. Там, к великому удовольствию, он сразу же встретил своих старых знакомцев. Он их тотчас узнал. И животные, по-видимому, тоже, судя по тому, как они спокойно отнеслись к его появлению.

Теперь Шаллер каждый день уходил в лес. Иногда вместе с Кей, только она пряталась: гориллы тревожились при посторонних. Сторожа Национального парка тоже всегда держались поодаль, не теряя Шаллера из виду — на всякий случай, а вдруг что-нибудь произойдет непредвиденное.

Шаллер все больше привыкал к гориллам. Они уже не были для него все на одно лицо. Он их различал и каждому дал имя. Вожак, самец с серебристой спиной, его первый знакомый, назывался Большой Папаша. Другой, помоложе, в этой же группе — Ди Джи, третий — Чужак, четвертый — Рваная Ноздря, нос у него был действительно разорван в одном месте. У самок свои имена: миссис Нат, миссис такая-то и миссис такая-то... Он был знаком с ними лично.

И для обезьян Джордж Шаллер тоже стал «своим человеком». Как-то раз, однако, произошла история, которая доставила молодому ученому немало тревожных минут. Только выдержка спасла его от беды. Зачинщиком оказался Ди Джи. Шаллер заметил, что Ди Джи осторожно крадется к нему; впрочем, эта осторожность у него плохо получалась. Горилла — хозяин леса, самый сильный зверь, с ним предпочитает не связываться даже лев — привык ходить открыто, смело, ветки под его массивным телом громко трещат. Это не бесшумный хищник леопард. Потому Шаллеру и нетрудно было заметить неумелые маневры Ди Джи, и он не удивился, увидев его совсем близко. Ди Джи стал во весь рост и начал реветь, ударяя себя руками по груди. Шаллер признался, что он так и не привык к реву гориллы, всегда вздрагивал. Его утешало, что и сами гориллы тоже вздрагивали от неожиданности, когда их вожак начинал реветь.

Между тем Ди Джи, совершив гориллий ритуал, спрятался в кустах и оттуда потихоньку поглядывал — какое, мол, впечатление производит весь этот шум. Потом он снова заревел и подошел еще на несколько шагов. Шаллеру очень захотелось удрать: ведь «лучший друг горилл» Карл Экли настоятельно рекомендовал не дожидаться, пока обезьяна подойдет слишком близко. И Джордж начал осторожно пятиться к ближайшему дереву, не спуская глаз с Ди Джи. В это время одна из самок мелкими шажками двинулась к ученому. Подошла, уселась на пенек, уперлась локтями в колени, опустила подбородок на сложенные руки и задумчиво

стала рассматривать человека. Следом за ней направилась к нему почти вся группа. «Что с ними? Такого ни разу не бывало», — мелькнуло у Шаллера в голове. Между тем три самки с детенышами залезли на соседнее дерево, чтобы лучше рассмотреть человека, и наконец из зарослей появился молодой самец по имени Младший; он тоже подошел к ученому. Шаллера охватила паника, но он старался сдерживаться и не выказывать своего страха.

«Младший стоял на четвереньках, — вспоминал Шаллер, — и глядел на меня, слегка приоткрыв рот... На его лице было выражение безрассудства и проказливости, которое не могла скрыть даже присущая ему сдержанность».

Но вот гориллы понемногу стали расходиться по своим делам. Игра, затеянная Ди Джи, кончилась...

И с этого дня Джордж Шаллер совершенно перестал бояться этих огромных, сильных обезьян... Он понял, что они спокойны, замкнуты, сдержанны. У каждой гориллы свой характер, свои отличительные черты. И все переживания выражаются у них в темно-карих умных глазах: колебание, беспокойство, любопытство, отвага, раздражение... Были гориллы честолюбивые, хотя бы тот же Ди Джи. Этот «молодой парень» хотел бы стать вожаком, но — увы! — слишком большим уважением пользовался Большой Папаша, и все попытки Ди Джи «захватить власть» ни к чему не приводили. Были и любители одиночества, например Чужак. Он часто держался в стороне от своих, бродил поодаль.

В каждой группе был один вожак, самец с серебристой спиной; он пользовался неограниченным влиянием, и на нем лежала забота о безопасности всей семьи. Жили гориллы мирно, без ссор и неприятностей. Просто удивительно, как они ладили друг с другом; все взрослые животные любили детишек, никогда их не наказывали, позволяли шалить, озорничать.

Шаллер так долго бывал вместе с гориллами, что и сам перенял у них кое-какие повадки: неторопливость, спокойствие движений. У него сложились добрые отношения с обезьянами; особенно он подружился с Младшим. Тот часто подходил к странному существу, и похожему и не похожему на него самого и его родичей. Они подолгу сидели довольно близко друг к другу, молчаливо беседуя глазами. Иногда Младший ложился на бок, подкладывал руку под щеку и мирно засыпал.

Обычно Шаллер любил сидеть на приземистом дереве с пористой корой. Это хагения. Космы лишайников делают ее похожей на добродушного неопрятного старика. Среди перистых листьев свисали гроздья мелких цветов, на каждой ветке был как будто садик с мхом, лишайником и папоротником, и среди темной зелени горели красные фонарики орхидей. Скольким забавным картинок из жизни горилл подсмотрел ученый, сидя на уютных ветках хагении! Особенно он забавлялся играми маленьких горилл. Как все дети на свете, они гонялись друг за другом, озорничали, боролись, плясали на своих матерях, даже забирались к ним на голову. Они нисколько не боялись вожаков. Большой Папаша всегда смотрел на малышей снисходительно, но, если они чересчур расшались, матери достаточно пристально посмотреть на озорника, и тот мигом притихает.

Особенно проказничали два горилленка — Макс и Мориц, как называл их Шаллер. Наверное, эта пара напоминала ему героев известной детской книжки, шалунов, неистощимых на выдумку. Не знаю, читали вы про них или нет, но я эту книгу отлично знаю. Гориллята Макс и Мориц ни минуты не могли посидеть спокойно. Занятно, как они пытались сами строить себе гнездо. Смешили их неловкие движения, их усердие, которое, однако, кончалось тем, что они забирались к матери и спали вместе с ней.

Шаллер настолько освоился со своими лесными приятелями, что иной раз тоже «строил себе гнездо» на своей любимой хагении. Ученый хотел проследить жизнь горилл шаг за шагом, круглые сутки. Он захватывал из дому спальный мешок, уютно устраивался на ночь и спал неподалеку от «свирепых чудовищ», о которых рассказывали столько всяких небылиц.

Как-то раз он, проснувшись очень рано, видел в предрассветной мгле, как безмятежно спали животные. Не только дети, но и один подросток тоже забрался в гнездо к матери. Здесь, в горах, ночи прохладные.

Но вот животные проснулись. Свесив ноги из своих гнезд, они потягивались, позевывали... Потом начиналась кормежка, первый завтрак. Он длился долго, часа два, растительная пища не то что мясная: нужно много съесть, чтобы почувствовать себя сытым. После еды гориллы ложились отдыхать часа на два. Потом опять вставали, кормились, и так изо дня в день: сон, кормежка, отдых...

...Между тем шел декабрь, дождливый и прохладный. Здесь, в горах под экватором, дважды в год наступал дождливый период: с сентября по декабрь и с марта по май. Остальное время — засуха.

Приближался зимний праздник — Рождество. Джордж забрался высоко в горы, где росли вересковые деревца, срезал одно, похожее на елочку, взвалил его на плечи и понес в свой дощатый домик. Кей испекла пирог, так что получилось настоящее празднество. В сочельник, накануне Рождества, Шаллер в лес не пошел, но в самый день Рождества не выдержал. Он сказал, что скоро вернется, только проведает своих друзей.

«Дождь хлестал меня по спине, — вспоминает Шаллер, — гориллы сидели в своем убежище и молчаливо наблюдали за мной. Существует поверье, что в ночь под Рождество люди и звери забывают вражду и разговаривают между собой как равные. Временами гориллы говорили со мной своими выразительными глазами. Я чувствовал, что мы понимаем друг друга».

Уже стемнело, когда ученый подошел к своей поляне и увидел Кей, стоящую на пригорке, возле хижины, такую одинокую в этом тумане... «Слезы струились по ее лицу, когда я, обняв, прижал ее к себе; она сказала, что сегодня Рождество, что она думала, уж не случилось ли со мной что-нибудь, так как я все не шел и не шел...»

Да, нелегко быть женой ученого, у которого работа связана с глухими, уединенными местами, где приходится жить едва ли не первобытной жизнью. Некоторые биологи наблюдают животных у себя дома, и женам это приносит много лишений и неудобств, но что поделать! Был такой случай, когда матери пришлось своего собственного ребенка поместить в железную клетку, чтобы оградить его от шныряющих всюду животных. Муж ставил опыт, и жена не считала себя вправе мешать ему. Конечно, клетка была временным пристанищем для новорожденного и поставлена так, чтобы ребенок не испытывал неудобств, чтобы развивался нормально. Но не всякая мать на это пойдет...

Терпеливая Кей, хоть детей у нее не было и охранять их, если бы они и были, не от кого, все равно вела героическую жизнь: молодая женщина большей частью была совсем одна, без друзей или просто знакомых. Почта приходила редко, когда менялись сторожа Национального парка, и тот, кто являлся снизу, из селения,

приносил сильно запоздавшие газеты, журналы, письма. Радио не было. О телевизоре и говорить не стоит. Иногда Кей ходила вместе с мужем к гориллам, а потом они «сплетничали» между собой, обсуждали поведение миссис Нат или честолюбивого Ди Джи, безуспешно интригующего против Большого Папаши, или еще кого-либо из горилл.

Через поляну, где стоял домик Шаллера, по ночам проходили какие-то звери, оставляя следы. А как-то раз солнечным утром Шаллер, выйдя из домика, обнаружил на берегу маленького озера молодого гориллу Адольфа. Подобно Чужаку, Адольф любил уединение. Непринужденно развалившись, он в одиночестве принимал солнечные ванны. Увидев Шаллера, Адольф взревел и скрылся в кустах. Но далеко не ушел. Из кустов торчала его мохнатая макушка, и среди листьев блестели глаза, полные любопытства.

Около полутора лет пробыл Шаллер в Африке, большей частью в Кабаре, где ежедневно встречался с гориллами. И вот приближался день отъезда. Джордж Шаллер должен был испытывать чувство удовлетворения: он снял с горилл незаслуженное обвинение в свирепости. Он проследил их повседневную жизнь и возвращался домой с редким, подробным материалом исследований. Никто до него не наблюдал горилл так близко и долго. И все благодаря мужеству, терпению и настойчивости... А еще, наверно, благодаря его настоящей любви к животным, к природе...

В последний раз идет Шаллер в лес. «Я понимал, что как только я скроюсь из поля зрения, то навсегда исчезну из их сознания. Они будут, как всегда, кормиться, отдыхать, спать, жить только настоящим, без прошлого и будущего. И еще я понимал, что месяцы, проведенные с ними в горах, навсегда останутся счастливейшим временем и лучшим воспоминанием в моей жизни... Мне грустно, что я не имел возможности сказать этим добродушным зверям, как я их люблю и уважаю. Хотелось поблагодарить их за все, чему они меня научили, дав мне возможность познать их, жизнь леса и, наконец, самого себя.

...Когда я уходил, они, как и год назад, спокойно сидели, мирные, довольные, провожая меня глазами, пока я не скрылся за гребнем холма...»

Иной раз приходится слышать не только от детей, но и от взрослых недоуменный вопрос: почему человек, имея предком обезьяну, стал человеком, а современные человекообразные обезьяны, приматы, не развиваются дальше, не превращаются в людей?

«Я подозреваю, — говорил Шаллер, — что это находится в прямой связи с тем, что горилла легко удовлетворяет свои потребности в лесу. В ее владениях, где царит полное изобилие, нет нужды совершенствоваться и развивать различные навыки, например в изготовлении орудий, либо предаваться умственной деятельности».

Растительная пища всюду есть, сорвать ее легко, легко пальцами очистить кожуру с побегов молодого бамбука или с плодов. У горилл нет нужды разнообразить свой стол мясной пищей, как пришлось это делать в далекой древности ископаемому человеку-австралопитеку, найденному на юге Африки. Вот почему умная обезьяна горилла не идет дальше в своем развитии. Так же как шимпанзе и орангутаны — человекообразные обезьяны, приматы, наши близкие родственники.

Место человека, тоже примата, остается первым. Он — Царь, обладающий «дивной способностью осмысленной речи», он единственная обезьяна, «которая обсуждает, к какому именно роду обезьян она относится».

Было уже далеко за полночь, когда Энн Патнем окончила свои письма родным и легла спать. Мадемуазель — так звали ее собачку — лежала возле кровати на коврике. Маленький шимпанзе дремал в углу своей бамбуковой клетки.

«Я не знаю, что разбудило меня, — вспоминает Энн. — Вероятно, забеспокоившаяся собака или шимпанзе, который тоже почему-то стал нервничать... вдруг я услышала, как что-то зашуршало в сухих листьях на крыше... На пол шлепнулся скорпион... потом сороконожка... из всех щелей вылезали насекомые, и все они поспешно устремлялись к двери».

Беспокойней скулила Мадемуазель, ей очень хотелось убежать, но она не смела покинуть хозяйку. Обезьянку била мелкая дрожь, у нее просто зуб на зуб не попадал.

Да что с ними?

Энн посмотрела в окно. Ночь была тихая, ясная, полная луна освещала лес, окружающий их санитарную станцию, гостиницу, госпиталь. Дальше угадывался загон для животных, которых ловил в африканском лесу ее муж.

Кругом все казалось безмятежно-спокойным. Почему же волнуются животные?

И насекомые куда-то побежали... Странно!..

Абазинга, слуга, который ухаживал за животными, рассеял недоумение. Обычно безупречно вежливый, он ворвался в спальню без стука, лицо у него было бледное, в глазах стоял ужас.

— Мадам, — закричал он, — если вам дорога жизнь, немедленно уходите из дома. Меня прислал хозяин. Здесь муравьи!

Энн сначала окаменела, потом подхватила собачку и опрометью кинулась к двери вслед за сороконожками и скорпионами, забыв про маленького несчастного шимпанзе...

...Во влажных тропических лесах много муравьев разных видов — и маленьких, с булавочную головку, и больших, до сантиметра и более в длину; у них разный цвет, разное строение, разные привычки. Но есть в тропиках особые муравьи, не похожие на всех остальных. По-латыни имя их — эцитоны. Они крупные, черные, их называют странствующими, бродячими, движущимися... Это муравьи-разбойники, муравьи-каннибалы. Они питаются либо себе подобными — муравьями других видов, либо жуками, тараканами, термитами и прочими насекомыми, не умеющими летать. Не щадят они и крупных диких зверей, если те попадутся на пути их колонны, и крупных змей, не успевших вовремя уползти в сторону. Муравьи окружают их, нападают, и спасения тогда не жди! Человек тоже должен быть настороже, потому что иногда среди густой растительности леса он может сразу не заметить черную лавину, попасть в окружение, и тогда он хотя и спасется от смерти, но вырвется на волю сильно покусанным. Рассказывают, что в старину жрецы государства ацтеков в Центральной Америке — там, где теперь Мексика, — приносили в жертву людей, отдавая их на растерзание черным муравьям. Несчастных связывали и бросали на пути колонны страшных маленьких хищников.

Двигутся муравьи стройными рядами. По бокам озабоченно бегают самые крупные из них. Они носятся взад и вперед, разведывают обстановку, докладывают каким-то образом своим соплеменникам, что делается вокруг. А те идут сомкнутыми рядами — слепые, неумолимые, бесчувственные, уничтожая все живое. Ничто не в силах остановить их движение, огонь может лишь заставить их отклониться в сторону, только вода служит непреодолимой преградой. И там, где прокатилась эта черная ла-

вина, не остается ни единого насекомого, разве какой-нибудь хитроумный паук, добежав до конца ветки, повисает на тонкой паутине, а муравьи почему-то не решаются преследовать его до конца. Гибнут и маленькие мышки, землеройки, если им не удастся спрятаться глубоко в норы. Только растения не трогают эти черные хищники.

Такие муравьи водятся не только в Африке, но и в других тропических лесах, и в сельве Амазонки. Эцитонов там несколько видов, но они мало отличаются друг от друга: все едят насекомых, все одинаково беспощадны, только есть виды зрячие, полуслепые и совсем слепые.

Об эцитонах интересно рассказывают многие путешественники по тропическим лесам; среди них и знаменитый натуралист Генри Бейтс, много лет изучавший природу сельвы Амазонки. Не раз, бродя по лесу, он встречал колонны этих хищников, всегда голодных и потому беспощадных. Иногда он встречал небольшие отряды, отделившиеся от колонны, чтобы найти пищу для своих соплеменников. Он назвал их «фуражирами». Острыми челюстями они рвут на части свои жертвы, разрезают на мелкие куски и тащат с собой эти запасы.

Стоя в стороне от черной лавины, Бейтс часами наблюдал этих «солдат», так отлично вымуштрованных, что можно позавидовать их безупречной дисциплине. Они идут за своими вожаками, не отступая в сторону, и эти разбойничьи экспедиции приводят в ужас всю мелкую живность. Кое-кому, может быть, и удастся спастись, подобно паукам, повисшим на паутинке, но уж конечно, не тем, кто живет на земле среди листьев. Им некуда бежать, да они и не могут бежать, и потому их ожидает верная гибель. На деревья муравьи-фуражиры забираются невысоко, два метра — их предел. Но если осы неосторожно подвесили свое нежное гнездо на ветке низко — беда! Черные разбойники разгрызают, режут стенки гнезда, где находятся личинки, не обращая ни малейшего внимания на разъяренных ос. Завязывается настоящее сражение между осаами и муравьями, и кончается оно, как правило, гибелью ос! А победители-муравьи уносят добычу в свой огромный движущийся рой.

Наблюдатели-ученые долго и безуспешно пытались обнаружить гнезда этих черных муравьев. Оказалось, что их просто нет у этих

хищников! Они бродяги и делают только временные остановки, прицепившись всей своей массой к какому-нибудь пню или нижней ветке. Внутри этого громадного страшного кома находятся личинки; муравьи их согревают, кормят, выхаживают. Но долго на одном месте рой не задерживается, голод гонит его вперед. Над движущейся колонной муравьев часто слышится щебетанье, в воздухе царит суэта. Это носятся небольшие, скромно окрашенные птицы — муравьеловки. Тут для них хорошая пожива!

Когда колонна в походе, где-то среди миллионов слепых насекомых находятся личинки и матка. Матка раз в двадцать крупнее среднего муравья, у нее есть глаза и крылья. Так же как и у нескольких самцов. В определенное время муравьиная королева покидает рой и в сопровождении зрячих и крылатых самцов отправляется в брачный полет. Потом она возвращается к себе и начинает, как исправный механизм, откладывать миллионы яичек. Из них выводится несметное войско слепых муравьев и лишь несколько зрячих и крылатых самцов. Так королева выполняет свое предназначение. На нее и на личинок работает многомиллионная масса слепых насекомых.

Но в этом государстве черных разбойников не все обстоит благополучно. Один путешественник по тропическому лесу в черной массе муравьев заметил каких-то белых насекомых. «Взяв одно из них, — пишет он, — я обнаруживаю, что это всего лишь личинка мухи, которая несет на себе, словно колпак, выеденную изнутри пустую муравьиную голову. Поразительное явление становится мне понятным, когда я замечаю, что над муравейником летают рои каких-то маленьких мушек. Это мухи-паразиты; они постоянно сопровождают муравьев в походах, во время которых выбирают удобный момент и незаметно откладывают свои яйца прямо на тела свирепых насекомых. Через несколько дней из яйца вылупляется личинка, которая тут же начинает пожирать муравья; она ест его и растет и в конце концов добирается до муравьиной головы. Выев ее изнутри, личинка скрывается под нею и дерзко шагает вместе с муравьиной колонной до той поры, когда для нее наступает время превращаться в куколку.

...Так хищные муравьи, безжалостно пожирающие все живое, безропотно переносят присутствие в своем стане жалких личи-

нок, которые, в свою очередь, пожирают их. Они не обращают внимания на шагающую рядом с ними опасность. Известны даже случаи, когда этот «внутренний враг» уничтожал целые муравейники».

Наблюдая колонны черных муравьев, можно увидеть среди них каких-то красных жучков. К ним разбойники относятся снисходительно, и по очень простой причине: эти жучки для них нечто вроде дойных коров — они дают личинкам эцитонов вкусное масло. Но бедняги находятся у них в плену. «...Муравьи ревностно стерегут их, — рассказывает один путешественник. — Из любопытства я подхватываю веточкой одного такого жучка и опускаю его на землю в полутора метрах от колонны. Это вызывает неопиcуемый переполох в муравьином царстве. Немедленно во все стороны разбегаются многочисленные патрули. Три муравья хватают беглеца за ноги и волокут к колонне, причем один из муравьев в пылу схватки отгрызает у него ногу. Может быть, это наказание за побег? Его втокнули в колонну, и снова его со всех сторон прикрыл черный поток неумолимых насекомых. Эцитоны все делают быстро, решительно, без сомнений и колебаний, с большой целеустремленностью».

Однако не вся жизнь черных муравьев проходит в трудах и набегах. Не всегда они быстры, энергичны, решительны. Иногда можно видеть их вялыми, будто отдыхающими. Забавно наблюдать, как они один другому оказывают дружеские услуги, помогают чиститься и мыться. На самом деле это не отдых, просто черным муравьям нужен воздух, обильно насыщенный влагой. Когда ее недостаточно, они становятся вялыми и гибнут, если влаги меньше сорока пяти — пятидесяти процентов.

...Между тем Энн, подгоняемая страхом и отвращением, выбежала во двор, где суетилось все население станции, спасая животных и продукты от маленьких разбойников. Энн вздохнула с облегчением. Теперь никакие силы не заставят ее вернуться в дом! Хорошо, что она вовремя оттуда выскочила. Не успела она так подумать, как раздался душераздирающий вопль. Это кричала малютка шимпанзе! «Как я могла забыть ее! — вихрем пронеслось в голове Энн. — И что теперь делать? Послать за ней кого-нибудь из слуг?» Нет, на это Энн не

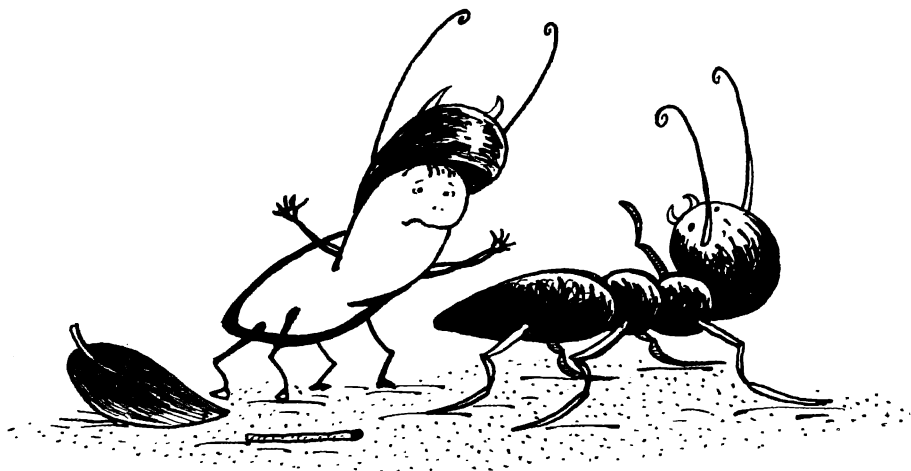
имеет права. Она забыла малютку, она сама должна теперь спасти ее.

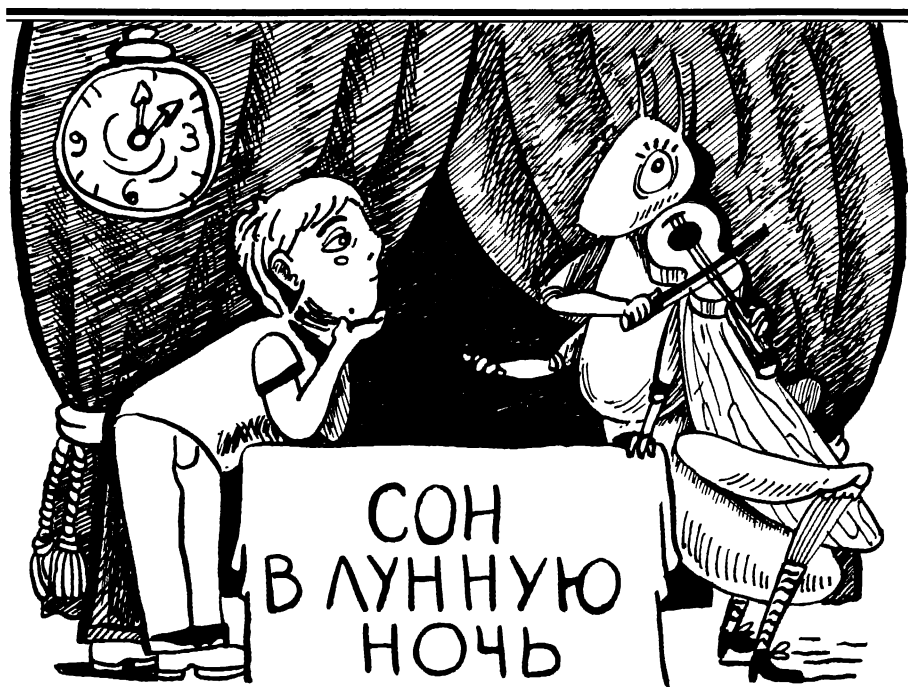
И, преодолевая отвращение и ужас, Энн кинулась обратно в дом...

Вбежав в спальню, она увидела, как обезьянка в отчаянии трясет бамбуковые палки своей крепкой клетки и кричит, кричит, призывая на помощь. Энн попыталась открыть хитроумно устроенный замок; обычно она это делала с легкостью, а тут от волнения не могла с ним справиться. Между тем передовые разведчики уже вошли в спальню. Секунда — и Энн почувствовала первый сильный укус в ногу... второй... третий... Ужас придал Энн силы, она так рванула замок, что он поддался, и дверца распахнулась. Схватив бедную малютку на руки, Энн бросилась обратно, и вовремя: муравьи уже начали хозяйничать в доме.

...Черное войско маленьких хищников тропических лесов довольно долго не покидало территорию санитарной станции. Когда последние муравьи удалились, повар Андре подошел к Энн. Обезьянка у нее на руках все еще дрожала от страха и потихоньку скулила. Андре сказал:

— Не огорчайтесь, мадам, в этом есть и хорошая сторона. Теперь мы можем быть спокойны за свой огород: там не осталось ни одного насекомого-вредителя... Можно не опрыскивать ДДТ.

Прекрасный весенний вечер, теплый, душистый. На небе полная луна. Насмешливо улыбаясь, она засматривает прямо ко мне в окно. Уютно тикают часы, поют-заливаются на весь дом сверчки. Хорошо бы, подумалось мне, если б вот сейчас заговорили, задвигались, зажали своей жизнью все вещи в комнате. Как у Андерсена.

Между тем часы набрались духу, пробили одиннадцать, замолкли на секунду и снова затикали. Но молчат. Не говорят.

Вдруг мне показалось, что я в комнате не одна. И представьте себе — на низенькой скамеечке возле дивана, на котором я читала книгу, сидел странный «человечек» и тихонечко наигрывал на скрипке. Почему-то я несколько не удивилась. Я тотчас же поняла, что это сверчок, тот, что живет со всей своей семьей в моей ванной комнате.

«Здравствуй, сверчок, — сказала я. — Как это мило, что ты навестил меня!»

«Знаете, я бы не осмелился, — ответил сверчок, опустив свою скрипочку, — это жена меня послала, велела спросить, где вы покупаете такое душистое мыло: в нашем магазине «Подарки» или на Ленинском проспекте?»

Я засмеялась.

«Где придется, — ответила я. — Ты мне лучше расскажи, как случилось, что ты со своей семьей попал ко мне в дом».

«Очень просто, — охотно ответил сверчок. — Когда-то на месте вашего большого дома стояли маленькие, деревенские. Ах, какие это были прекрасные времена! — мечтательно вздохнул мой странный гость. — В каждом доме — деревенская печь, а что может быть лучше!»

«Так тебе у меня не нравится?»

«Нет, почему же, — вежливо сказал сверчок, — у вас тоже хорошо. Но, знаете, мое детство связано с деревенским очагом, и потому он мне так мил...»

«Да, ты прав, все, что было в детстве, всегда мило...»

«Вот, бывало, — стал вспоминать сверчок, — мой дедушка по вечерам сядет в кресло в уголку, где потеплей, а мы, ребята, соберемся вокруг него и просим его что-нибудь рассказать. Особенно мы любили слушать о наших родственниках, свойственниках, — о полевых сверчках. Полевые сверчки строят себе комнатку где-нибудь на пригорке, на припеке. Комнатка чистенькая, уютная, к ней ведет длинный коридор, тоже в земле прорытый. Подумайте, роет землю, как землекоп, а никаких приспособлений у него нет. Способный народ! Вот построил полевой сверчок себе комнатку, устал, решил выйти на улицу. Вход в коридор прикрыт травкой, чтобы посторонние не видели: мы, сверчки, пугливые, чужих боимся. Вышел сверчок, присел на пороге и песенки наигрывает на своей скрипочке. Глядишь, знакомые подойдут, а среди них и милое существо... Вот наш холостяк и решает жениться. И ведет он жену в готовую комнатку, и станут они жить-поживать, а там, глядишь, детишки пойдут...»

Сверчок призадумался, помолчал.

«Но больше всего, — продолжал он, — мы любили, когда дедушка рассказывал нам о далеких заморских странах, там ведь тоже живут сверчки. Один тропический сверчок...»

Но тут зазвенел телефон, и я проснулась... Книга вывалилась у меня из рук, она была раскрыта как раз на том месте, где речь шла о сверчках.

Сверчки очень пугливы, и наблюдать за ними в естественных условиях невозможно. Поэтому исследователи сажают их в садки

под стеклянным колпаком, кладут им листик салата и следят, как они себя ведут. Вот сверчок женился, и мама-сверчок откладывает в землю соломенно-желтые яички, продолговатые, цилиндрические, с закругленными концами. Из таких яичек через две недели выходят малютки: кончик яйца отстает, приподнимается, и малыши выходят, «как из коробочки с сюрпризом». Одеты они в тонкие белые рубашечки, словно спеленатые, и сразу же начинают выкарабкиваться из земли. Весной земля мягкая, и крошкам удастся довольно легко выйти на волю. Рождается их очень много, но выживает лишь незначительная часть. «Кто только не хватает этих бедняжек! — говорит ученый-исследователь Анри Фабр. — Муравьи, лягушки, ящерицы». Но оставшиеся в живых растут, меняют платьица — окраску — и начинают самостоятельную жизнь.

Очаровательная музыка наполняет летние ночи. Поет сверчок-трубачик, самый лучший музыкант этого семейства. Наверное, его в древности ловили, сажали в маленькие плетеные клетки и подвешивали к окнам. Сверчки хорошо переносят неволю и прекрасно играют на своих скрипочках. А летом трубачики сидят на каждом кусте роз или лаванды, на ветвях фиштакшек и звенят-заливаются, прославляя лунную ночь и радость жизни!

Так же поют сверчки и в далеких заморских странах Южной Америки, в сельве Амазонки, среди тропических деревьев, лиан и орхидей.

...Луна высоко стоит в небе, ее свет какой-то волшебный, неправдоподобный. Он вливается в хижину и не дает людям спать, он завораживает заросли, реку, и все становится фантастически-сказочным. Поют лягушки, их песня словно серебряный колокольчик; стрекочут-заливаются сверчки... Заколдованное царство света и звуков.

Завораживает, но и устрашает черный мрак тропической ночи, когда нет луны. Лес становится опасным, таинственным. Под пологом сельвы без оружия нельзя ходить: мало ли какая ждет там встреча. Может быть, на ветвях притаился страшный хищник — ягуар, гроза индейцев. А может быть, неподалеку скользит бесшумная смерть — ночная змея бушмейстер, крупнейшая из ядовитых змей Южной Америки. Большая, сильная,

с коричневыми ромбами на серой спине, змея при виде путника с фонарем в руках медленно сворачивается в широкую спираль и лежит, словно круглый ковер. Плоская голова покоится на одном из колец, маленькие гранатовые глазки замороженно глядят на фонарь. Эта тварь и не помышляет о том, чтобы спастись бегством, «как поступило бы большинство пресмыкающихся, ибо бушмейстер не ведает страха. Правда, он и не нападает. А просто ждет с возвышенным спокойствием, сознавая свою силу».

Ночная сельва полна какими-то странными таинственными существами.

Вот пролетела безобразная летучая мышь-вампир. Ее недаром так называли. Потому что вампир — настоящий кровопийца, как вурдалак или упырь из сказок. Но вампир Южной Америки ничего общего со сказкой не имеет. Однако поведение его так же таинственно, как бывает в сказках. Жертва его — будь то человек или домашнее животное — не чувствует укуса. Как видно, вампир, перед тем как укусить, летает над своей жертвой, усыпляя, заволакивая ее взмахами своих крыльев. И только когда жертва крепко уснула, вампир присаживается, просверливает на теле ее своим твердым языком круглую дырочку и сосет кровь. Жертва просыпается вся в крови, которая сочится из круглой ранки. Только по этой ранке можно узнать, что ночью прилетал в гости вампир-кровопийца.

Что-то большое, мягкое проносится мимо вашего лица — это огромная ночная бабочка с блестками на крыльях. Размах ее крыльев — до тридцати сантиметров!

Вылетает на охоту и сова — «дочь луны», как называют ее индейцы, потому что видят ее только в светлые ночи, но она летает всегда, только сливается с бархатным мраком сельвы и становится невидимой.

А в короткие сумерки то тут, то там появляются маленькие лесные фонарики; они вспыхивают желто-зеленой искоркой, «предвещающая ночное факельное шествие и звездные лесные балы».

Наши светлячки средних широт бледнеют перед тропически светящимися мухами. Индейцы называют их «кукухо». Светят они сильно, ярко; одна такая муха, словно фонариком, освещает

щает страницу книги. А если собрать несколько мух и посадить их в стеклянную банку, то станет так светло, будто вы зажгли лампу.

Ни одно праздничное шествие, ни один карнавал не обходится без кукухо.

Ими освещают вывески ресторанов, их сажают на ветки деревьев перед входом в дом, красавицы украшают ими свои прически, платья, блузки!

Но кукухо не просто забава, не просто красивое зрелище. Недаром их любят индейцы, жители сельвы. Сколько раз кукухо освещали им путь! А если подвязать их к ногам, то они своим сиянием вспугнут ядовитых змей. Змеи боятся их яркого да к тому же движущегося света и уползают в сторону. А кукухо летают, они горят на деревьях, как звезды.

Индейцы любят и чтут кукухо. Они говорят: «Бери с собой кукухо, но отнеси ее на место, откуда ты взял ее в плен. Не убивай кукухо. Убить ее — это все равно что вынести счастье и благополучие из своего дома!»

Не трогайте и сверчков в вашем доме, скажу я, они тоже вносят уют и счастье своим милым стрекотанием!

Колибри! Если щедрая природа Южной Америки создала многие чудеса красоты, то колибри, несомненно, принадлежат к числу ее самых совершенных шедевров!

А. Фидлер. Рыбы поют в Укаяли

Королевой вод называют самую огромную реку в мире — Амазонку. Начинается она в Андах, где с гор, окутанных туманами, покрытых шапками вечных снегов, сбегает множество ручейков, быстрых, холодных, прозрачных. Они сливаются в большую горную реку, шумную, как Ниагара, и все вместе с грохотом выходят на равнину. Принимая с обеих сторон всё новые притоки, широкая, мощная и уже мутная, она пересекает весь континент и вливается наконец в Атлантический океан. Она полноводна и глубока настолько, что океанские корабли плавают по ней мимо берегов, покрытых лесом, или сельвой, как называют лес индейцы.

«...Пароход огибал один поворот реки за другим, — вспоминает один путешественник по Амазонке, — и перед глазами проплывал все тот же великолепный лес. Яркие птицы мелькают в ветвях, с ветки на ветку перепрыгивают обезьяны, слышится их нервная болтовня. Сто раз в день стаи маленьких попугайчиков с писком пролетают над нашими головами и скрываются за де-

ревьями. Крупные попугаи — зеленые, синие, красные — летают парами; они кричат резко и пронзительно. А иногда над нами появляется цапля эгрет в белоснежном оперении. Она грациозно размахивает крыльями, выбирая место, куда бы опуститься среди низкого кустарника у самого края воды».

Много дикувинок в сельве Амазонки. Царица цветов прекрасная виктория регия (виктория царственная) покрывает некоторые реки, текущие в глубине леса. Листья у нее огромные, плоские, как тарелка, загнутые по краям и такие крепкие, что свободно выдерживают вес человека. А ее цветы — белые, розовые, пурпурные — дивной красоты; волны сильного аромата посылают они далеко вокруг. Путешественник, впервые открывший викторию регию в глубине леса, шел на запах, пока не увидел этот царственный цветок!

Среди деревьев летают огненно-красные стрекозы, удивительные по величине и по красоте бабочки — зеленые, желтые, оранжевые, расписанные причудливыми цветными узорами. Есть бабочки черные, как ночь, есть и бесцветные, с прозрачными крыльшками. В углу этих крылышек как бы небрежно брошены два фиолетовых пятнышка. Только они и видны, когда бабочка летает в сумерках, и кажется, будто выются в воздухе опавшие лепестки какого-то цветка. Перед вечером начинают свою звонкую песню цикады, и в нее вплетается перезвон серебряных колокольчиков — кваканье тропических лягушек. Чудеса!

Но одно из главных чудес красоты в амазонской сельве — это сказочно маленькая, словно игрушечная, птица колибри.

Колибри удивительно мал — чуть больше шмеля. Ни одна птица, даже райская, не сравнится с ним по красоте. В его оперении сочетались все цвета радуги. А хохолки или диадемы на голове, а воротнички вокруг шеи, то как бы отложные гладкие, то пышные кружевные, как жабо!

«Прилежно собирая свою обычную сладкую пищу, преисполненный жизненной энергии колибри похож на живой драгоценный камень, — говорят натуралисты. — Развертывая свое сияющее шейное кружево, он как бы хочет соперничать с самим солнцем!»

Есть ли еще подобное чудо красоты в природе?

Выложенное шелком гнездо колибри величиной не больше половины грецкого ореха; подвешенное на паутинках, оно, наверное, вполне подошло бы андерсеновской Дюймовочке.

В это шелковое гнездышко колибри откладывает свои крохотные яички, всего два, и из каждого выведется новый сказочный эльф, летающая драгоценность!

Но красота этой малютки никак не сочетается с ее характером! Вы, может быть, подумали, что он нежен и кроток, как и подobaет эльфу? Куда там! Колибри задорен, драчлив и дерзки смел! Он вступает в отчаянные поединки, когда хочет покорить сердце своей дамы, крохотной красавицы, такой же, как и он сам. И соперники не складывают оружия до тех пор, пока один из них не победит!

Полет колибри тоже одно из его чудес. Он мчится так стремительно, что человеческий глаз не в силах уследить за ним. Вот колибри повисает над цветком. Он быстро-быстро взмахивает крылышками, острыми и длинными, и они сливаются в два призрачных полукруга, а посредине — темное пятнышко, оно висит на перекрещивающихся черных нитях. Вот все, что видит человек, когда колибри в движении. Но вот пятнышко исчезло. Потом вновь появилось перед цветком. Или перед самым вашим носом — колибри, как ни одна другая птица, близко подлетает к человеку. Через мгновение, «сверкнув смарагдовыми и синими переливами», исчезает, превратившись в едва заметную точку.

Храбрость этого крохотного существа кажется просто непостижимой.

Вот какую картину наблюдал один натуралист: «Над поляной описывал круги большой сокол. В поисках жертвы он опускался все ниже и ниже. Колибри замечают опасность и мгновенно куда-то скрываются. Но не все. Один отважный малыш начинает бой с великаном».

Бой настолько неравный, что, кажется, можно не сомневаться в его исходе. Но не торопитесь. Очаровательная крошка так увертлива, так дерзка, что хищник, один взмах крыла которого может наповал убить малютку, вконец измученный борьбой с ней, покидает поле боя. Победа остается за отважным маленьким рыцарем!

Колибри и цветы неразлучны, это такая же дружба, какая существует между бабочками и цветами, между пчелами и цветами, между всеми теми, кто пьет сладкий нектар цветов и, как бы в благодарность за это, опыляет цветы.

Так же и колибри опыляет цветы. Когда птичка погружается в чашу цветка, ее голова касается пыльника, и пыльца пристает к ней. А потом она переносит пыльцу на другой цветок. Но не думайте, что эта крошка неземной красоты питается лишь нектаром. О нет! Ей на обед нужно нечто более существенное, и она своим длинным трубчатым языком вылавливает из чаши цветка мошек. Недаром ее называют «целующей цветы» или «клюющей цветы»!

Имен у колибри великое множество, и одно поэтичнее другого. Ее называют феей, сильфидой, волоском утренней звезды и еще, и еще, а само слово «колибри» пришло из языка индейцев-карибов, населявших некогда прекрасные благоухающие острова Карибского моря.

Колибри — тропическая птичка. Но ее можно встретить всюду, на обоих материках Америки: и на севере, в Канаде, и на суровом юге, на Огненной Земле, и в кратере потухшего вулкана. Говорят, что ее чешуйчатое красное горловое пятнышко сверкает таким пламенем, что кажется, будто птичка уловила последний отблеск потухающего вулкана.

«...Колибри! Если щедрая природа Южной Америки создала многие чудеса красоты, то эти летающие драгоценности принадлежат к числу самых совершенных ее шедевров!»

В сентябре 1871 года русский корвет «Витязь» стал на якорь в заливе Астролябии на северо-восточном берегу Новой Гвинеи. Молодой ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай ранним утром вышел на палубу полюбоваться великолепным видом. Высокие горы окутаны облаками. Густой лес, переплетенный лианами, подходил к самой воде, и деревья купали в ней свои зеленые ветки. В некоторых местах лес отступал вглубь, оставляя открытой песчаную отмель. С борта корабля Миклухо выбрал место для своей хижины — вон там, на небольшом мыску, у самого моря, где стоят громадные деревья, а внизу, среди них, бежит проворный ручеек.

Еще никто из европейцев не бывал на этом берегу, да и весь огромный остров, второй по величине после Гренландии, более трехсот лет назад открытый мореплавателями, до сих пор оставался землей неведомой, почти не исследованной.

Маклай внимательно вглядывался в береговую полосу. Вдруг из леса вышла группа папуасов. Один из них выдвинулся вперед, положил на берегу кокосовый орех и знаками давал понять, что это — подарок неизвестным пришельцам. После чего вся компания скрылась среди густых деревьев и кустарников.

Полный нетерпения, Маклай решил поскорее высадиться. Он хотел познакомиться со своими будущими соседями. Высокие крыши их хижин виднелись среди деревьев.

Отказавшись от катера с вооруженной охраной и даже от матросов — гребцов на шлюпке, он посадил на весла своих слуг, шведа Ульсона и малайца Боя, и поплыл к берегу.

Едва шлюпка врезалась в песок, как Маклай выскочил из нее и пошел по узкой тропинке среди деревьев, справедливо решив, что она непременно приведет его в деревню. И в самом деле, вскоре он оказался в совершенно пустой опрятной папуасской деревне. По-видимому, жители, наблюдая за ним, увидели, как он приближается, и убежали, а теперь прятались где-то поблизости. Вокруг хорошо утоптанной площадки стояли хижины с высокими крышами из пальмовых листьев; они спускались до самой земли. Окон нигде не было. Побелевшие от времени крыши красиво выделялись на фоне темной зелени леса, окружавшего деревню, с вкрапленными тут и там кустами ярко-красных роз. Да, жители, конечно, только что были здесь, об этом говорил и догорающий костер, и недопитый кокосовый орех, и небрежно брошенное весло. Маклай заглянул в одну из хижин. В ней было темно, но в свете тлеющего среди камней костра можно было рассмотреть высокие нары из бамбука, связки раковин и перьев на стене, а под самой крышей — почерневший от копоти человеческий череп. В лесу раздавались незнакомые голоса каких-то птиц. Было хорошо и спокойно и вместе с тем чуждо, и все казалось скорей сном, чем действительностью.

Легкий шорох... Быстро обернувшись, Маклай рядом с собой увидел появившегося будто из-под земли человека среднего роста, хорошо сложенного, с темной кожей и матово-черными волосами, со сплюснутым носом, большим ртом, почти скрытым усами и бородой. Вся одежда незнакомца состояла из повязки вокруг бедер, а на руках, выше локтя, были широкие браслеты с заткнутыми за ними листьями бетеля и гладко отточенным куском кости.

Папуас, внезапно появившийся, тут же попытался скрыться, но это ему не удалось. Маклай схватил его за руку и привел на площадку, показывая ему кусок красной материи, очень для папуаса привлекательной. Вскоре один за другим вышли из лесу и другие жители деревни, одни мужчины. Маклай подошел к каждому из них, дружелюбно взял за руку и привел на площадку. По-

том сам он уселся среди них на камень и стал раздавать им свои подарки — куски красной материи, гвозди, рыболовные крючки. Все это было папуасам в диковинку, особенно рыболовные крючки: они никогда ничем подобным не пользовались и охотились за рыбой с луком и стрелами. Папуасы тихо переговаривались между собой и держались как-то боязливо, что не вязалось с представлением о них как о страшных, свирепых людоедах.

Когда же гость пожелал уйти, они всей гурьбой пошли провожать его к шлюпке, и каждый нес свои подарки — кокосовые орехи и сахарный тростник.

...Пока матросы строили хижину Маклаю, сам ученый каждый день появлялся на острове. Круг его знакомых расширялся; в его записной книжке даже появилось несколько папуасских слов, но объясняться ему, разумеется, приходилось в основном жестами. Он узнал, что самого первого его знакомого зовут Туем, а жил он в деревне Горенду. Оказывается, у папуасов для всего было свое название, даже крохотный мысок, где строилась хижина Маклая, носил название «Гарагаси».

Папуасы были народом сообразительным. Немного времени им понадобилось, чтобы разгадать, для кого строится хижина и что, как только постройка будет закончена, корвет уйдет. И Туй, первый знакомый Маклая, выразительно жестикулируя, дал понять ученому, что, как только он останется на острове один со своими слугами, им придется плохо: всех их убьют и хижину разграбят.

Маклай и виду не подал, что все понял, однако на корабле за обедом в кают-компании рассказал о предупреждении папуаса. Офицеры заволновались не на шутку, но Маклай спокойно сказал, что он укажет им место, куда зароет в железном цилиндре свои материалы, если и в самом деле произойдет беда.

...Поразительным было мужество этого человека, на вид такого хрупкого. У него было тонкое лицо, обрамленное бородой, густая шевелюра волос, зачесанных назад с высокого прекрасного лба, и удивительные глаза — умные, пронизательные. Он был еще очень молод, ему едва минуло двадцать пять лет, когда он высадился на Новой Гвинее, а его можно было считать уже опытным путешественником, причем в местах, опасных для жизни, на Красном море среди религиозных фанатиков.

Новая Гвинея была почти неизвестной страной. Колонизаторы с вожделием поглядывали на богатый остров, а высаживаться боялись; даже бывалые моряки называли его «дьявольской землей», о которой у них имеются «ужасающие сведения».

Маклаю соблазнительно было первым познакомиться с папуасскими племенами, которые еще не подвергались постороннему влиянию, вернуться как бы в каменный век и взглянуть на него собственными глазами, попробовать, что называется, «на ощупь», не по книгам и археологическим находкам.

Разумеется, он понимал, что экспедиция его опасна, но стоило рискнуть...

...27 сентября 1871 года корвет развел пары. Последние слова благодарности... Последние пожатия рук... Путешественник вместе с малайцем Боем и шведом Ульсоном покинул корабль.

С берега было видно, как матросы выбирают якорь... Маклай приказал Ульсону салютовать уходящему кораблю флагом, который развевался над его хижиной.

Папуасы тоже пристально наблюдали за уплывающим кораблем. Наверное, они этому радовались, иначе зачем бы им было устраивать дикие танцы?.. Но вот они случайно заметили, что на хижине Маклая развевается флаг. Это их почему-то поразило.

Папуасы мгновенно приостановили дикую пляску, потом прокричали что-то по адресу Маклая и скрылись в лесу. Вскоре появился Туй. Он уже не казался таким добродушным, как раньше. Полный подозрительности, он стал осматриваться, шагнул к дверям хижины. Но Маклай остановил его властным жестом и словом «табу». Туй не посмел ослушаться. Он только спросил, вернется ли корвет. Маклай утвердительно кивнул головой.

На смену Туе явились папуасы из другой деревни, вооруженные луками и стрелами. Не без опаски ученый думал: что-то они собираются делать? Оказалось, что намерения у них пока самые мирные: они принесли подарки, тростник и кокосовые орехи. В ответ получили от Маклая кое-какие привлекательные мелочи и спокойно удалились.

И вот спустилась ночь, первая ночь на незнакомом берегу, полная опасностей и неожиданностей. Маклай при всем своем бесстрашии был разумно предусмотрителен. Он установил дежурства на всю ночь и первым стал дежурить сам.

Ночь была полна звуков: трещали цикады, кричали какие-то незнакомые птицы, в общем хоре различались голоса лягушек и еще каких-то неведомых обитателей леса. Но людских голосов он не слышал.

Первая ночь прошла совершенно спокойно. За ней два или три раза продолжались дежурства, а потом Маклай убедился, что занятие это бесцельно, ночью на них никто не собирался покушаться, и отменил вахты.

Жизнь потекла ровно и спокойно. На первых страницах новогвинейского дневника Маклая появились строчки: «Думать и стараться понять окружающее — отныне моя цель. Чего мне больше? Море с коралловыми рифами с одной стороны и лес с тропической растительностью — с другой. Оба полны жизни, разнообразия; вдали горы с причудливыми очертаниями, над горами клубятся облака не менее фантастических форм. Я был доволен, что добрался до цели или, вернее, до первой ступени длиннейшей лестницы, которая должна привести меня к цели». Маклай любил одиночество и наслаждался здесь восхитительной тишиной. Он подолгу бродил по лесу, делал ежедневно, в разное время суток, метеорологические наблюдения. Вокруг было все ново и все полно интереса. Он увидел впервые громадного черного какаду с размахом крыльев в метр. Эта птица живет только на Новой Гвинее. Однажды утром он обнаружил всюду — на террасе, на столе, на перилах — грибы странной формы. Ученый ловил морских животных и рассматривал их под микроскопом. Но когда появлялись папуасы, Маклай бросал свою работу ботаника и зоолога и спешил гостям навстречу.

В один прекрасный день Маклай решил, что настала пора нанести визит в знакомую деревню Горенду. Как теперь его встретят папуасы? Некоторое время он размышлял, не взять ли с собой револьвер, но быстро отбросил эту мысль. Он приехал сюда для того, чтобы поближе познакомиться с папуасами, чтобы они не дичились его, верили ему, считали другом, а револьвер мало способствовал дружбе. Идти безоружному, разумеется, рискованно, однако если человек взялся за дело, то он должен делать его без колебаний и сомнений. Иначе какой смысл был приезжать сюда? И, вооружившись лишь записной книжкой и карандашом, Маклай отправился в путь.

Случилось так, что извилистые тропинки привели Маклая не в Горенду, а в другую, незнакомую деревню. Появление его вы-

звало страшный переполох. Женщины визжали, кричали, метались, стараясь спрятаться от незваного гостя. Мужчины были настроены враждебно. Кто-то угрожающе поднял копье. Мимо Маклая в опасной близости пролетели две стрелы. Встревоженные лица папуасов, казалось, говорили: «Зачем пришел этот человек? Зачем он нарушает нашу жизнь?» И Маклаю стало как-то неловко: в самом деле, зачем он пришел стеснять их?

Слух о появлении белого распространился с быстротой молнии. Из других деревень стали подходить вооруженные люди. Они окружили Маклая. Один из них даже замахнулся на него копьем. Маклай стоял в кругу враждебных людей и думал — как поступить далее? Лучше всего, конечно, уйти, но... внезапно он почувствовал страшную усталость, ему захотелось спать. Маклай сделал движение, чтобы выйти из круга. Папуасы молча расступились перед ним. Настороженно, с удивлением смотрели, как этот странный белый берет циновку, тащит ее в тень, развязывает шнурки на ботинках и укладывается с явным намерением спать. А ученый в это время думал: «Сопротивляться им я не могу, а если они решат убить меня, то не все ли равно, как умереть — сидя или стоя, спящим или бодрствующим?» И с этими мыслями — что самое удивительное! — Маклай уснул.

Когда он открыл глаза, он увидел, что вокруг него сидят папуасы и о чем-то тихо переговариваются. Солнце подсказало ему, что проспал он часа два. Никто из папуасов не шевельнулся, когда Маклай встал, завязал ботинки, кивком головы попрощался со всеми и ушел домой...

В следующий раз Маклай попал в уже знакомую ему Горенду. Но и здесь его появление произвело страшный переполох. Опять вопили женщины, прячась в лесу, за ними бежали собаки и злобно визжащие свиньи с поросятами... Маклай неприятно удивился, но не повернул обратно, а сел на высокий помост и стал делать зарисовки в свой альбом. Папуасы, взволнованные его приходом, зорко следили за каждым его движением. Маклай видел, что им не по себе, и потому скоро ушел. Да, нелегко будет преодолеть их недоверие, думал он, шагая по лесу. Впредь он решил, что все же приходиться к ним будет, но, чтобы не создавать суеты и волнений, извещать их заранее о своем появлении свистком; у женщин будет время спрятаться, а папуасы, как видно, заботят-

ся о них с нежностью и вниманием. Маклай был для них загадкой: кто знает, не причинит ли он им зло, и потому следует женщин держать от него подальше. В случае чего они на себя примут первый удар... Это рыцарственное отношение к женам, сестрам, дочерям и удивляло и нравилось Маклаю.

С первых дней пребывания среди папуасов Маклай учился их языку — как иначе общаться с ними? Но учиться без переводчика оказалось делом нелегким. Узнать название какого-либо предмета просто: вы берете в руку нужную вам вещь или указываете на нее, и вам говорят, как она называется. Но что делать с такими словами, как «хорошо», «плохо», «добро», «зло»? То есть то, что называют понятиями отвлеченными? Маклай долго бился, чтобы узнать, как будет по-папуасски «хорошо». И только дней через десять, после немалых усилий и окольными путями, он наконец узнал, как звучит по-папуасски это заколдованное слово.

Между тем давно уже началось дождливое время года. А вместе с дождями пришла и лихорадка. Она свалила сначала самого Маклая, он не отличался крепким здоровьем. Потом слег Ульсон и наконец Бой. Маклай тяжело болел. Руки у него после приступа еще долго тряслись, голова кружилась, но ни на минуту он не забывал о своих обязанностях. Метеорологические наблюдения требовали много движений, а Маклаю, ослабевшему от приступов, это было тяжело.

Непонятно, каким образом он умудрялся не пропускать для измерений ни одного дня, ни часа, хотя в голове все мешалось. А в дневнике, подробном и великолепно написанном, появлялись очень спокойные строчки: «Нового ничего нет. Все по-старому. Утром я зоолог-естествоиспытатель, затем, если люди больны, повар, аптекарь, врач, маляр, портной и даже прачка... Терпеливо учусь папуасскому языку, но все еще понимаю мало...

...Папуасы соседних деревень начинают меньше чуждаться меня... Дело идет на лад: моя политика терпения и ненавязчивости оказалась верной. Не я к ним хожу, а они ко мне, не я их о чем-либо прошу, а они меня, и даже начинают ухаживать за мной. Они делаются все более и более ручными...»

Как-то раз Маклай наблюдал охоту папуасов за рыбой. Они не ловили ее крючками, а стреляли из лука, и делали это с необы-

чайной ловкостью. Особенно нравился Маклаю молодой Бонем. Грациозно балансируя в лодке, он зорко следил за рыбой, держа наготове лук с натянутой тетивой. «Его фигура, — писал Маклай, — была очень красива».

«Удобный у меня характер, — эпически записывает он, и с этим невозможно не согласиться. — Живу и смотрю на все окружающее, точно до меня не касается. Иногда, правда, приходится выходить из этого созерцательного состояния, как, например, в настоящую минуту, когда крыша протекает и на голову падают крупные капли холодного дождя». И тут же Маклай прибавляет кое-какие наблюдения; например, говорит о том, что теперь ему понятно, почему папуасы строят такие высокие, сильно покатые крыши: вода с них скатывается и не попадает внутрь.

Жить неудобно. Готовить приходится на костре и всегда думать о том, как бы он не погас; высекать огонь — дело нелегкое, а спичек у Маклая было мало. И вода не под рукой, и койка ужасная, голова почему-то всегда оказывалась ниже ног, но у Маклая не находилось времени что-нибудь подложить под голову. И люди больны, да и сам еле на ногах держится только усилием воли.

Ко всем неудобствам прибавилась еще и серьезная болезнь Боя. Папуасов она почему-то беспокоила. Как-то раз Туй взволнованно заявил, что Бой скоро умрет, что и Виль (так называли они Ульсона) тоже болен, и Маклай останется один, и придут люди из разных деревень и непременно его убьют. И Туй нараспев печально повторял: «О Маклай! О Маклай!»

А Бой действительно умирал, и Маклай спасти его не мог. И вот печальный день этот настал, а нужно было во что бы то ни стало скрыть от папуасов смерть бедняги Боя. Маклай решил похоронить его в море, ночью, чтобы никто не видел.

Было бы долго рассказывать, как Маклай и Ульсон шли темной тропинкой, спотыкаясь и падая, как дотащились они наконец до шлюпки, а в этот час, как на грех, был отлив и она стояла на мели. Едва удалось с трудом столкнуть ее в воду, едва взяли за весла, как она снова почему-то стала, а в это время из-за соседнего мыска вышли в море на рыбную ловлю папуасские пиро́ги, освещенные факелами. Что, если папуасам придет в голову навестить Маклая? Тогда они увидят шлюпку и нечто длинное на дне ее и... Страшно подумать, что произойдет дальше!

А шлюпка стоит, точно ее кто-то держит. Маклай, несмотря на то что ночью к берегу подплывали акулы, хотел уже сойти в воду, когда заметил, что конец веревки зацепился за что-то. Поспешно ударом ножа Маклай обрезал ее. А пиро́ги все ближе, и огоньки все ярче... Но, к счастью, папуасы, видно, решили идти на охоту, не заходя за Маклаем, и шлюпка постепенно все дальше уходила в море, где ее скрывала темнота.

От огней на пиро́гах ложились длинные столбы света на спокойную поверхность моря. При каждом взмахе весла вода светилась тысячей искр... Фантастическая картина — свечение тропических вод. И Маклай, забыв об опасности, которой они еще не избежали, уже думает о том, что следовало бы захватить с собой посуду и под микроскопом рассмотреть этих крохотных светящихся животных. Да, странно устроен человек: как одни чувства быстро сменяются другими...

Пиро́ги всё удалялись... Маклай и Ульсон опустили в море Боя. Совершив этот печальный обряд, они глубокой ночью возвратились домой...

А наутро явился Ту́й с другими папуасами и тотчас же заговорил о Бое. Маклай, чтобы отвлечь мысли своих гостей от этой опасной темы, а кстати произвести опыт над их впечатлительностью, налил немного спирту на блюдце и зажег его. Папуасы, не сомневаясь, что в блюдце вода, так перепугались, увидев пламя, что сначала остолбенели, а потом опрометью кинулись прочь, умоляя Маклая «не зажигать море».

Вспоминая опыт со спиртом, папуасы уверовали, что Маклай — человек необыкновенный, и, право же, они были недалеко от истины. Все чаще появлялись они в хижине Маклая, особенно после того, как одного из них Маклай вылечил, промыв рану и перевязав ее чистым бинтом. Папуасы приходили из ближних и дальних деревень, спускались с гор, приплывали на пиро́гах с ближних островков — Били-Били и Кар-Кара. Маклай многим помогал, особенно внимателен он был к малышам, а Ту́я спас от смерти. Случилось, что на беднягу Ту́я свалилось дерево и сильно поранило ему голову. Маклай усиленно лечил его, каждый день ходил в деревню, делал Ту́ю перевязки. И с тех пор женщины перестали прятаться от него, и началась уже крепкая, верная дружба с жителями Горенду, а потом и с другими деревнями. Папуасы перестали относиться к нему как

к чужому, приглашали на свои празднества, знакомили с различными обычаями. Маклай был первым европейцем, который видел жизнь этих людей каменного века без искажений и прикрас.

И все же, несмотря на полное доверие, Маклаю не всегда легко было измерять рост людей, объем черепа и делать другие измерения, которые давали картину особенностей той или иной расы. Но папуасы не понимали, зачем нужно Маклаю знать, кто какого роста, и так видно, кто повыше, а кто пониже. А волосы? К чему понадобилось собирать пряди разных людей? Даже Туй, самый близкий друг Маклая, в испуге отскочил от ученого, когда тот попытался поднести ножницы к его голове.

Но Маклай нашел выход: он стал в обмен, как бы на память, отрезать свои собственные пряди и в конце концов выстриг себе одну половину головы, даже не заметив этого.

Между тем шел уже 1872 год. Всё новые и новые записи появляются в дневнике Маклая, и чаще, чем хотелось бы, короткие сообщения о лихорадке.

«...У меня начинается приступ... Только крепко подпирая голову левой рукой, я в состоянии писать...

...Не туземцы, не тропическая жара, не густые заросли леса — стража берегов Новой Гвинеи. Могущественная защита туземного населения против вторжения иноземцев — это бледная, холодная, дрожащая, а затем сжигающая лихорадка...

...Холодные бурные ночи, равно как дивные вечера, не мешают ей (лихорадке. — *М. Г.*) атаковать беспечно; но даже самому предусмотрительному лишь в редких случаях удается ее избежать. Ноги словно наполняются свинцом... мысли прерываются головокружением, холодная дрожь проходит по всем его членам... веки бесильно смыкаются. Образы, иногда чудовищные, иногда печальные и медленные, появляются перед его закрытыми глазами».

Иногда Маклай ослабевал настолько, что в его дневнике подряд в течение нескольких дней появляется лишь одно страшное слово: л и х о р а д к а...

...А на другом конце света, в России, в июле 1872 года появилась краткая заметка в газете «Кронштадтский вестник», сообщавшая, что отважный исследователь диких папуасских племен

Н.Н. Миклухо-Маклай погиб... Причина гибели неизвестна. Возможно, он убит и съеден дикарями, а возможно, умер от злокачественной лихорадки.

Весть эта распространилась по всему миру. Географическое общество хлопотало перед правительством о посылке в залив Астролябии какого-либо судна на розыски ученого.

В те времена вести ходили медленно, а корабли двигались с еще меньшей скоростью. И потому лишь в декабре 1872 года клипер «Изумруд» из Тихоокеанской эскадры пошел на розыски Миклухо-Маклая. С корвета «Витязь» был специально переведен на «Изумруд» один из офицеров, лейтенант Ракович, который знал, где должны быть зарыты документы ученого.

И вот клипер приблизился к заливу Астролябии... Вот он стал в виду мыска Гарагаси, где была хижина ученого. С борта корабля увидели развевающийся над хижинной флаг. Странно... Кто же поднял его, если сам ученый погиб? Офицеры с волнением смотрели на берег, ожидая чего-то необыкновенного. Вскоре от мыска отвалила пирóга с папуасами. В середине сидел кто-то не похожий на папуаса. Возможно, швед Ульсон? Офицеры не отрывались от биноклей. И вдруг Ракович взволнованно воскликнул:

— Господа, да ведь это сам Маклай! Клянусь, я узнал его! Значит, он жив. Какая радость!

— Вы уверены? — спросил командир клипера Михаил Николаевич Кумани.

— Абсолютно! Михаил Николаевич, ручаюсь, это он, он! Ура!

И тут загрелась команда «всех наверх», и матросы рассыпались по реям, и по воде далеко раскатилось мощное троекратное «ура».

Маклай, ошеломленный шумом и множеством людей, медленно поднимался по трапу. Он был одет в платье, превратившееся едва ли не в лохмотья, в дырявые башмаки и с кинжалом за поясом! Ну прямо-таки настоящий Робинзон. О чем и сказал лейтенант Ракович, радостно пожимая ему руку.

Михаил Николаевич Кумани предложил ученому немедленно перебраться на корабль.

— О ваших вещах, о коллекциях позаботятся наши молодые офицеры, — сказал он, усаживая Маклая в кают-компанию. — У вас нездоровый вид, и вам необходимо отдохнуть. Я рад, что поспел вовремя, пока вы совсем не свалились.

К его величайшему удивлению, Маклай заявил, что он вовсе не собирается покидать берег, у него тут много дел. Вот, правда, одежда его поистрепалась, а главное, обувь, но в остальном все идет прекрасно.

— Скажите, Михаил Николаевич, как долго продлится ваша стоянка? — спросил Маклай.

— Как можно меньше. Вы знаете, на «Витязе» в тот раз несколько матросов подхватили лихорадку, и я боюсь за своих людей.

— Н-да... — задумчиво произнес Маклай. — Тогда это меняет положение дел. Мне не успеть составить отчет и обработать свои записки. Придется идти с вами, — со вздохом заключил он.

— Ну, не надо так расстраиваться по этому поводу, — засмеялся Кумани, — а то мы можем и обидеться!

— Нет, нет, ради бога, Михаил Николаевич! — всполошился деликатный Маклай. — Дело, видите ли, в том, что мне еще очень много надо сделать...

— Но вы вернетесь сюда в самом скором времени, — сказал Кумани. — Насколько мне известно, одно голландское судно собирается с ученой целью в плавание вокруг Новой Гвинеи, моряки охотно возьмут вас с собой, а пока вы сможете немножко оправиться. Право же, морская прогулка вам сейчас будет очень кстати.

Маклай нашел, что это удачный выход из положения. Он попросил немедленно взять на корабль больного Ульсона, с удовольствием пообедал в кругу соотечественников и к вечеру направился на берег в свою хижину, чтобы сложить вещи.

...Упаковывая коллекции и записки, Маклай думал о том, как много предстоит ему сделать и как досадно прерывать работу именно сейчас, когда обстоятельства так удачно складываются. Самое трудное позади. Папуасы привыкли к нему. И он стал перебирать в памяти многочисленные события этого времени. Он вспомнил, как папуасы трогательно относятся к детям, и один смешной эпизод возник в его памяти. Как-то раз в первые месяцы жизни на Новой Гвинее папуасы, которые пришли к нему вместе с маленьким папуасенком, с восторгом рассматривали острые ножи. Маклай шутя предложил им взять ножи, а ему отдать взамен маленького мальчишка. Разумеется, он и не собирался брать папуасенка, просто ему было интересно, как к этому отнесутся взрослые. Папуасы перепугались не на шутку. Они шепнули несколько слов на ухо малышу, и тот пустился бежать прочь со всех ног.

Папуасы сметливы, они быстро схватывают все, чему учит их Маклай, отлично чертят географические карты, изобретают различные орудия труда, которые помогают им возделывать поля, строить дома, ухаживать за посевами; у них золотые руки, они умеют так обрабатывать обыкновенные ракушки, что превращают их в ювелирные изделия.

Маклай боялся одного: придут грубые белые колонизаторы, а их интересуют только деньги. Деньги можно заработать на этом богатом острове, но спокойная, привольная жизнь папуасов кончится, и это будет ужасно! Может быть, именно в эту ночь перед Маклаем возникла идея о колонии на Новой Гвинее особого типа, вместе с белыми, основанная на равенстве и справедливости. Белые должны передавать свой опыт, учить папуасов, способных легко воспринимать культуру, но лишь тогда, когда она преподносится не с палкой в руке, а с бумагой и карандашом, когда она продиктована уважением и любовью, а не грубостью и бесцеремонностью.

Размышления Маклая были прерваны появлением целой толпы папуасов с горящими факелами.

На фоне темной тропической ночи это было фантастическое зрелище. Папуасы пришли к нему с неожиданной просьбой.

— Маклай, — сказали они, — не уходи от нас, оставайся с нами навсегда. Мы построим тебе хижины, несколько, в каждой деревне, мы дадим тебе в жены девушку, какую ты пожелаешь, только не покидай нас!

Сдержанный, немногословный Маклай был искренне растроган. Он покачал головой.

— Нет, сейчас это невозможно, — сказал он, — я должен еще кое-что сделать, а потом вернуться к вам. Это я вам обещаю.

— Слово Маклая — одно, — со вздохом сказал Туй. — Раз Маклай говорит, что должен идти, не будем ему мешать. Он вернется. Но жаль, что сейчас он уходит...

— Я вернусь, — еще раз подтвердил Маклай. — Ждите меня. И если кто-нибудь из белых придет к вам, не пускайте его в мою хижину и будьте с ним осторожны, пока он не скажет, что приехал к вам от меня.

...Утром началась суeta. Шлюпки ходили взад и вперед, переправляя вещи Маклая. Ульсон еще со вчерашнего вечера лежал

в госпитале на клипере. По приказанию Кумани на одном из громадных деревьев около хижины Маклая была прибита медная доска с надписью латинскими буквами:

«Витязь». Сент. 1871 г.
МИКЛУХО-МАКЛАЙ
«Изумруд». Дек. 1872 г.

В час отплытия папуасские пироги кружили вокруг клипера. Папуасы что-то кричали Маклаю, но в шуме ничего нельзя было разобрать, и ученый, стоя на палубе, только приветственно махал рукой. Выбрали якорь. Клипер медленно поплыл вдоль берега, который получил название «Берег Маклая» и с тех пор так значится на всех картах. Отовсюду доносились торжественные мерные удары барума. Это папуасы отдавали прощальный салют своему белому другу.

Маклай действительно не раз возвращался на свой Берег, и каждый раз его встречали со слезами радости. Он много лет провел на островах Меланезии в Тихом океане, продолжая исследования, и рано умер — сорока двух лет, истощенный лишениями и лихорадкой.

Но память об этом удивительном человеке до сих пор жива на Новой Гвинее, хотя с тех пор прошло более ста лет. Его имя носят многие мальчишки сегодня; места, где стояли его хижины, огорожены, за ними следят, чтобы буйный тропический лес не наступал на священные площадки, по которым ходил некогда Маклай. Шелестят на ветру кокосовые пальмы, посаженные самим ученым. Память о нем благословляют. Он первый дал папуасам железный топор, и хотя сегодня папуасы зажигают сигареты зажигалками, варят бананы в алюминиевых кастрюлях, но, по существу, мало что изменилось здесь за эти годы.

Остров Новая Гвинея до сих пор еще недостаточно исследован, хотя над ним летают новейшие лайнеры и у его берегов становятся на якорь роскошные туристские теплоходы; туристы живут в сверхсовременных отелях, которые странно выглядят на этом острове, где люди живут почти первобытной жизнью, и густые тропические леса все так же непроходимы, и среди деревьев виднеются высокие покатые крыши хижин папуасов. Не-

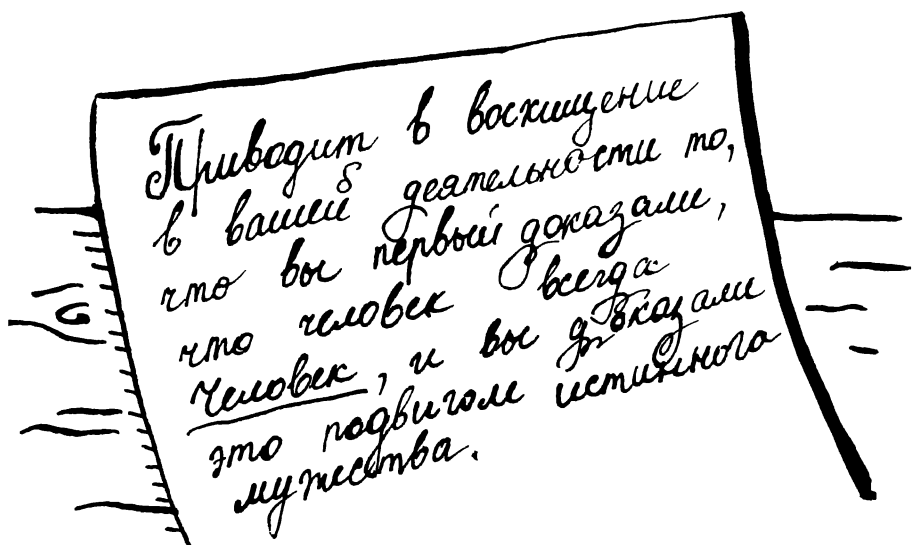
мало исследователей погибло в дебрях острова. О, это не так просто — работать среди папуасов, внушить им любовь и доверие, как Миклухо-Маклай. Он не побоялся остаться один среди первобытных людей, не побоялся их угроз. Он всем своим видом, каждым жестом и словом говорил: «Вот я один перед вами, в вашей воле, но вы не можете причинить мне зло, ибо я пришел к вам с добром».

Встретились два века: один мы называем девятнадцатым, у другого нет порядкового номера, о нем просто говорят — доисторический. На острове жили первобытные люди, а к ним пришел цивилизованный в самом высоком смысле этого слова европеец. Встретились люди разных исторических эпох. Как могли они понять друг друга?

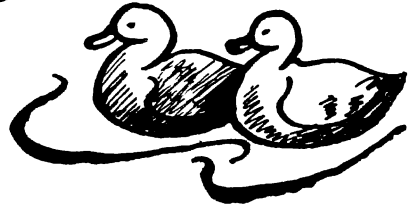
Да, могли. Потому что они были людьми. Маклай был настоящим человеком, чего, право, нельзя было сказать о некоторых его современниках в цивилизованных странах. А человек человека поймет всегда.

Недаром же Лев Толстой понял самое главное в подвиге Маклая и высказал это в своем письме к ученому:

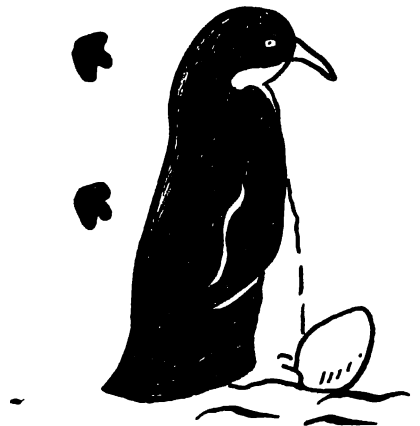
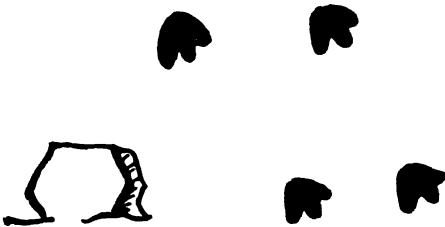
«Приводит в восхищение в вашей деятельности то, что вы первый доказали, что человек всегда человек, и вы доказали это подвигом истинного мужества».

Приводит в восхищение
в вашей деятельности то,
что вы первый доказали,
что человек всегда
человек, и вы доказали
это подвигом истинного
мужества.

СНОВА МОРОЗ!

Арктика и Антарктика — двоюродные сестры, они и схожи между собой, и во многом различны. Начать хотя бы с того, что лежат они в противоположных концах света: Арктика — в Северном полушарии, Антарктика — в Южном.

Поэтому когда в Арктике зима, полярная ночь, в Антарктике лето и полярный день. И наоборот.

Поэтому в Арктике свое небо, свои звезды и созвездия. Полярная звезда стоит над полюсом. А в Антарктике другое небо, другие звезды — созвездие Южного Креста, самое примечательное, а над Южным полюсом стоит туманность Магеллановы Облака...

Центральная Арктика — океан, окруженный со всех сторон сушей.

Центральная Антарктика — суша, материк Антарктида, окруженный со всех сторон водой. Волны трех океанов омывают его: Атлантического, Тихого, Индийского.

В высоких широтах — и в Арктике, и в Антарктике — всюду холодно, на то они и высокие широты. Только не думайте, что на крайнем юге теплее, чем у нас в Арктике. Как раз наоборот. Здесь стоят такие морозы, каких не знает Северный полюс.

Антарктида — это почти четырнадцать миллионов квадратных километров безжизненной белой пустыни. Туда и зверь не забе-

жит, и птица не залетит, разве когда-нибудь случайно, при особых обстоятельствах, и тут же поворачивает обратно. Лед и снег. Лишь кое-где в глубине материка видны незаснеженные горы, случается встретить мхи да лишайник, а в водоемах странных озер — простейшие водоросли.

Человек все же забрел в самый центр материка — конечно, не для того, чтобы там поселиться, это невозможно, но он хочет разгадать тайны ледяной Антарктиды и во многом преуспел, как бы дорого ему это ни обходилось. В глубине материка стоят чудовищные морозы, градусов восемьдесят, а то и больше. Да еще при постоянном ветре. Вдохнуть такой воздух — верная смерть! Поэтому у южных полярников есть особые маски, без них нельзя выходить из домиков.

В Арктике такие маски не нужны...

Нет страны более холодной, более пустынной, более странной, чем Антарктида. Недаром путешественники сравнивают ее своеобразный пейзаж с лунным.

На пустынных островах арктических морей, где есть научные станции, для выработки электрической энергии ставят ветряки. Такие ветряки были и на «Фраме», помните?

Попробуйте поставить ветряк в Антарктиде — да его тут же снесет, изломает, искалечит первый же ураган. Случается, даже тяжелые самолеты, стоящие на приколе, опрокидывает сильный ветер.

А вот в прибрежных водах отлично себя чувствуют морские львы и леопарды, огромные киты; весной на берегу устраивают свои птичьи базары поморник, серебристо-белый буревестник, а в небе над морем парит, распластав огромные двухметровые крылья, странствующий альбатрос. И конечно же, ковыляют странные птицы, которые не летают, а плавают, как рыбы, самые древние обитатели этого неуютного края — пингвины.

У нас, в Северном полушарии, за Полярным кругом издавна были селения, по тундре бродили кочевники-оленоводы — саами, ненцы, чукчи...

В Антарктике никогда никто не жил. Лишь далеко к северу от Южного полярного круга, примерно на широте Финляндии, лежит последний обитаемый архипелаг — Огненная Земля. А южной расстилаются лишь пустынное море и пустынные земли.

Люди отправляются в дальние неведомые страны по разным причинам: одних побуждает любовь к приключениям, других — неутомимая жажда научного познания, третьих, наконец, увлекают манящие голоса Эльфов, таинственность и очарование неизвестного.

Э. Шекльтон. В сердце Антарктиды

В глубокой древности ходила легенда о каком-то большом материке на далеком юге. Родилась она еще в Древней Греции, когда человек знал лишь небольшую часть земного шара. Стариннейшие карты показывают — да так, что и не поймешь, где что находится, — часть Европы, часть Азии, часть Африки. Все это — суша. А вокруг — океан. И ученые решили, что при таком распределении суши Земля непременно перевернулась бы вверх тормашками, если бы где-то на юге, за горами, за морями, не лежал большой материк. Для равновесия.

Ученые древности считали, что Южную Землю отгораживает от всего мира ужасающая, испепеляющая жара.

Но вот карта Земли стала приобретать знакомые нам с вами очертания. Люди путешествовали и узнавали много удивительных вещей. Они открыли морской торговый путь из Европы в Ин-

дию, миновали экватор, а никакой невероятной жары там не оказалось. Чем южнее плыли, тем, напротив, становилось холодней. И жизнь там есть, особенно много китов. Сюда приходили китобойные корабли.

В поисках Южного материка исследователи пытались проникнуть далеко к югу. Но долго никто не видал загадочной земли.

И вот настало время, когда в суровых водах Антарктики появились два русских корабля — «Восток» и «Мирный». Капитаны их, Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев, не были китобоями. Их влекла в неприступные воды Антарктики «неутолимая жажда научного познания». День за днем продвигались они все южнее и южнее, их встречали непроходимые льды, где-то в тумане, словно призраки, бесшумно двигались огромные айсберги. Корабли несколько раз пересекали Южный полярный круг, айсберги не раз оказывались возле кораблей; того и гляди ледяная громада обрушится на них. Но искусные моряки умели обходить смертельные препятствия так, что ни одно судно, ни один человек не пострадали в этих опасных южных широтах. Плавание Беллинсгаузена и Лазарева вошло в историю замечательных открытий: они в 1820 году первые увидели берега Антарктиды, а в следующем открыли остров Петра I и Землю Александра I. Ошеломленные последним открытием Земли Александра I, они взволнованно рассказывали, как ясно видели лед, снег, осыпи скал, уходящие далеко-далеко к югу.

Сомнений не оставалось: загадочный материк был открыт!

Вот к берегам Антарктиды направился суровый моряк, английский капитан Джон Биско, промышленник. Он шел на корабле «Тула» в сопровождении малыша-катера «Лайвли». Прямой обязанностью капитана Биско были поиски мест для охоты на китов. Но ему казалось этого мало. Несмотря на ураганные ветры, льды и айсберги, он в начале 1831 года пересек Южный полярный круг, и, как бы в награду за отвагу, его взору представились темные вершины гор. Вновь открытый берег он назвал именем хозяев своей фирмы — Землей Эндерби.

Осень прогнала капитана Джона Биско со всей его храбростью и упорством из вод Южного полушария в теплые края.

Но лишь миновала зима, он вернулся снова, и снова его смелость и упорство были вознаграждены: к северо-востоку от Земли Александра капитан увидел мыс... Правда, к этому времени на его корабле только трое моряков стояли на ногах, «да и то с неохотой». Цинга!

А малыш «Лайвли» сначала исчез в тумане, потом снова вынырнул, и на борту у него осталось в живых тоже только трое моряков.

Вот какой ценой был открыт полуостров Антарктиды — Земля Грейама, — и несколько островов...

...Француз Дюмон-Дюрвиль, бывалый, опытный моряк, был уже немолод, когда собирался совершить еще одно славное плавание, и не к Антильским островам, не в лазурную Адриатику, а в мрачную Антарктиду, в царство льда и снега.

«Ну, этот старик нас далеко не завезет», — сказал один молодой матрос. Ох, как ему пришлось пожалеть об этих словах! Старик Дюмон-Дюрвиль сделал не одно открытие в Антарктике, и среди них — «полюс ветров», Землю Адели.

...Был такой капитан по имени Чарльз Уилкс. Некоторые исследователи считали его человеком легкомысленным. Кто знает, может, так оно и было. Может, именно вследствие известной доли легкомыслия он и отважился стать во главе старенькой, потрепанной эскадры корабликов, почти лишенных снаряжения. И на этих «пугалах», как смеясь говорили моряки, он отправился в Антарктику, где и на самых крепких, хорошо оснащенных кораблях не чувствуешь себя в безопасности. Но легкомысленный Уилкс совершал на своих «пугалах» истинные чудеса храбрости и оставил на карте Антарктики свое имя.

Невозможно перечислить всех, кто плывал в водах Антарктики и делал открытия в прибрежной части нового материка.

Но Джемса Росса, потомственного морехода, нельзя не упомянуть. Именно он «прорубил двери в самое сердце Антарктиды». И на карте его имя, овеянное славой, сразу бросается в глаза: Великий ледяной барьер Росса, море Росса, остров Росса.

31 декабря 1840 года летняя пора Антарктики застала Росса среди паковых льдов — так называется многолетний плавучий лед.

Джемс Росс шел по разводьям к югу и вдруг неожиданно льды окончились, открылась чистая вода, а вдали показался берег и горы.

Моряки были так взволнованы, что не могли уснуть.

Плывя вдоль Земли Виктории — так моряки называли берег, они увидели два вулкана-близнеца. Их назвали Эребусом и Террором, по имени кораблей Росса. Над Эребусом курился дымок: значит, вулкан действовал...

Джемс Росс стремился дальше к югу, но тут ему преградил дорогу гигантский ледник, голубой отвесной стеной обрывающийся в море; это и был Великий барьер Росса.

Южнее морякам так и не удалось пройти ни в этом, ни в следующем году. Корабли Росса терпели бедствия. Бушевали бури; спокойные и безразличные к судьбам людей, плыли громадные айсберги.

Снова миновали годы. Ученые сомневались, материк ли это? Может, просто архипелаг островов, крепко спаянных толстым слоем льда? Так, между прочим, предполагал Нансен. Нужно было ступить наконец на эту загадочную землю и начать ее исследовать, стоя на ней, а не глядя на нее с моря.

И вот однажды в южных водах появилось промысловое судно «Антарктик» с норвежским капитаном Ларсом Кристенсеном на борту.

В его экипаже был не совсем обычный матрос по имени Кристен Борхгревинк.

Он был хорошо образован, но в области, которая не имела ни малейшего отношения к Антарктиде: он окончил лесоводческую академию. Однако муза дальних странствий звала его туда, где не было ни единого дерева.

Судно шло морем Росса, где-то вдали лежал берег, и матрос Борхгревинк попросил капитана подойти к нему на шлюпке.

Охваченный любопытством, капитан Кристенсен не заставил себя долго просить. И вот что вспоминает сам Борхгревинк: «Трудно сказать, кто первым ступил на землю. Охваченный юношеским пылом, я спрыгнул с лодки прежде, чем киль коснулся льда, и мне пришлось добираться до берега вброд.

Капитан Кристенсен перепрыгнул через форштевень, когда лодка была уже у берега, прямо на землю, не замочив ног. Так или иначе, земля была у нас обоих под ногами. Путь, выбранный ка-

питаном Кристенсеном, был, по-моему, более разумным и, во всяком случае, более сухим». Это произошло в январе 1895 года.

Маленькая экспедиция оставалась на берегу всего несколько часов.

Разумеется, много за это время сделать нельзя. Но Борхгревинк успел все же собрать некоторые образцы камней, да и то лишь потому, что «кто-то позаботился захватить с собой молоток», и установил, что здесь есть лишайники, а в море плавают медузы.

Впоследствии Борхгревинк добился специальной экспедиции в Антарктиду. В 1899 году впервые девять отважных людей остались зимовать на материке, похожем на Луну. Молодой норвежец прошел вглубь всего на 75 километров, но это были первые 75 километров. Значит, все же на Антарктиде можно зимовать, можно работать... Но ох как тяжело! Одного товарища экспедиция оставила здесь навсегда... Это была первая жертва Антарктиды.

Началось изучение самого материка, куда так долго и с таким трудом прокладывали путь моряки разных стран, кого привлекает «неутолимая жажда научного познания», «таинственность и очарование неизвестного».

Он стоит передо мной, крепкий и мускулистый. Я вижу его интеллигентное, красивое лицо, этот серьезный пристальный взгляд, эти плотно сжатые губы, придававшие ему решительное выражение, что не мешало Скотту часто улыбаться. В наружности его отражался мягкий благородный характер и в то же время серьезность и склонность к юмору.

Фритьоф Хансен

Облака рассеялись, ярко светило солнце, и перед морьяками «Терра-Нова», похожего на библейский ковчег, открывался великолепный вид. Льды сверкали на солнце. Вдалеке возвышалась гора Дискавери. С удовольствием смотрел Роберт Скотт на ее знакомые очертания, на Западные горы, одинокие в своем величии.

Корабль миновал мыс Крозье. Там всегда много пингвинов. Вот и сейчас сидит на ледяной глыбе старый пингвин-император. Рядом с ним — юный император, меняющий пух на императорскую мантию: черную с белым. Скоро он покроется перьями и уплывет к северу.

Больше восьми лет назад, в 1902 году, как раз здесь, мимо берегов Антарктиды, шел корабль «Дискавери», экспедиционное

судно Роберта Скотта. Это была его первая экспедиция к Южному полюсу. Он прошел тогда пешком с товарищами в глубь материка. Дорога была ужасная: то налетала пурга, то загораживали путь дикие горы и приходилось искать обход, то под ногами разверзалась бездна, едва припорошенная снегом. Люди смертельно устали, кончались съестные припасы, и на полпути к полюсу пришлось повернуть обратно.

Через несколько лет после Скотта отправилась вторая экспедиция, во главе с Эрнстом Шекльтоном, товарищем по первому путешествию Скотта. Отважный, смелый Эрнст Шекльтон тоже принужден был вернуться, не дойдя всего 179 километров до полюса.

И теперь снова Роберт Скотт у берегов Антарктиды, этого странного, будто заколдованного материка. Природа его капризна, непостоянна. На этот раз на редкость тяжелым оказалось плавание от Новой Зеландии. Сильнейшие штормы играли его перегруженным кораблем, как игрушкой, льды обступали со всех сторон. Хорошо, что это уже позади... Сейчас надо выбрать подходящее место для будущей базы. И не терять зря времени. Летние месяцы Южного полушария — декабрь, январь, февраль — время санных экскурсий. Нужно устроить стоянки по пути к полюсу со снаряжением и продовольствием для будущего года, когда Скотт выйдет в свое второе путешествие к полюсу.

Снаряжение... Скотт глубоко задумался. Роберт Пири шел на собаках. Но возможно ли это для Скотта? Он и не довезет их сюда, на другой конец земли. Несколько собачьих упряжек он взял, но основной транспорт — это выносливые, сильные маньчжурские лошадки.

На пробу, для опыта, он захватил с собой моторные гусеничные сани. Техническая новинка. Они отлично шли в Норвегии, в Альпах Новой Зеландии, однако не угадаешь, как они себя поведут в Антарктиде.

Скотту предлагали и самолеты, но он их не взял и хорошо сделал. В те времена они еще не годились для жестокого неба Антарктиды.

Мысли Скотта по какой-то неуловимой связи перескочили на покинутую Англию. Он вспомнил, как перед отъездом ему захотелось взглянуть на милый старый дом своего детства. С тех пор

как умер отец, дом этот был сдан в аренду, там жили чужие люди. Но Скотту захотелось повидать хорошо знакомые ему места. С ними связаны такие сладкие воспоминания...

Посетил он также своего старого почтенного друга — Клемен-та Маркхэма, бывшего председателя Королевского Географического общества, ныне в отставке. Маркхэм, занимая кресло председателя, много помогал ему в тот первый раз. Как он выколачивал деньги для экспедиции! Теперь Скотту самому пришлось пустить «шапку по кругу». Ему не удалось собрать нужную сумму. Он отдал свое состояние и покинул цивилизованный мир с большими долгами. Газетчики писали, что на это способен лишь великий оптимист. Журналисты на страницах своих газет возмущались богачами, которые не желали развязать туго набитую деньгами кошелек для такого великого дела!

В Антарктиде Скотт позабудет о фунтах, шиллингах и пенсах, они там не нужны и ровно ничего не стоят. Он уже забыл о них. Сейчас главное — найти место на берегу для хижины. Вот этот мыс как будто бы вполне подходит. Решено. Здесь нужно высаживаться. Скотт назвал это место в честь своего первого помощника лейтенанта Эдуарда Эванса мысом Эванса.

Первые дни нового, 1911 года подарили путешественникам тихую, солнечную погоду, редкую в этих краях. И началась спешная разгрузка.

Как обрадовались собаки, почувствовав наконец под ногами вместо зыбкой палубы твердую землю, точнее — лед, и не для всех достаточно прочный: одни из трех моторных саней, самые надежные, провалились и теперь так и будут ржаветь на дне моря...

При высадке потеряли двух лошадей, одну собаку.

Но это только начало, думал Скотт, впереди и трудности, и потери...

План был таков: как только корабль освободится от груза, он пойдет дальше на восток, где оставит небольшую группу ученых для исследования Земли Эдуарда VII. На обратном пути он пройдет мимо базы Скотта, так что они еще увидятся.

Тем временем Скотт начинал подготовку к походу на полюс. Он занялся устройством вспомогательных стоянок с продовольствием, снаряжением, топливом настолько далеко в глубь

материка, насколько позволит погода. Путешествовать по Антарктиде — все равно что плыть в открытом море: снежная, безжизненная пустыня. И в Антарктиде приходится искать направление по звездам и приборам. Это называется навигацией. В каждой партии должен быть обязательно хотя бы один опытный навигатор, иначе забредешь неизвестно куда. И стоянок не найдешь, а в них продовольствие, топливо, снаряжение. В дурную погоду — в туман, снег, пургу — их легко потерять. Поэтому их делают, по возможности, более заметными: сооружают высокий холм из камней — гурий, втыкают на высокой палке флаг, непременно цветной или черный, чтобы виден был издали.

В то время как часть людей строили на мысе Эванса дом и ремонтировали старую хижину Скотта на мысе Хат, остальные члены экспедиции двинулись к югу.

Дальше 79° южной широты им не удалось пройти из-за непогоды.

Путешественники заложили последний, самый большой склад и назвали его складом Одной Тонны. Затем повернули обратно.

По дороге завернули в старую хижину на мысе Хат. Там их поджидал доктор Аткинсон, старый спутник Скотта еще по первому путешествию к Южному полюсу. У него была почта, оставленная капитаном «Терра-Нова» на обратном пути в Новую Зеландию. И тут Скотт узнал поразительную новость. Оказывается, «Терра-Нова» встретила возле Барьера Росса, в пустынной Китовой бухте... «Фрам», корабль Нансена, на котором теперь прибыл в Антарктиду знаменитый норвежский путешественник Руал Амундсен. Он расположился на шельфовом леднике Росса, в четырехстах километрах от базы Скотта, на сто километров ближе к полюсу.

Первоначально Амундсен, как всем было известно, собирался к Северному полюсу, но его обогнал Пири. И тогда знаменитый норвежец изменил свой план: он решил идти к Южному полюсу.

Скотта неприятно поразила эта неожиданность. Почему Амундсен не предупредил его заблаговременно? Скотт так оберегал себя от каких бы то ни было соревнований! Он хотел спокойно исследовать неизвестный материк, без спешки, без игры наперегон-

ки. И вот неожиданно едва ли не под боком у него возникает соперник!

Амундсен впоследствии оправдывался. Он говорил, что не хотел раньше времени сообщать миру о своих изменившихся планах потому, что боялся «газетной шумихи», упреков в «грязном соревновании». Он опасался, что те, кто дал деньги на его экспедицию к Северному полюсу, теперь не захотят вкладывать их в новую экспедицию, и прочее, и прочее... Скотт — опытный путешественник, продолжал Амундсен, он исследователь, а что касается Амундсена, то его интересует лишь достижение полюса. Науке он предоставляет самой пристраиваться к его новым намерениям.

Повод для упреков в соревновании Амундсен все же давал, от них ему не отмахнуться. Амундсен действительно был спортсменом, а не исследователем, тоже верно. Но разве это меняло дело?

Скотт знал, что Англия ему не простит, если он не придет первым.

Мужественный и твердый, он только сказал своим товарищам: «Это великолепная мысль — идти к полюсу на собаках, я не думал, что их возможно перевезти через океан». И больше ни слова.

А про себя он решил: теперь ничего нельзя исправить, и потому всего разумней и корректней будет и дальше поступать так, как было намечено. Нужно идти своим путем, трудиться по мере сил, не выказывая ни страха, ни сомнений. И кончено. Он не будет об этом ни с кем говорить. Он постарается об этом даже не думать. Товарищи Скотта, прекрасно понимавшие, как велико беспокойство начальника экспедиции, тоже корректно молчали. И жизнь пошла своим чередом, будто ничего и не произошло.

В делах и заботах незаметно подкралась зима. Полярники занимались метеорологическими наблюдениями, они исследовали небогатый мир животных Антарктиды, работали в холодных лабораториях неподалеку от базы. Иной раз, если выпадала сносная погода, играли в футбол. Дома засиживались за шахматами. Приветливо светились окна в одиноком домике на мысе Эванса. Где-то вдалеке курился вулкан Эребус, голубой стеной сползал в море глетчер, искрились айсберги, стоявшие здесь точно на прико-

ле, и далеко-далеко уходили таинственные Западные горы с высокими острыми пиками. Дивный горный пейзаж, неземной, такого больше нигде в мире не встретишь!

В экспедиции собралось много знающих людей: геологи, физики, метеорологи, биологи. «Было бы слишком злой насмешкой со стороны судьбы позволить такому количеству знаний, опытности и энтузиазма пропасть даром, ничего не совершив», — думал Скотт.

По вечерам полярники устраивали настоящий университет: специалисты рассказывали о новостях своей науки, путешественники — о странах, где они побывали, а исколесили они весь мир.

В самом разгаре зимы, 6 июня, был день рождения Скотта. Товарищи тайком приготовили огромный, затейливо украшенный торт, потом устроили торжественный обед с крюшоном из сидра, с ромом и ликерами.

Отечески добродушно Скотт прислушивался к веселой болтовне молодежи. Они смеялись, прыгали через столы и стулья, соревнуясь в ловкости.

Особенно веселился капитан Лоуренс Отс, будущий спутник Скотта к полюсу.

Хорошие подобрались ребята в группе Скотта — и офицеры, и матросы. Чего стоит этот богатырь, весельчак и балагур — матрос Эдгар Эванс, однофамилец лейтенанта Эванса. Матрос второй раз сопровождал Скотта в Антарктиду. А эти русские парни — Антон Омельченко и Дмитрий Горев — как они сошлись с английскими парнями!

Потом мысли Скотта перенеслись в Англию, к жене, маленькой стойкой Кэтлин, к крепышу Питеру. Ему было девять месяцев, когда отец его уехал из Англии. «Он станет совсем большим, когда я вернусь», — улыбнулся Скотт этой мысли. Как там они сегодня? Наверное, тоже его вспоминают, может, вместе со старым Маркхэмом. Старик любит его и, наверное, если понадобится, все сделает для экспедиции, что только будет в его силах. Вспоминал Скотт свое последнее путешествие с Кэтлин чуть ли не вокруг земного шара. Пока «Терра-Нова» медленно продвигалась к югу, они с Кэтлин на разных транспортах ехали самостоятельно. Они останавливались в африканских владениях Англии, где считались личными гостями генерал-губернатора лорда Глад-

стона. Он принимал их в своем загородном доме, где они спали под открытым южным небом, и созвездие Южного Креста охраняло их с высоты. Скотт делал все, чтобы собрать деньги для экспедиции: читал лекции, рассказывал, как важно исследование неизвестного материка. Однако местные богачи, владельцы бриллиантовых рудников, неохотно шли на пожертвования... Обидно вспоминать об этом. Потом Австралия, Мельбурн, потом Веллингтон в Новой Зеландии... Везде они с Кэтлин были вместе... Однако настал час, и «Терра-Нова» с капитаном Скоттом на борту отвалила от причала, и Кэтлин осталась где-то там, в туманной дымке... Увидит ли он ее еще?

Мысли Скотта перескочили на другое. Ему сорок три года. Может быть, он стар для такой экспедиции? Но ведь Роберту Пири было пятьдесят два года. Он хорошо помнит этого американца, непомерно длинного, с рыжими усами. Они стояли рядом, они пожимали друг другу руки: Пири, уже вернувшийся с победой, и Скотт, направлявшийся в неизвестное...

Уилсон говорит, что с годами человек становится более выносливым и менее чувствительным к холоду. Что же к старости будет с Бауэрсом? Для него, хотя он и молод, холода нет. Целый день он может работать на воздухе в своей поярковой шапчонке. Правда, Бауэрс чудо! Скотт восхищался им, его ловкостью, его готовностью прийти всем на помощь. Славные у него ребята. И на этой приятной мысли Скотт уснул.

Июнь был щедр на праздники: приближалось 22-е число, день солнцестояния. У нас, на севере, — летнее, здесь — зимнее. В конце декабря полюсная партия будет в походе, там уж не до веселья! Нельзя ли устроить наперед любимый праздник — Рождество? И снова парадный обед с ликерами и шампанским. Даже с елкой. Это сюрприз Бауэрса. Вместо елки он устроил из палок, обернутых фольгой, деревцо; его увешивали самые настоящие хлопушки, разные игрушки, горели и свечи. При свете елочных свечей раздавали маленькие подарки, об этом позаботилась сестра доктора Уилсона. Она приготовила их в Англии и передала брату. Взрослые мужчины, смелые, мужественные путешественники, как они радовались этим пустячкам, словно дети!

Все вспоминали дом, «старую добрую Англию», семью, близких.

Даже сама природа оказалась милостивой, она также включилась в игру, устроив великолепный фейерверк — полярное сияние.

...Миновала зима. Уже стояла на пороге холодная антарктическая весна. Скотт рвался к полюсу, но начать поход раньше, чем установится сносная погода для его лошадок, не рисковал. Однако мысль о том, что Амундсен с его собачьим транспортом, возможно, уже в пути, мучила его. Но приходилось ждать.

...И день этот наступил для Скотта только 1 ноября. Весна в том году была особенно неблагоприятной. Неужто таким же будет и лето, со страхом спрашивал себя Скотт. Погода отвратительная, дорога еще хуже. Неровности, трещины во льду, ветер, бьющий прямо в лицо, мелкий колючий снег. «Ужасный переход», — часто встречаешь эти слова в дневнике Скотта. Но стоило путешественникам собраться в палатке для отдыха, как слышались шутки и смех...

Моторные сани, увы, скоро были брошены, у них все время ломался мотор, не приспособленный к антарктическому климату. Пришлось в сани впрягаться самим. Но оставались еще собаки, хотя их было немного, и лошадки, главная надежда Скотта. Пока и те и другие тащили грузы. Они часто проваливались в рыхлом снегу, худели, теряли аппетит. Так прошла первая часть пути до ледника Бирдмора.

Дальше пошло совсем плохо. Лошадки выбились из сил, и корм для них кончился. Их пришлось пристрелить. Это место путешественники назвали Лагерем Бойни. На обратном пути полюсная партия будет питаться мясом убитых лошадей... Ну что ж, записывает Скотт, остается сыграть игру до конца...

Стоянки со всякими припасами делали на расстоянии шестидесяти пяти километров друг от друга. Вспомогательные партии то шли впереди Скотта, то сзади, иногда они встречались на остановках. Но вот настал час, когда из двенадцати человек четверо с собачьими упряжками должны были вернуться обратно. Осталось всего восемь.

«Дела идут от плохого к худшему», — записывает Скотт. Все стало смертельно, бураны не прекращались, иной раз приходилось отсиживаться в палатках.

«Январь 1912-го. Новый год отпраздновали лишней палочкой шоколада в однодневном пайке. Миновали последнюю стоянку Шекльтона. До полюса оставалось 170 километров. 170 километров совсем неизвестной дороги. Там еще никто никогда не бывал — ни зверь, ни птица, ни человек».

Как ни грустно, а пришлось расставаться с лейтенантом Эвансом. Эдварду Эвансу, совсем больному, все же не хотелось возвращаться. Ведь до полюса осталось немного. Но приказ начальника... Ничего не поделаешь. Он вручил Бауэрсу шелковый флажок, который жена дала ему «для полюса», и долго-долго смотрел вслед удалявшейся пятерке.

«Я не нахваляюсь своими товарищами, — пишет Скотт. — Все они неутомимы, каждый готов прийти на помощь друг другу, каждый старается облегчить положение другого. Эдгар Эванс — матрос, силач, у него золотые руки, благодаря ему снаряжение у нас в полном порядке. Бауэрс — чудо! Он всегда в хорошем настроении, неутомим в работе, добр к другим. И Отс, который был на своем месте при лошадях, теперь неутомим в ходьбе, исполняет свою долю лагерной работы и не хуже других переносит труды и лишения».

Партия шла быстро и легко. Наконец-то установилась погода. Затих ветер. Воздух чист и прозрачен. Солнце сильно припекает. Слишком хорошо, говорил Скотт, даже страшно. Они находились высоко над уровнем моря и, несмотря на это, чувствовали себя неплохо. Теперь уж должны дойти... Должны... До полюса оставалось 63 географические мили... До полюса оставалось меньше 40 миль... Последний склад.

Солнце сияет на чистом небе. Даже легкий ветерок утих. Какая неземная тишина! Еще немного, совсем немного...

Но куда так пристально смотрит Бауэрс? Что он заметил?.. А, где-то далеко впереди черная точка... У него такое острое зрение... Все-таки что бы это могло быть? У каждого одна и та же мысль, и каждый боится произнести ее вслух: Амундсен?..

Подошли ближе. Да, это какой-то предмет. Он шевелится... Черный флаг. Норвежцы опередили...

...В ту ночь, несмотря на смертельную усталость, никто не мог уснуть. Поплелись дальше. Подошли к остаткам лагеря Амундсена.

«Великий Боже, — горестно восклицает Скотт, — какое ужасное место! И каково нам понимать, что за все труды и лишения мы не вознаграждены даже сознанием, что пришли первыми!»

Из записки Амундсена Скотт узнал, что норвежцы побывали здесь 16 декабря 1911 года. Опередили на целый месяц. Скотт положил в карман письмо, адресованное норвежскому королю Гаакону: «На случай, если мы погибнем на обратном пути», — писал предусмотрительный Амундсен. Скотт и его друзья сфотографировались возле своего флага, который они установили рядом с норвежским, даже выпили за победу, но без удовольствия, с тяжестью на сердце, и... «повернулись спиной к цели своих честолюбивых устремлений. А впереди, — с тоской пишет Скотт, — 800 миль пешего хождения с грузом... Боюсь, обратный путь окажется ужасно утомительным и монотонным».

...Погода невыносимая. За одну неделю пережили два сильных шторма. Признак ранней осени. Боже мой, как им не везет! Лето отличалось необычайным холодом, ветрами, теперь ранняя осень... «Помоги нам Бог, — восклицает Скотт, — помощи нам ждать неоткуда, а силы — на исходе. Теперь, чтобы спасти людей, нужно лишь одно: идти как можно быстрее!»

Между тем у Отса зябнут ноги и, что удивительней всего, сдает здоровяк Эдгар Эванс. У него все валится из рук, лицо и руки отморожены. Уилсон растянул сухожилие. Только чудо-Бауэрс чувствовал себя хорошо. Скорей, скорей вперед! В этом наше спасение. Но... при спуске с ледника Бирдмора путники попали в хаос ледяных глыб и потеряли свой след! Провизия кончается, а следы к стоянке потеряны. Даже Скотт признается, что «немного приуныл». Впервые путники почувствовали ледяное дыхание смерти...

Однако на этот раз судьба сжалилась. Каким-то образом они выбрались из мертвого нагромождения льда и нашли свою стоянку.

Отдыхали недолго. Нужно спешить. А тут снова беда: несчастный Эванс свалился в трещину. Его вытащили, но боже мой, какая безнадежность в его глазах! Руки страшные, отмороженные, в язвах нос.

Скорей, скорей вперед! Но... свалился в трещину сам Скотт, следом за ним — опять бедняга Эванс. Оба сильно расшиблись, особенно Эванс. Он стал сам не свой. Скотт с беспокойством поглядывает на него. Он освободил его от обязанностей тащить сани, но это мало помогло.

Подошли к лагерю у подножия горы Дарвина. Здесь, под защитой скал, так тихо, солнечно, а главное — под ногами камень, а не лед. Эту радость — ощущать под ногами камни, землю — может понять только полярный путешественник. Конечно, задерживаться не следует, но так приятно измученным людям немного погреться на уходящем солнце! Даже голод как-то не чувствуется. А за последнее время путешественники становились «все голоднее». Уилсон занят сбором образцов камней. Он наткнулся на целые пласты угля с четкими отпечатками растений. Какое счастье! Найден ключ к прошлому Антарктиды! Раз здесь найден уголь — значит, росли леса, было тепло... О, сколько нового узнают ученые об этом суровом материке! Значит, недаром люди потратили труды и силы, радовался Скотт; какое замечательное открытие сделал доктор Уилсон!

Разумеется, находка радовала Скотта, но записки его делают все беспокойнее. Главное — его тревожит Эванс. Он стал отставать. Все чаще и чаще плетется позади, и его приходится поджидать. И вот однажды путешественники вынуждены были из-за него сделать привал. Они поставили палатку, приготовили чай, напились... А Эванса все нет и нет. Видно, что он стоит вдалеке, но не приближается. Встревоженные путешественники на лыжах мчатся к нему.

Вид Эванса ужасен: одежда в беспорядке, взгляд блуждающий, он несвязно бормочет, что у него, кажется, был обморок.

Бауэрс и Скотт побежали за санями. Когда они вернулись, Эванс был без сознания на руках у товарища. Он не пришел в себя и в палатке. Доктор Уилсон сказал, что, по-видимому, у него при последнем падении было сотрясение мозга. И вот бедняга умирает... Путешественники хотя и знали, что часы его сочтены, но оставить его одного не могли. «Милосердное провидение убрало его в самую критическую минуту, — записал Скотт и прибавил: — Как ужасно так терять товарища!»

Новая беда. С некоторых пор стали замечать, что керосину на складах стало куда меньше, чем предполагалось. А ведь все помнили, что заливали баки доверху.

Теперь приходилось экономить топливо. На стоянках путешественники стараются держаться бодро, хотя одежда вся промерзла, обувание по утрам отнимает слишком много времени, и опасность увеличивается. «Помилуй нас Бог! Нам не выдержать этой пытки!»

Отс показал свои ноги Уилсону: сомнений нет, они отморожены. Мужественный, благородный Отс понимает свое положение, и все же он спрашивает у доктора Уилсона, есть ли у него надежда. Надежды нет, но Уилсон этого сказать не может. Товарищи уговаривают Отса идти с ними дальше, пока хватит сил. Они стараются помочь ему, часто сажают на сани. Отс нестерпимо страдает, он просит оставить его и самим идти дальше. Но этого они не могут сделать. Однажды утром, встав с трудом на свои больные ноги, Отс отодвинул край палатки и, не глядя ни на кого, сказал: «Пойду пройдусь. Может быть, не скоро вернусь»... И вышел в метель.

«Мы знали, что бедный Отс идет на смерть, — пишет Скотт. — На случай, если будут найдены эти листки, я хочу отметить: последние мысли Отса были о матери, но перед этим он с гордостью говорил, что его полк должен быть доволен мужеством, с каким он встретит смерть. Это мужество мы все можем засвидетельствовать. В течение многих недель он без жалоб переносил жестокие страдания, но до самого конца в состоянии был разговаривать о посторонних предметах. Это была бесстрашная душа.

...Мы все надеемся так же встретить конец, а до этого, несомненно, недалеко».

Скотт приказал Уилсону выдать им таблетки опиума, чтобы облегчить страдания. Но пока никто ими не воспользовался. Они решили идти насколько хватит сил. Все сознавали, что им не выскочить из этого ужаса, но бороться надо до конца.

Путники мерзли все сильнее. Теперь и Скотт знал, что одна нога у него отморожена. Пропала... Что будет с другой? Уилсон тоже, кажется, отморозил себе ноги. Теперь лучше всех чувствовал себя Бауэрс, да и то неважно. Но они шли вперед.

Они знали, что находятся в двух переходах от базы Одной Тонны, там в изобилии есть продовольствие, топливо. Возможно, их

ждут там товарищи с собачьими упряжками... Если удастся добратся туда, возможно, еще все обойдется. Но в одиннадцати милях от базы закружила сильная метель. Ни зги не видно. Пришлось остановиться. У них оставалось на доньшке керосина и еды раза на два.

Ужасно сознавать, что спасение рядом, но сплошная мгла окутывала их одинокую палатку. Пурга метет и метет вот уже четыре дня. Значит, конец. Да будет так...

Скотт все время заполнял страницы дневника и писал письма не только своей жене, матери, друзьям, но и близким Бауэрс и Уилсона: «Они были храбрыми, истинными мужчинами и самыми стойкими из друзей».

«...Как много я мог бы рассказать тебе о нашем путешествии! — писал Скотт своей жене Кэтлин. — Насколько оно лучше спокойного сидения дома в условиях всяческого комфорта. Сколько у тебя было бы рассказов для мальчика! И какую приходится платить за это цену».

Он думал о своем сыне, давал последние советы жене:

«Заинтересуй мальчика естественной историей, если сможешь, это лучше, чем игры, в некоторых школах это поощряется. Я знаю, ты будешь держать его на чистом воздухе... Сделай из него человека деятельного. Мне, как ты знаешь, всегда приходилось заставлять себя быть деятельным, у меня всегда была склонность к лени».

«Дорогой мой Барри, — пишет Скотт своему другу, — мы миримся в очень безотрадном месте... Собственно говоря, мне хочется, чтобы вы помогли моей вдове и сыну, вашему крестнику. Мы выполнили свое задание, достигли полюса и сделали все возможное, вплоть до самопожертвования, чтобы спасти своих сотоварищей. Я думаю, что родина должна помочь тем, кого мы оставляем оплакивать нас.

...Прощайте, я совсем не боюсь конца, но грустно утратить многие скромные радости, о которых я думал во время долгих переходов. Окажите мальчику помощь в жизни, если государство не захочет этого сделать».

«Достопочтенному сэру Эдгару Спейеру. 16 марта 1912 года, 79 градусов южной широты.

...Боюсь, что нам приходится умирать, а это поставит экспедицию в скверное положение. Но мы были у полюса и умрем как джентльмены».

«Вице-адмиралу сэру Джорджу ле Клер Эджертону.

Дорогой сэр Джордж!

Боюсь, что с нами кончено, — но мы были у полюса... Надеюсь, что письма дойдут когда-нибудь по назначению.

...Прощайте. Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы мою вдову обеспечили, поскольку это будет зависеть от морского ведомства».

Скотт просил не только за свою жену и сына, но и за жену Эдгара Эванса, которая находится в очень бедственном положении, за жену доктора Уилсона, за всех близких своих товарищей. Отс не нуждался в помощи, он был из состоятельной семьи.

«Боюсь, что мы строимся к расчету: не выскочить. Пишу несколько писем в надежде, что они будут когда-нибудь доставлены»...

Писем много. И в каждом — просьба позаботиться о тех, кого они «оставляют оплакивать себя».

«Удивительные письма! — пишет выдающийся австрийский писатель Стефан Цвейг. — Все мелкое исчезло в них от могучего дыхания близкой смерти, и кажется, что они наполнены кристально чистым воздухом пустынного неба. Они обращены к определенным людям, но говорят всему человечеству. Они написаны для своего времени, но говорят вечности».

Миновало семь месяцев. Бури пронесли над палаткой, пытаюсь повалить ее, но она устояла. Ничто не тревожило последний покой героев. Но вот 29 октября 1912 года невдалеке послышалось покрякивание каюров, скрип снега под полозьями саней. Это подходила спасательная партия. Впереди — доктор Аткинсон. Он остался старшим, с тех пор как лейтенант Эдвард Эванс, с трудом выкарабкавшись из болезни, ушел на «Терра-Нова» в Новую Зеландию.

Товарищи Скотта были уверены, что он и его друзья погибли. Однако их долг — постараться найти их.

На складе Одной Тонны следов не обнаружили. Пошли дальше. И вдруг сердце Аткинсона, шедшего впереди, замерло: он увидел полузанесенную снегом палатку...

С волнением группа подошла к палатке. Вот лыжи, воткнутые перед самым входом. На бамбуковом шесте поник парус, видно, его ставили на санях, пользовались попутным ветром. Холмик снега указывал, что под ним, наверное, сани с поклажей.

Аткинсон дрожащей рукой откинул полы палатки... Скотт лежал с открытым лицом, двое других с головой были укрыты спальными мешками. На груди у Скотта лежали письма, дневники.

Среди вещей на санях нашли драгоценные образцы горных пород, пласты угля. Подумать только — усталые путешественники из последних сил тащили лишние килограммы! Для своего времени эти образцы были настолько же ценны, как в наши дни горные породы Луны.

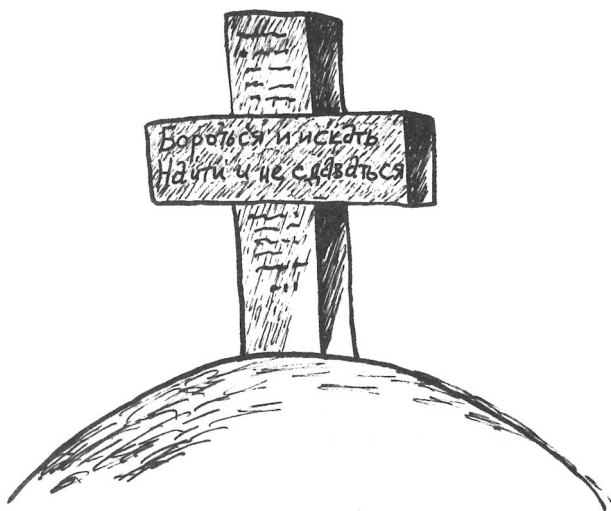
Скотт и его друзья лежали спокойно, будто спали. Так пусть же они останутся навеки в этой гробнице, своеобразном пантеоне — усыпальнице знаменитых людей.

Над ними соорудили огромный гурий со скрещенными лыжами на вершине, чтобы видно было издали. Металлический цилиндр, вложенный в бамбуковую палку, хранил для потомства записку Аткинсона:

«12 ноября 1912 года, широта 29 градусов 50 минут. Юг. Этот крест и гурий воздвигнуты над телами капитана Скотта, кавалера ордена Виктории, офицера королевского флота; доктора Э. А. Уилсона, бакалавра медицины Кембриджского университета, и лейтенанта Г. Р. Бауэрс, офицера Королевского индийского флота, как слабый знак увековечивания их успешной и доблестной попытки достигнуть полюса. Они это совершили 17 января 1912 года, после того как норвежская экспедиция сделала то же самое. Жестокая непогода и недостаток топлива были причиной их смерти. Также в память двух доблестных товарищей, капитана Иннискиллинского драгунского полка Л. Э. Дж. Отса, который пошел на смерть в пургу... чтобы спасти своих товарищей; также матроса Эдгара Эванса, умершего у подножия ледника Бирдмора. «Бог дал, Бог и взял, благословенно имя Господне».

Впоследствии в Англии водрузили памятники Скотту и его товарищам, один из них создан его женой — скульптором Кэтлин. Но кроме этого, члены экспедиции Роберта Скотта водрузили на вершине Наблюдательного холма крест из австралийского красного дерева. Он обращен к Великому ледяному барьеру и сохранился по сей час. На нем перечислены имена героев и в заключение строчка из стихотворения замечательного английского поэта Теннисона:

Бороться и искать, найти и не сдаваться!

Величественные островерхие горы цепь за цепью уходят к горизонту, покрытые девственно белым снегом. Лучи солнца, отражаемые или преломляемые кристаллами снега и льда, сверкают и блестят, словно золото и серебро. Небо темно-голубое и отликает темным золотом, когда солнце стоит особенно низко. Но, пожалуй, еще большее впечатление производит полное отсутствие жизни, устрояющее неземное молчание. Все это создает замечательную картину; стоит пойти на большие жертвы, чтобы увидеть ее хоть один раз.

Г. Буль, путешественник

Что же такое Антарктида? Громадный материк льда, величинной примерно с две Австралии. Среди белых бесконечных пространств тянутся высокие горы, есть вулканы.

Это гигантская чаша, наполненная льдом, 30 миллионов кубических километров льда! Чаша с прогнутым от тяжести льдов дном и приподнятыми краями.

Это самый высокий материк на земном шаре — в среднем он возвышается над уровнем моря на 2350 метров, сравните с Азией — 960 метров или Европой — 340 метров.

Воды, окружающие Антарктиду, полны жизни — китов, тюленей и других, более мелких обитателей глубины. Сам же материк — мертвая снежная пустыня, только в прибрежной части летом гнездятся морские птицы да пингвины — настоящие полярники.

Когда-то Антарктида была почти сплошным «белым пятном» на карте. В наши дни она превратилась в громадную научную лабораторию, где работают ученые разных стран и разных специальностей. Особенно дружно изучали Антарктиду в Международном геофизическом году — с 1957 по 1959 год. И вот тогда-то на берегу моря Дэвиса, со стороны Индийского океана, вырос первый советский поселок Мирный, названный так в честь шлюпа «Мирный», которым командовал М. П. Лазарев, один из первооткрывателей Антарктиды.

Отсюда вышел первый санно-тракторный поезд, и в глубине материка была основана первая внутриконтинентальная станция Пионерская! Потом таких станций стало много — в самых суровых местах Антарктиды, на Советском плато, где климат куда тяжелее, чем на Южном полюсе: морозы в 80 — 90°. Но и на Пионерской тоже нелегкой была зимовка, особенно первая. Морозы стояли страшные — до 72°, и при этом еще ветры! В домике тепло, но работать приходилось под открытым небом. И как ни продумана была одежда полярника, но лицо еще не научились защищать особыми масками. Стоило возле глаз остаться неприкрытому кусочку кожи, как он тотчас же отмораживался. Да что там кожа! Роговица глаз и та оказалась отмороженной у одного зимовщика!

Весна в Пионерской только называется весной, а вообще-то это наша очень суровая зима! Правда, морозы немного спадают, но 57° теплом вряд ли назовешь! И все же какой-то едва уловимый запах весны чудился нашим отшельникам. Наверное, мысли их часто обращались к родине, к нашей благоухающей, зеленой весне. Как-то раз один зимовщик, вернувшись после работы домой, хотел что-то рассказать товарищам насчет бамбуковой вежи, с помощью которой измеряют высоту снежного покрова. Но ему не дали договорить и в один голос, хором заявили: «Знаем, знаем, на бамбуке выросли зеленые листочки, да еще березовые!» И все засмеялись. В этой славной шутке полярники выдали свою тоску по запаху травы и земли...

По сравнению с Пионерской Мирный был просто райским угол-

ком. Там теплее — все-таки побережье, и как радостно было отшельникам внутриконтинентальной станции видеть в небе самолеты из Мирного, приветливо покачивающие им крыльями! Сесть летчики, к сожалению, не могли. Но зимовщики обрадовались, услышав голос товарища, прямо-таки с неба прокричавшего им по радио: «Дорогие мои мужики, вижу вас, обнимаю, ловите подарки». И что-то темное выпало из самолета, а вскоре раскрылся яркий парашют, и зимовщики кинулись к нему. Как хорошо почувствовать внимание друзей среди льдов пустынной Антарктиды!

Но и Пионерская по сравнению с другой станцией, Комсомольской, была еще сносной! Вот что рассказывает наш ученый, в то время еще совсем молодой гляциолог, В. М. Котляков, который отправился на Комсомольскую в компании еще трех товарищей, чтобы изучать снежный покров Центральной Антарктиды:

«Шесть часов назад мы еще ходили по Мирному, видели море, вдыхали морозный воздух и кутались от снежного ветра. То были привычные условия, пожалуй, не очень отличавшиеся от суровой зимы средних широт России. Теперь мы в Центральной Антарктиде — области, не похожей ни на что другое на земле. Открылся люк самолета, и нас окутала непривычная морозная тишина. Воздух был неподвижен, где-то у горизонта висел ярко-желтый негреющий шар солнца, голубовато-белесое небо было безоблачно. Привыкшие к твердому, как камень, снегу на побережье, мы прыгнули вниз и... провалились в рыхлый снег. С трудом выкарабкавшись, принялись за работу: предстояло выгрузить из самолета несколько 200-килограммовых бочек с горючим. В Мирном мы свободно вдвоем закатывали по доскам бочку в люк; поначалу решили и здесь «бочечную операцию» произвести в четыре руки. Жители Комсомольской только усмехнулись при этом решении. Бочка как будто стала в два раза тяжелее...

Скоро мы увидели, что любая физическая работа на высоте 3500 метров — очень трудное дело. Организму не хватает кислорода — приходится все делать не спеша, несмотря на холод... Казалось странным, что человек, которого просили побыстрее подойти, нехотя шел по леднику, будто гуляючи... Скоро мы поняли, что иначе нельзя. Стоит пойти быстрым шагом, как сердце начинает бурно протестовать».

И все-таки, несмотря на все тяжести жизни, тот, кто побывал

в Антарктиде, оказался в плену ее очарования: «Большой красноватый расплющенный шар солнца, — рассказывал Котляков, — уже касался горизонта, отчего снег становился пурпуровым... Возвратившись в домик, мы не могли оторваться от окошка, любуясь вечерним пейзажем Центральной Антарктиды неземной красоты».

И Роберт Скотт отдал дань восторга Антарктиде:

«Я иногда возвращаюсь мыслями в прошлое и снова вижу заснеженные поля, сверкающие в лучах солнца. Вижу морские льды и айсберги, разбросанные по синему морю, великолепные южные горы, вздымающие свои вершины в одиноком величии. И снова слышу движение льда, эти таинственные движения, сопровождаемые почти неуловимым звуком, пробегающим по воде; слышу и шуршание полозьев саней, идущих по снегу. Я вижу и слышу все это, но я не мог бы объяснить вам, почему мои мысли вечно возвращаются к тому доброму времени, когда все это было у меня перед глазами».

Особенно поражают в Антарктиде краски — цвет моря, краски неба, отсветы, падающие на снег, цвет айсбергов...

...И глыбы льда несла вода
Зеленые, как луг...

Однако, воздав хвалу необычайной панораме Антарктиды, один из путешественников заявил, что «тот, кто попробует жить там один, быстро сойдет с ума». Сходили с ума и те, что жили там с товарищами, а бывало, что и в одиночестве человек сохранял и здравый смысл, и все свои таланты исследователя. Всякое бывало. Но никто, ни один человек не скажет, что жить и работать в Антарктиде, особенно зимой, легко...

Антарктида всегда пустынна, даже если на ней одновременно работает много партий, как бывало в 1957 году — Международном геофизическом году, и все-таки изредка в некоторых уголках ее царило оживление. Например, на двух базах в море Росса, где некогда стояли одинокие домики капитана Скотта. Теперь там находились две базы: база Скотта, новозеландская, не очень многолюдная, и Хат-Пойнт — огромная американская, настоящий городок. Их разделяло километра четыре, и люди, особенно летом, могли часто навещать друг друга. Новозеландцы скромно ходили пешком через холм, по которому была протоптана тропинка, но американцы не признавали пеших прогулок: чуть что — сиделись на вездеходы, а то и на вертолеты.

На дальние расстояния никто пешком не ходил, подобно Скотту, путешествовали на громадных вездеходах, на самолетах, на вертолетах и порой, в самые труднопроходимые районы, — на собачьих упряжках. Но, как вы понимаете, ни дорог, ни настоящих аэродромов там не было, и не раз случалось, что самолеты садились со сломанным шасси и одним мотором в огне. Рассчитать сроки полетов не всегда удавалось; иногда отправлялись на три дня, а из-за какой-нибудь поломки задерживались на три недели.

Много народу приезжало в Антарктиду летом во время Международного геофизического года на теплоходах, на самолетах; то были ученые, корреспонденты разных газет, фоторепортеры с какими-то необыкновенными аппаратами, с помощью которых можно было передавать сразу через океан только что сделанные снимки.

Особенная суматоха поднялась на базе Скотта в связи с трансантарктической экспедицией английского геолога Вивиана Фукса.

Он пересекал Антарктиду от базы на море Уэдделла до базы Скотта в море Росса через Южный полюс, о чем только могли мечтать до него многие отважные антарктические путешественники.

Фукс шел по неизведанной дороге с моря Уэдделла до Южного полюса. А ему навстречу двигалась вспомогательная экспедиция с базы Скотта во главе со знаменитым покорителем Эвереста — сэром Эдмундом Хиллари. Он готовил для Фукса стоянки со снаряжением и продовольствием и должен был сопровождать его от полюса до базы Скотта.

Экспедиция Фукса шла на огромных вездеходах, но при них находились и две собачьи упряжки, потому что были такие места, куда не могли пройти вездеходы, а делать там наблюдения необходимо.

Теперь собачьи упряжки — лишь подсобный транспорт, не было нужды убивать одних собак, чтобы кормить ими других, что всегда так удручало Скотта.

Для всех исследователей, которые путешествовали по пустынно-му плато на вездеходах, иногда в сопровождении собачьих упряжек, устраивались стоянки с запасом продовольствия и снаряжения.

...Южный полюс давно уже не безлюден и не так уж труднодостижим, как во времена Амундсена и Скотта. С воздуха его пересекали много раз. К нему подошел Фукс на своих вездеходах, наша советская экспедиция на санно-тракторном поезде. При этом

выполняется исследовательская работа, и никто не думает о рекордах. На полюсе устроена американская база, названная в честь первооткрывателей «Амундсен-Скотт». Там круглый год живут исследователи, выполняя очень тяжелую работу. Иногда они принимают гостей, как, например, того же Фукса со всеми его везухами и целой толпой корреспондентов, фоторепортеров, кинооператоров с их сложной аппаратурой.

И там, где некогда царила первозданная тишина, становилось многолюдно и шумно, вкусно ели, пили шампанское, устраивались пресс-конференции, щелкали фотоаппараты и ослепляли вспышки «блицев».

Гостей обитатели полюса водили по своим достопримечательным местам: есть у них ледяная шахта, которая возникла при первой зимовке, когда изучали ледяной покров полярного плато, а потом стали вырубать чистейший лед, для того чтобы превращать его в воду. Шахта освещалась электричеством, перед входом в нее висели шуточные плакаты, а в стенках были выдолблены до самого дна ступеньки во льду; все-таки это было мрачное место, ледяная гробница. Те, кто ее строил, были уже давно дома, о них шутили, что после работы на таком холоде они, наверное, надолго поселились в турецких банях, чтобы согреться.

Показать гостям таинственную точку полюса, которая, как выучите в школе, есть понятие математическое, хозяева, увы, не могли, потому что до сих пор не удалось установить со всей математической точностью, где она находится. Каждый новый инструмент давал новые результаты, и ученые наконец вышли из положения: они начертили круг, поставили по кругу пустые бочки из-под горючего и сказали, что Южный полюс находится там, где-то внутри! Так что самое большее, хозяева базы могут обвести гостей вокруг этих бочек, показать им деревянную будку, что стоит внутри, а рядом с ней — три мачты: на одной развевается флаг Организации Объединенных Наций, на другой — Соединенных Штатов Америки, а третья предназначена для гостей. Когда советские ученые прибыли туда с дружеским визитом, на этой крайней точке юга развевался наш государственный флаг.

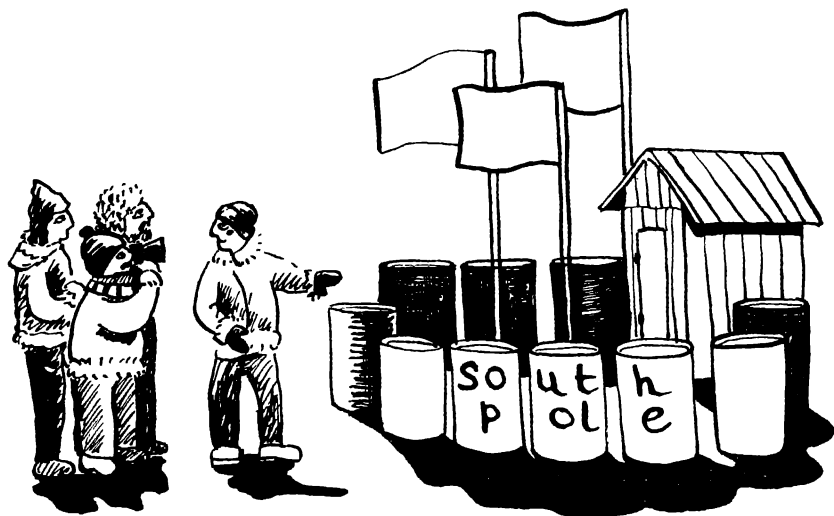
Наши полярники делали визиты своим «соседям», — а это был, что называется, не ближний свет — и принимали гостей у себя в Мирном. Однажды на ледоколе к нам прибыли американцы,

каждый с двумя фотоаппаратами на шее. Они внимательно осматривали наш поселок с его теплыми домиками и даже с хлебом, где подрастали родившиеся в Антарктиде розовые поросята, топая своими копытцами, словно каблучками.

Американцев больше всего заинтересовала холодная лаборатория, где гляциологи исследовали под микроскопом тончайшие срезы льда. Так ученые исследовали тайны климата ледяной планеты давно прошедших эпох, а внимательно рассматривать срезы льда, вынутые из колодцев-шурфов, куда удобней в холодной лаборатории, чем под открытым небом, на ветру. Картина под микроскопом открывалась действительно необычайная: каждый кристалл переливался разными цветами — ярко-красными, зелеными, малиновыми и даже черными. Один американский корреспондент долго оставался возле микроскопа. Ничего подобного он никогда не видел и в конце концов решил, что это «какое-то новое изобретение русских». Он был прав. Очевидно, американские гляциологи использовали другие способы определения различных слоев льда.

В течение миллионов лет Антарктида была погружена «в устаревшее неземное молчание», но теперь оно нарушено: в небе прочерчивают свой смелый полет самолеты различных марок и стран, по ледяной поверхности с шумом и грохотом продвигаются санные поезда и вездеходы.

И по-прежнему, как и во времена Скотта, мчатся, распластавшись по земле, лайки, веселые, энергичные, бодрые и всегда сытые!

Антарктида — мертвый материк. Материк льда, лишенный жизни. И все же кое-где жизнь сохранилась, хоть и в самых простейших формах. Там нашли «оазисы». Не подумайте, что это островки зелени, перистые кроны пальм, сочная трава и чистые источники, куда прибегают на водопой антилопы. Увы! Недаром слово «оазисы» приходится брать в кавычки, потому что это всего-навсего свободный ото льда кусочек антарктической земли с озерами и скалами. Один «оазис» обнаружил еще Скотт и назвал его «сухой долиной». Другой — на противоположном берегу Антарктиды, среди бесконечных пространств льда — заметил американский летчик Бангер. Это страна коричневых и черных гор, синих и зеленых озер с микроскопическими одноклеточными водорослями, которые окрашивают воду в разные цвета.

«Оазис Бангера» находится неподалеку — по антарктическим меркам — от нашего поселка Мирный, и там работают наши исследователи. В сухом климате «оазиса Бангера» условия жизни все же легче, чем в других местах Антарктиды; кроме трех больших и двадцати маленьких озер, пресных и соленых, там тянутся черные и коричневые холмы, и на них найдены лишайники.

В длинный полярный день горы очень сильно нагреваются, но ведь кругом все же лед. В самом «оазисе» есть целая вереница невысоких ледяных гор, остроумно названных «кающимися снегами».

Вам, наверное, доводилось где-нибудь на картинках видеть средневековых монахов в остроконечных шапках и просторных балахонах. Вот эти горки как раз их напоминают. Кажется, будто стоит такой монах на коленях и бормочет свои покаянные молитвы.

В этом «оазисе» собирают обильную жатву из камней забавной формы, напоминающих пепельницы. Такие пепельницы привозят домой как сувениры, и это, разумеется, самый прекрасный сувенир, какого не купишь ни в одном самом роскошном магазине мира. За ним нужно ехать в Антарктиду, а это пока еще не так просто.

«Оазис Бангера» невелик, а вот на Земле Виктории есть огромный, просто гигант. Но очень уж суров там климат. Здесь озера всегда покрыты льдом, по руслам текут реки, тоже подо льдом, впадая в бессточные озера. Странный, неземной пейзаж. И есть здесь чудо-озеро, по имени Ванда, оно тоже покрыто толстым слоем льда, а подо льдом — живая жидкая вода: слой пресной, слой соленой; слои эти никогда не смешиваются, потому что плотность воды у них разная, а на глубине 60 метров, как оказалось, вода совсем теплая, плюс 27°. Как в подогретом бассейне! Каким образом близко ко дну, под вечным ледяным покровом, вода так нагревается?

Пока это еще тайна. Как и тайна возникновения самих «оазисов».

На полуострове Антарктиды, на Земле Грейама, есть еще один «оазис», там растут не только мхи и лишайники, но кое-какая травка и цветочки, там пахнет землей и травой, по которой так тоскуют зимовщики, бьют из-под земли горячие источники. Так что, стоя в снегу, можно варить яйца. Когда-то на Земле Грейама был тропический климат, и вот все, что осталось от роскошной зелени жарких стран.

Сколько тайн на шестом материке! Они, разумеется, будут открыты, но сейчас многое здесь ставит ученых в тупик.

Тут и там бредут походкой Чарли Чаплина, похожие одновременно на каких-то странных солдат и на священников в белых кружевных воротниках и пелеринках, целые сотни пингвинов-адели.

Марио Марре. Семеро среди пингвинов

Вы знаете, что обозначает слово «абориген»? На всякий случай я вам объясню: аборигены — это коренные, старейшие жители какой-либо страны.

Аборигены Антарктиды — пингвины, древняя птица, которая появилась 15—20 миллионов лет назад, в те далекие и прекрасные времена, когда на этом материке было тепло и зелено. И уцелела до сих пор.

Далекими-далекими предками пингвинов была птица-ящер, первое позвоночное животное на земле, которое летало. Это была странная птица, похожая на сказочного дракона.

Какими же были потомки этого дракона — первые пингвины? Об этом существуют разные мнения.

Некоторые ученые считают, что пингвины никогда не летали, жили вначале на суше, а потом переселились в море.

Другие, напротив, думают, что предки пингвинов все-таки когда-то летали, а в остальном согласны с тем, что жили они сначала на суше и лишь потом переселились в море, потеряв способность к полету.

И наконец, третьи предполагают, что летающий предок пингвинов жил на суше и летать умел и лишь потом он превратился в тех пингвинов, которых мы знаем: нелетающих морских птиц.

Когда-то, миллионы лет назад, пингвины были крупнее современных самых крупных пингвинов-императоров.

Наступил ледниковый период, и пингвины пережили его. Мало того: они при этом почти не изменились!

Почему?

Тут опять мы вступаем в область предположений. Возможно, что в то время на берегах Антарктиды, где жили пингвины, климат был умеренный. А когда берега стали покрываться льдом, умная птица переселилась подальше на север, где климат был таким же умеренным, как и на ее родине; она стала жить на берегах Африки, в Австралии, на Огненной Земле. Теперь их там не встретишь: перебили. Но это переселение с покрывающейся льдом Антарктиды в более умеренный климат и было приспособлением к новым условиям жизни.

Сейчас разные виды пингвинов живут на островах Маккуори и Кергелене, плавают на льдинах и айсбергах, но настоящим полярником, аборигеном Антарктиды остался и по сию пору пингвин-император, да еще адели. Пингвины-императоры выводят птенцов в некоторых местах побережья зимой, а весной их сменяют адели.

Пингвин-император хоть ростом и пониже своих далеких предков, но все же достаточно высок — 120 сантиметров, весит примерно килограммов сорок. Он красив собой, формой тела напоминает торпеду — обтекаемый, вытянутый, одетый во все черное с белым, а кое-где брошены как бы небрежной кистью художника золотистые пятнышки, словно отделка.

Недаром про императорских пингвинов шутя говорят: «Торпеда в вечернем туалете».

Император — весьма важная птица, держится она с достоинством. Согласно какому-то своему этикету, эти птицы церемонно отвешивают друг другу поклоны, точно придворные в импера-

торском дворце. Плавают пингвины, как рыбы, ходят по суше, как человек, только очень неуклюже: попеременно выставляя вперед то одну, то другую ногу. Они мало двигаются, большей частью стоят на одном месте, но когда им нужно почему-либо поторопиться, они падают на живот и скользят по льду, отталкиваясь ластами, как мальчишки на санках.

У пингинов-императоров есть несколько мест, где они зимуют. Их колонии всегда расположены на пологом спуске к воде, где удобнее сходить в море, что они и проделывают легко, изящно; так же изящно и легко птицы выскакивают из воды на берег.

Летом пингвины-императоры путешествуют на льдах и айсбергах: перед зимовкой на берегу они линяют, наращивают толстый слой жира и являются осенью, перед тем как начать высиживать птенцов, ухоженные, упитанные. Гнезд они не строят.

Пингвины любят своих детишек, очень хотят их иметь, но, оказывается, на пять пар чаще всего лишь одной выпадает счастье иметь потомство. Пингвины радуются и удивляются появлению яйца — крупного, весом примерно в полкилограмма. Об этом живо и весело рассказывает в своей книжке «Семеро среди пингинов» французский полярник Марио Марре. Он зимовал со своими товарищами на острове возле берегов Земли Адели, для того чтобы наблюдать за пингвинами-императорами в тот важный период их жизни, когда они выводят птенцов.

Вот у пингвина-мамы появилось яйцо. «...Пингвинья чета приходит в необычайное возбуждение. Самка, сокращая мышцы живота, то показывает яйцо изумленному родителю, то прячет его; свой восторг он выражает пением, самка вторит ему. Распираемый любопытством самец, изогнув шею, пытается потрогать яйцо клювом. Самка вытягивается, растопыривает крылья и, кивая головой, как бы марширует на месте, а потом, расставив лапы, роняет яйцо на снег. Самец завладевает им, кладет на собственные лапы; потом неуклюже, с величайшим трудом вкатывает яйцо к самому животу и прячет его там. После этого самец с гордостью разглядывает яйцо и поет; величественный император на время превращается в наседку».

Зимой в Антарктиде, даже на побережье, очень холодно и, как, впрочем, всегда, очень ветрено. Как переживают это тяжелое время пингвины? Умные птицы нашли способ согреться: они со-

бираются вместе, тесно прижавшись друг к другу, и образуют овал, по форме своей напоминающий панцирь черепахи. Так и говорят: «Собираются черепахой». Разумеется, тем, кто находится во внешнем ряду, приходится принимать на себя главные удары ветра, зато тепло там, в середине. Но птицы все время меняются местами, так что им поровну достается и мороз, и ветер, и тепло. И все-таки после сильного бурана наблюдатели находят погибших, оочевневших птиц; иногда порыв ветра забрасывает их даже на вершину горы, случается, что их находят и в коридорах между скал, на сильнейшем сквозняке.

Тяжелое это время для императоров — зима, когда они выводят потомство. И поведение их иногда очень странное и непонятное. Некоторые бездетные пингвины, холостяки, занимаются самообманом: они часто держат в лапах камешки или округлые льдинки. Зато счастливые родители заботливо насиживают яйцо. У каждой пары не бывает больше одного яйца. Да и с ним столько возни, столько мороки! Пингвин-мама каким-то образом заранее знает, когда из яйца вылупится птенец, и она заблаговременно отправляется в море на рыбную ловлю. Кормить ей придется не только прожорливого птенца, но и супруга да и себя тоже. Оба родителя сильно изголодаются к тому времени, когда приходит пора появиться птенцу.

Самка отправляется в море «за провизией», а самец продолжает насиживать яйцо под теплой складкой своего живота. И вдруг в один прекрасный день он слышит, что птенец внутри яйца поет! Восхищенный родитель вторит ему. Это происходит дня за два до того, как малыш появится на свет. К дню его рождения должна явиться и мама. В громадной, тысячной толпе императоров она находит своего супруга по голосу, у пингвинов очень тонкий слух.

Все счастливы, птенец прекрасно себя чувствует под родительским кровом, но у родителей, как полагается, хлопот немало с пропитанием.

Случаются и трагедии. Самка почему-то запоздала, а птенец уже выбрался из яйца, пропев свою вступительную арию. И как ни велика радость отца, высиживающего потомка, но поступки его иной раз бывают странные, непонятные, жестокие. Случается, он бросает яйцо и тоже следом за супругой отправляется на рыбную

ловлю. Бывает и так, что, не дождавшись к дню рождения птенца своей супруги, отец бросает беспомощного пингвиненка и уходит на рыбную ловлю. Много бывает странных, непонятных историй в колонии пингвинов в этот важный период их жизни. Погибают взрослые птицы, гибнут маленькие птенчики от голода, холода, ветра. Но бывают удивительные случаи, когда бездетные взрослые пингвины берут под свое покровительство малышей, усыновляют их, кормят, опекают, учат жить.

А юные, уже подросшие императоры, каким-то образом потеврявшие своих родителей, подражают взрослым и собираются вместе «черепашкой».

Естественно все же задать вопрос: почему пингвины-императоры выводят птенцов в такое трудное время года — антарктической зимой? Почему не весной, как другие их «двоюродные родственники», когда все же легче жить, мягче погода, нет таких страшных буранов? Для этого, разумеется, есть свои причины: юный император должен родиться весной, в августе, чтобы успеть к лету, когда надо сходить на воду, сменить свой пушок на обычный костюм императора: «торпеды в вечернем туалете».

И когда наступает весна, в колонии императоров царит бурное веселье. Птицы камнем бросаются в воду, изящно, легко выскакивают на берег, и с их серебристых, уже отросших крыльев ручьями льется вода. Пришло и антарктическое лето, от припая оторвалась большая льдина, а на ней — целая компания императоров. Они сидят спокойно, важно, словно на корабле. А льдина уплывает все дальше и дальше в море и уносит на себе пингвинов.

Теперь они нескоро вернутся сюда, наверное, не раньше чем года через два, а иные и еще позже. Теперь они будут жить в своей стихии — в море, плавать на льдинах, охотиться, сытно есть, жить в свое удовольствие, насколько это возможно в суровой Антарктике!

Но колония не пустует, у нее весной новые квартиранты. Сюда прибывают десятки тысяч аделей — пингвинов со своими повадками, привычками и поведением, не похожими на образ жизни их «двоюродных родственников» — императоров!

Возвращаются на свои прошлогодние гнезда на вершинах скал и цари антарктического воздуха — гигантские буревестники, стремительные, красивые в полете, гроза юных пингвинов, и другие,

более слабые и более мелкие птицы. Гнездятся на скалах и ослепительно белые снежные буревестники, и кремовые, с черным квадратом на крыле, капские, и серебристо-серые буревестники, их еще называют глупышами. И наконец, поморник, птица с неверным, бегающим взглядом, трусливая и жестокая, но обладающая большим преимуществом перед другими птицами для зимовщиков: мясо ее вкусное, настоящая дичь!

И все-таки самые забавные, самые интересные птицы — пингины-адели. Они гораздо мельче императоров, у них нет этой величавости и важности, они суетливы, любопытны, везде суют свой нос и всегда бесстрашно встречают людей, каких-то непонятных двуногих животных, которых никогда не видели раньше. Вот хищника морского леопарда они боятся, для этого есть причины: немало было у них на глазах кровавых примеров, когда леопард кидался на птицу и сжирал ее. А человек? Нет, они его не знают и не боятся...

Своих птенцов адели выводят летом, для чего сначала строят гнезда из камешков. Что тогда творится в колонии — шум, крик, ссоры! Они вороваты, эти адели, так и норовят утащить у своей соседки камешки для гнезда. «Суетливые, как торговки, — пишет Марио Марре, — эти клоуны, болтуны полуденных широт, нахальные карлики привносят в мрачное величие полярных просторов нотку юмора».

На птичьем базаре кричат не только адели, но и вообще все птицы. Оттуда все время доносится до зимовщиков гул, напоминающий оркестр современной музыки без мелодии и ритма. Как говорит Марио Марре, снявший превосходную картину о пингвинах, птичий базар этот похож на некий заповедник, где буревестники, пингины, тюлени резвятся, ловят рыбу, безобразничают, болтают на полной свободе. «Этот ледяной континент, где люди сталкиваются со столькими трудностями, где они погибли бы, как мотыльки, не будь у них под рукой технических средств, эта неприветливая земля добра к ним, странным и грациозным существам, созданным, видно, по приемлемым для них канонам».

Адели откладывают по два яйца и вдвоем насиживают их. А когда настает время и появляются маленькие пушистые пингвинятки, похожие на игрушечных, любопытные и забавные, как и их

родители, происходит самое замечательное, что всегда поражает в рассказах об аделях: устраиваются настоящие «детские сады»! Родителям приходится отлучаться, они уходят в море на рыбную ловлю, а малыши остаются одни. Они боятся, им страшно, над головой появляется хищник — поморник, или из моря вылезает морской леопард... Нет, они положительно не могут обходиться одни! И оставшиеся на берегу взрослые адели опекают детишек, кормят: вернувшись с моря, адели раздают корм всем подряд, не отыскивая своих собственных птенцов! Нет, все-таки это удивительная птица — пингвин.

Пингвин-император и адели — южане. Остальные пингвины живут много дальше к северу, на островах, мимо которых проплывают ослепительно сверкающие айсберги.

Как будто бы все просто и ясно: мы знаем, где царство мороза, а где — вечного лета. Но известно ли вам, что в бесконечно далекие времена не было этого разделения — где холодно, а где тепло? Было всюду тепло, резкой разницы не существовало.

И бродили когда-то по земле странные доисторические чудовища, которым ничего не стоило бы заглянуть в окно пятого этажа современного дома. И росли странные доисторические деревья без листьев, не похожие на современные. Было это многие миллионы лет назад. Календарь геолога не тот, что наш, повседневный, там время измеряется эрами, а каждая эра — это миллионы лет. И у каждой эры свои особенности.

Предпоследняя эра — ее называют мезозойской, от слова «мезос», что значит «средний», — характерна пресмыкающимися. В то время расцвел первый цветок, появилась первая птица. А примерно шестьдесят пять миллионов лет назад наступила наша эра — кайнозойская, что значит «новая». Она длится и по сей день, мы с вами в ней живем. В эту новую эру и свершилось великое — появился человек.

Когда-то на Шпицбергене росли густые леса, недаром там обнаружили впоследствии громадные залежи угля. Ведь уголь обра-

зовался из доисторических деревьев без листьев и более поздних, похожих на современные. Они падали в болота и превращались сначала в торф, а потом в уголь. На пустынной Земле Франца-Иосифа, где нынче живут белые медведи и вороватые песцы, бегали стада оленей, а еще раньше на Новосибирских островах жили громадные мамонты, предки современных слонов.

Все было по-иному. И оледенения когда-то не было. А потом началось. Почему? На этот вопрос уверенно и определенно пока не ответит ни один ученый. Он только скажет, что началось оно в начале нашей эры. И первым, как предполагают, покрылся льдом Южный материк — Антарктида, оттуда оледенение распространилось по всей нашей планете, покрыло часть Европы, Азии, Америки. Следы оледенения находят даже в жарких странах.

Льды то наступали, то отступали, но оледенение сохранилось и в наши дни, примером тому служит на севере Гренландия, на юге — Антарктида.

По остаткам древних растений и животных ученые составляют историю нашей планеты. Нашли на Антарктиде пласты угля — доказательство, что здесь росли когда-то леса и было тепло. Нашли где-то остатки древних, доисторических животных и тоже представили себе, что здесь было когда-то. Одна находка поставила ученых в тупик. Жила когда-то на свете миллионы лет назад гигантская пресноводная саламандра, страшное чудовище, но не в этом дело. А дело в том, что останки ее нашли и в Африке, и в Южной Америке. Интересно, каким образом пресноводное животное могло переплыть соленый океан и оказаться на двух далеко отстоящих друг от друга материках? Думали, прикидывали и решили, что, очевидно, саламандра перешла сухим путем, совершив для этого огромное путешествие из Африки в Европу через Суэцкий перешеек — ведь канал там прорыли сравнительно недавно, потом добралась до севера Европы, в Азию, там в Америку по узенькой полоске суши, соединявшей когда-то Азию и Америку, — лишь много позднее море размыло сушу и образовался Берингов пролив. Так, совершив едва ли не кругосветное путешествие через материки, саламандра могла оказаться и в Африке, и в Америке.

Но... в 1967 году в горах Антарктиды, около Южного полюса, в толстом слое осадочных пород была найдена гигантская челюсть саламандры. Саламандра? В Антарктиде? А туда как она попала,

хотя бы 220 миллионов лет назад, как определили ученые по остаткам растений, среди которых и была обнаружена эта ценнейшая находка? Как же она туда пробралась, эта любительница дальних прогулок? Тут было над чем подумать. Перешейков, соединяющих Африку с Антарктидой, в то время не было никаких. И по сию пору не все тут ясно, но есть предположения настолько убедительные, что о них можно говорить.

...Жил на свете один ученый по имени Альфред Вегенер. Родился он в XIX веке, умер в 1930 году. Много лет работал он на ледяном куполе Гренландии и сталкивался не с одной загадкой из прошлого Земли. И вот он сделал смелое предположение: он сказал, что материки не стоят на одном месте, что они могут двигаться, дрейфовать, перемещаться. Когда-то на нашей планете, говорил он, был единый огромный праматерик — Пангея. 180 миллионов лет назад он распался на два: на северный — Лавразию и южный, в котором слились будущие полуострова и материки Индостан, Аравия, Африка, Южная Америка, Австралия и Антарктида. Если изобразить этот праматерик, то будет видно, что Антарктида как бы зажата в середине, она лежит очень далеко от Южного полярного круга и от Южного полюса. Назвали этот материк «Гондвана», или «Гондваналенд», по имени одной из провинций Индии: он весь лежал под ласковым теплом солнечных лучей, и здесь могли водиться какие угодно доисторические растения и животные.

Но постепенно и этот огромный материк распался. Индостан отошел к Северному полушарию, сами по себе существуют Южная Америка, Африка, Австралия и Антарктида. Она отошла за Южный полярный круг, к Южному полюсу.

Теория Вегенера разрешала многие загадки прошлого Земли, но многие ученые, физики земли, категорически восставали против возможности дрейфа материков.

Только в последнее время, после интереснейших работ в этой области, выяснилось, что Вегенер, пожалуй, прав! Найдено много доказательств того, что материки могут передвигаться и что они действительно передвигались. А если так, то и саламандра, эта любительница дальних путешествий с ее «охотой к перемене мест», вполне могла жить и в Африке, и в Южной Америке, и в Антарк-

тиде, и для этого ей не надо было совершать чуть ли не кругосветные переходы.

Сегодня в Арктике климат теплеет, ледники отступают. Теплеет и на крайнем юге. Что ж, так бывало не раз. Ледники то отступали, то наступали. И если находили следы оледенения даже в жарких странах, то в силу каких-то серьезных изменений в жизни Земли может растаять и Антарктида. Это будет настоящей катастрофой: уровень Мирового океана поднимется на 60 метров, затопит плотно населенные острова и берега материков.

Но кто знает, что ждет нас в будущем. Пока еще такая беда не грозит людям. И уж во всяком случае, мы сегодня вполне можем рассуждать о том, «где мороз, а где жара».

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
Серия «Твой кругозор»

Гумилевская Марта Владимировна

Где мороз, а где жара

ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Зав. редакцией *В. И. Егудин*
Редактор *Е. Г. Таран*
Художественный редактор *Т. В. Глушкова*
Компьютерная верстка *А. Н. Кильдин*
Технический редактор *Г. В. Субочева*
Корректоры *Н. В. Семенова, Е. В. Казакова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000.
Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 26.07.07. Формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 19715.

Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, г. Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, д. 41.

ОАО «Саратовский полиграфкомбинат». 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.
www.sarpk.ru

Т В О Й К Р У Г О З О Р

М. В. ГУМИЛЕВСКАЯ

ГДЕ МОРОЗ, А ГДЕ ЖАРА

КНИГА РАССКАЗЫВАЕТ О САМЫХ ХОЛОДНЫХ
И САМЫХ ЖАРКИХ МЕСТАХ НА ЗЕМНОМ ШАРЕ.
ЧИТАТЕЛЕЙ ЖДУТ ТАЙНЫ ТРОПИЧЕСКИХ ЛЕСОВ
АФРИКИ, ПОЛНАЯ ДРАМАТИЗМА ИСТОРИЯ
ПОКОРЕНИЯ АРКТИКИ И АНТАРКТИДЫ,
ВЫДАЮЩИЕСЯ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
И ОТКРЫТИЯ.

«Твой кругозор» – это проверенные временем традиции научно-познавательной литературы для детей. В серию вошли лучшие книги по гуманитарным и естественно-научным предметам, написанные российскими и зарубежными авторами. Книги серии позволят вам расширить кругозор, повысить свой образовательный уровень и стать знатоками в различных областях знаний.

МАТЕМАТИКА РУССКИЙ ЯЗЫК ФИЗИКА ГЕОГРАФИЯ ИСТОРИЯ

ISBN 978-5-09-017960-7

9 785090 179607

ГДЕ МОРОЗ, А ГДЕ ЖАРА

М. В. ГУМИЛЕВСКАЯ

